

И. ЕФРЕМОВ
**АЛМАЗНАЯ
ТРУБА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1985

И. ЕФРЕМОВ

АЛМАЗНАЯ
ТРУБА

Научно-фантастические рассказы

РИСУНКИ
М. Рудакова

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вы открыли книгу научно-фантастических рассказов известного советского писателя *Ивана Антоновича Ефремова*. Иван Антонович был человеком энциклопедических знаний, философом, палеонтологом, историком.

Первые же его произведения, которые были опубликованы в середине сороковых годов, сделали имя этого большого ученого знаменитым.

И. А. Ефремов был страстным путешественником, годами пропадал в экспедициях, проходил путями старых горняков, увлеченно работал над раскопками древних животных.

Сейчас многие из его рассказов не покажутся вам такими фантастическими, какими казались его первым читателям. Самым невероятным образом сбылись многие дерзкие предположения, выдвинутые *И. А. Ефремовым* в те годы: геологи нашли в Якутии месторождение алмазов именно в том месте, где разворачивались события в рассказе «Алмазная труба»; казалось бы, невероятная гипотеза о существовании в Сибири пещеры с рисунками африканских животных найдет свое право на существование после открытия Каповой пещеры в Башкирии (рассказ «Голец Подлунный» не вошел в настоящий сборник) и т. д.

Необыкновенная прозорливость его догадок могла оправдаться только потому, что интуиция ученого и воображение фантаста, опираясь на огромные знания, позволили *И. А. Ефремову* заглянуть на много лет вперед. Некоторые из произведений *И. А. Ефремова* вы, возможно, уже читали: «Звездные корабли», «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи», «Великая дуга», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская». Познакомьтесь теперь и с этой книгой. Мы надеемся, что она вам понравится.

АЛМАЗНАЯ ТРУБА

Начальник главка раздраженно отодвинул наполненную окурками пепельницу и негодуя посмотрел на собеседника.

Тот, худой, маленький, седобородый, утонул в большом кожаном кресле, сжавшись, подобрал ноги. Глаза его поблескивали сквозь очки непримиримым упорством.

— Третий год работает Эвенкийская экспедиция — и никаких результатов! — бросил начальник.

— Как — никаких? А кимберлиты?¹

— Вот, кстати, о кимберлитах. Вы знаете, что академик Чернявский дал о них отрицательное заключение? Он не признает эту породу за кимберлит. И вообще, Сергей Яковлевич, лично мне все ясно. Это ведь огромная, почти неисследованная страна. Экспедиция стоит дорого, особенно после того, как вы прибавили к ней маятниковую партию. Результатов же нет. Я категорически настаиваю на прекращении работ! У нашего института много более не-

---

¹ К и м б е р л и т — плотная туфообразная горная порода из группы ультраосновных, то есть с малым содержанием кварца и увеличенным — железа и магния.

отложных задач, и расходование крупных ассигнований на такого рода изыскания идет в ущерб практике. На этом кончим...

Начальник главка, недовольно морщась, бросил папиросу. Сидевший в кресле директор института, профессор Ивашенцев, резко выпрямился:

— Вы прекращаете дело, которое должно принести стране миллионы, и не только экономии, но и прямых доходов от экспорта!

— Это дело принесло пока только разочарования. Впрочем, я уже сказал, что для меня все ясно. Решение мое окончательное.

Начальник встал. Рядом с ним профессор казался совсем маленьким и беззащитным. Он молча поднялся с кресла, поправил очки. Потом пробормотал что-то невнятное и протянул начальнику круглый камень.

— Я уже видел это, — сухо сказал тот. — «Река Мойсера, река Мойеро»! Три года слышу! И эту гриквaiutoвую породу¹ вы мне тоже показывали.

Профессор сторбился над портфелем, застегивая непослушный замок.

Начальнику стало жаль ученого. Он подошел к Ивашенцеву:

— Сергей Яковлевич, вы должны признать мою правоту. Я не понимаю вашего упорства в этом вопросе...

— Всякой работой, — перебил Ивашенцев, — легче управлять, когда относишься к ней беспристрастно. А я не могу быть беспристрастным. Понимаете ли, я уверен в этом деле горячо, всей душой! Только огромные неисследованные, малодоступные пространства стоят между теоретическим заключением и реальным доказательством. Вы скажете, конечно, что этого уже достаточно для провала дела. Да, знаю: государственные деньги и все такое!.. — начал сердиться профессор, хотя начальник и не думал возражать. — Железный закон экономики знаете? Чтобы миллион добыть, нужно семьсот тысяч затратить! А мы ведь десятки, сотни миллионов ожидаем...

С этими словами он направился к дверям.

Начальник посмотрел ему вслед и покачал головой.

Вернувшись в институт, профессор Ивашенцев прика-

---

¹ Гриквaйт, гриквaитoвaя пoрoдa — пoрoдa из смeси грaнaтa и oливинa из oчeнь глyбoких зoн зeмнoй кoрy.

зал секретарю немедленно вызвать к нему начальника производственного отдела.

— Какие у вас последние сведения от Чурилина? — спросил он, когда тот вошел в кабинет.

— Последние сведения были месяц тому назад, Сергей Яковлевич.

— Это я знаю. А новостей никаких нет?

— Нет, пока ничего.

— Где они сейчас, по-вашему, могут быть?

— Чурилин сообщал о приходе на озеро Чирингда, на факторию. Они выступили вниз по Чирингде на Хатангу, а оттуда должны были перевалить вершину Мойеро. Пожалуй, теперь они уже закончили этот маршрут и могут подходить к Туринской культбазе — таков был их план. Но план — одно, а тайга — другое...

— Это мне хорошо известно, благодарю вас.

Оставшись один, профессор Ивашенцев откинулся на спинку кресла и задумался. Перед его мысленным взором возникла карта огромной области между Енисеем и Леной. Где-то в центре ее, в хаосе невысоких гор, прорезанных бесчисленными речками и покрытых сплошным болотистым лесом, находилась экспедиция, посланная им за... мечтой. Профессор достал из портфеля камень, который он показывал начальнику главка. Небольшой кусок темной породы был плотен и тяжел. На грубозернистой поверхности скола мелкими каплями сверкали многочисленные кристаллы пироба — красного граната — и чистой, свежей зеленью отливали включения оливина. Эти кристаллы отчетливо выделялись на светлом голубовато-зеленом фоне массы хромдиоксида. Кое-где сверкали крошечные васьковские огоньки дистена¹. Порода очаровывала глаз пестрым сочетанием чистых цветов. Профессор повернул образец другой стороной, где на мазке белой эмалевой краски стояла надпись: «Река Мойеро, южный склон Анаонских гор, экспедиция Толмачева, 1915».

Ивашенцев вздохнул: «Ведь это типичный гриквэит Южной Африки! Ни в Анаонских горах, ни в долине Мойеро не удалось обнаружить даже признаков подобных пород. И в этом году опять неудача: Чурилин молчит. Значит, мечта не сбылась».

---

¹ Хромдиоксид и дистен — породообразующие минералы глубинных основных пород.

Ивашенцев взвесил камень на руке и запер в нижний ящик письменного стола. Потом решительно снял трубку внутреннего телефона:

— Отправьте Чурилину телеграмму: «Отсутствию результатов ликвидируйте экспедицию возвращайтесь немедленно»... Да, я подпишу сам, иначе он не послушает. Куда? На Туринскую культбазу. Ну разумеется, по радио, через Диксон.

Звякнул рычаг телефона, оборвав разговор и все возможности осуществления давнишней мечты Ивашенцева. Он снял очки и прикрыл глаза рукой.

Ивашенцев мечтал хотя бы на склоне лет добиться постановки исследования глубоких зон земной коры путем бурения скважин особой мощности. Но даже первые шаги к решению задачи — погоня за мечтой, скрытой в лесах и болотах Средне-Сибирского плоскогорья, — оказались напрасными. Ничему, как видно, не научила жизнь, и на шестом десятке профессор остался мечтателем, стремящимся к слишком большому размаху исследований.

Радиоволны понеслись из Москвы на северо-восток — над тундрами севера, холодными просторами Ледовитого океана — и достигли высоких мачт радиостанции на голом острове. Через два часа новые волны промчались отсюда на юг, миновали хребет Бырранга, болота Пясины и пронесли над бесконечными лесами. На Туринской радиостанции застучал аппарат, и радиоволны запечатлелись в короткой фразе, четко написанной на голубом бланке.

— У тебя есть кто-нибудь из корвунчанских эвенков, Вася?

— А что?

— Срочная телеграмма экспедиции Чурилина. Они сейчас на вершине Корвунчана.

— Корвунчанских нет, однако завтра поедет Иннокентий к себе на Бугарихту. Парень хороший, пятьдесят километров лишних сделает, особенно если ты ему скажешь.

— Пойдем вместе его искать, я сразу и отдам ему телеграмму.

На широкую долину речки Никуорак, в трехстах километрах от Туринской культбазы, опускались сумерки. Пологие склоны щетинились еловым лесом, угрюмо черневшим внизу. На плоском холме, загромождавшем с севера круглое болото, было еще совсем светло. Между редкими лиственницами стояли четыре темно-зеленые палатки, а перед ними на ровной площадке, покрытой светло-серым оленьим мхом, горел костер. Огня почти не было видно. Густой коричневый дым с резким, одуряющим запахом багульника расплывался в спокойном воздухе. По правую сторону площадки возвышалась груда вьючных ящичков, сум, тюков и седел. Туча мошки и комаров висела вокруг костра, за спинами людей. Сидевшие у костра старались держать головы на грани дыма и чистого воздуха, что давало возможность дышать и в то же время избавляло от упорно лезущего в глаза, нос и уши гнуса.

— Чай готов! — провозгласил черный, насквозь прокопченный дымом человек и снял с огня большое ведро, наполненное темно-бурой жидкостью.

Каждый из сидевших у костра вооружился объемистой кружкой и взял по огромной тунгусской лепешке, тяжелой и плотной, — своеобразный хлебный концентрат. Мошка покрывала поверхность горячего чая серым налетом, который приходилось сдувать через край кружки. Люди с наслаждением прихлебывали чай, перебрасываясь короткими фразами.

В редкое позвякиванье ботал разбредшихся внизу лошадей вплелся размеренный отдаленный звон.

— Слушайте, товарищи! Никак, наши идут.

Молодежь бросилась к палаткам за ружьями. Встреча отрядов одной экспедиции после долгой разлуки всегда является торжественным моментом в жизни таежных исследователей. Сумерки еще не успели сгуститься, как на большой прогалине северного склона водораздела появилась цепочка худых, утомленных лошадей, вяло поднимающихся вверх. Ободранные вьюки, обвязанные измочалившимися веревками, свидетельствовали о долгом пути через густые заросли.

Загрели выстрелы. Прибывшие ответили нестройным залпом. К палаткам подъехал угрюмый плотный человек — геофизик Самарин, начальник маятникового отряда. Он

грузно слез с лошади. Шея его была кое-как обмотана грязным бинтом. Он поднял с лица черную сетку и шагнул навстречу начальнику экспедиции Чурилину — высокому, гладко выбритому человеку.

— Привет, товарищ Чурилин, — глухо сказал Самарин в ответ на дружеское приветствие начальника.

— Вот хорошо, как раз к чаю! Ну, что интересного?

— Кое-что есть. А пришлось тяжело... Я заболел, трех лошадей потеряли...

— Что с вами?

— Дрянь какая-то — мошка разъела, кругом воспаление.

— Чесались?

— Еще бы не чесаться! — сердито проворчал Самарин в ответ на укоризненный взгляд Чурилина. — У меня кожа не такая дубленая, как у вас. Теперь не знаю, как пойду в следующий маршрут.

Чурилин распорядился выдать всем понемногу из драгоценного запаса спирта. Прибывшие также расположились у костра. Громкие, веселые голоса перебивали друг друга, люди рассказывали о разнообразных приключениях. Начальник экспедиции уселся рядом с геофизиком, который, выпив чаю и закусив, немного обмяк и пришел в себя.

— Модест Африканович, жажду ваших сообщений!

Самарин рассказал о пройденном им маршруте, широким углом охватывавшем район от реки Джеромо до вершины Вилючана. На этом пути удалось сделать больше двадцати измерений силы тяжести¹.

— Везде довольно большие положительные аномалии² — шестьдесят, восемьдесят. Но вот в одном месте я сделал даже три измерения подряд на небольших расстояниях. Получилось... — Геофизик сделал паузу.

— Не томите, Модест Африканович! — быстро сказал Чурилин.

Самарин довольно усмехнулся и продолжал:

— Получилось двести...

— Ого!

— Погодите: двести семьдесят и триста пять!

— Где? — взволнованно воскликнул Чурилин.

---

¹ Сила тяжести — подразумевается сила земного тяготения.

² Положительные аномалии — местные увеличения силы тяжести.

— Амнунначи... Обширное низкое плато, сплошная болотина, к западу от Мойерокана.

— Мойерокана! Вот тебе и на!

Разговоры у костра стихли. Вновь прибывшие разошлись спать. Только сотрудники Чурилина, отдохнувшие за четырехдневную стоянку, остались у костра, с интересом прислушиваясь к разговору начальника с геофизиком.

— Ну, я замучил вас, Модест Африканович, — сказал Чурилин, — извините меня. Идите скорее отдыхать. Мы-то здесь уже так откормились, что не ложимся раньше полуночи.

Самарин неохотно поднялся и, стоя на коленях, свернул последнюю папиросу. Чурилин некоторое время пристально всматривался в его усталое, опухшее лицо.

— Хорошо быть геофизиком, Модест Африканович, — сказал он. — Точные задачи, ясные ответы — вот как у вас, например.

— Нашли чему завидовать!

Лицо Чурилина было серьезно.

— Я сравнивал мои и ваши исследования. Я восхищен могуществом геофизики! Я плохой физик и еще худший математик. Может быть, поэтому, как всякая незнакомая научная дисциплина, ваша работа представляется мне гораздо более значительной, чем моя. Посмотрите хотя бы со стороны: прибор Штюкрата¹ устанавливают на намеченной точке. Внутри него мерно качаются два коротких тяжелых маятника, снабженных зеркальцами, отражающими свет от крохотных лампочек. И это всё. В дальнейшем нужно только наблюдать совпадения периода качания маятника с ходом астрономических часов — хронометров. Впрочем, конечно, — спохватился Чурилин, — до этого еще нужно тщательно выверить прибор, провести наблюдения звезд для проверки часов. Но в общем-то как гениально просто! Качается маятник и едва уловимо отзывается на увеличение или уменьшение силы тяжести в данном месте. А в руках геофизика — это сказочный меч, незримо рассекающий на несколько километров вглубь толщи горных пород, это глаз, показывающий недоступные подземные глубины.

Самарин бросил в костер окурки и усмехнулся:

---

¹ Прибор Штюкрата — маятниковый прибор для измерения самых незначительных колебаний силы тяжести.

— Я, наоборот, ясно представляю себе всю беспомощность геофизики, обилие неразрешимых еще вопросов, несовершенство методов. И ваша геология кажется мне более ясной, более могущественной наукой, имеющей в своем распоряжении неизмеримо большее число фактов... Ну, я иду спать.

С уходом геофизика у костра наступило молчание. Столб пламени в высоте окаймлялся звездным венцом, едва слышно шипели дымокуры, и неумолимо ныли комары. Из долины по-прежнему доносилось позвякивание ботал лошадей.

— Максим Михайлович, неужели геофизика может легко решить то, над чем мы так долго бьемся? — осторожно спросил молодой геолог.

Чурилин невесело усмехнулся:

— Я говорил о могуществе геофизики не в этом смысле. Мы ищем алмазные месторождения. Почему мы ищем их именно здесь? Пять лет назад наш директор первый обратил внимание на необычайное сходство геологии здешних мест и Южной Африки. Средне-Сибирское и Южно-Африканское плоскогорье обладают поразительно сходным геологическим строением. Там и здесь на поверхность прорвались колоссальные извержения тяжелых глубинных пород. Сергей Яковлевич считает, что извержения были одновременными у нас и в Южной Африке, где они закончились мощными взрывами скопившихся на громадной глубине газов. Эти взрывы пробили в толще пород множество узких труб, являющихся месторождением алмазов. На пространстве от Капа до Конго известны сотни таких труб, и, несомненно, огромное их количество еще скрыто под песками пустыни Калахари. Алмазов хватило бы на весь мир. А вы знаете, как необходимы они в промышленности и для нашего дела — в бурении. Крупные компании скупили все месторождения. Из десятков богатых труб разрабатываются только пять, остальные обнесены проводами высокого напряжения и охраняются часовыми. Оно и понятно: пустить в разработку все месторождения — значит резко удешевить алмазы. В Советском Союзе не обнаружено до сих пор сколько-нибудь значительных месторождений, и если нам удастся отыскать подобные трубы, сами понимаете, как это важно! Здесь все удивительно сходно, кроме алмазов, с Южной Африкой — и платина, и железо, и никель, и хром; на этом Средне-Си-

бирском плоскогорье один и тот же тип минерализации. Сергей Яковлевич подметил, что те районы в Южной Африке, в которых обнаружены алмазонасные трубы, отличаются положительными аномалиями силы тяжести. Она больше нормальной, потому что из глубин к поверхности поднимаются массы тяжелых, плотных пород — перидотитов¹ и гриквайтов. Аномалии доходят до ста двадцати единиц. Здесь в первый же год работы с маятником мы сразу уловили аномалии от сорока до сотни, и теперь... теперь вот обнаружили аномалии до трехсот единиц. Значит, здесь мы имеем большие скопления тяжелых пород. Но до решения нашего вопроса еще далеко. Маятник подтвердил нам еще одну черту сходства с Южной Африкой и дал косвенные указания на районы, в которых могут быть обнаружены месторождения алмазов. Я говорю «могут быть», но ведь столько же шансов, что и не будут обнаружены. В Южной Африке легко искать — там сухие степи, почти без растительного покрова, с энергичным размывом. Первые алмазы и были найдены в реках. А у нас здесь — море лесов, болота, вечная мерзлота, ослабляющая размыв. Все закрыто. И пока, за три года работы, мы имеем то же, с чего начали: только таинственный кусок гриквайта, найденный в гальке реки Мойеро! Эта порода из смеси граната, оливина и диопсида встречается только в алмазных трубах в виде округлых кусков в голубой земле, содержащей алмазы. И вот мы прошли всю верхнюю Мойеро, обследовали множество ключей и речек бассейна...

У потухавшего костра наступило молчание. Собеседники расходились один за другим. Чурилин сидел, глубоко задумавшись. Последние вспышки пламени бросали красные отблески на его сухое индейское лицо. Против Чурилина сидел, облокотившись на вычную суму и спокойно посасывая трубку, чернобородый, похожий на цыгана его помощник Султанов.

Ковш Большой Медведицы перекопился в черном небе — подступало глухое время ночи.

«До окончания полевого сезона осталось не больше месяца, — думал Чурилин, — еще один короткий маршрут... И если вернуться опять с неудачей, наверно, работы

---

¹ П е р и д о т и т ы — глубинные изверженные породы, состоящие преимущественно из оливина (ультраосновные).

будут прекращены. В этих необъятных залесенных горах нужны десятки партий, десятки лет исследования. Но, во всяком случае, необходимо задержать экспедицию как можно дольше, нужно разбить ее на маленькие группы, чтобы успеть выполнить побольше маршрутов».

На южном склоне посыпались мелкие камни. Чурилин и его помощник насторожились. Неясный шум приближался. Затем в световой круг костра из темноты просунулась собачья морда с острыми, торчащими ушами. Послышалось тяжелое дыхание верхового оленя. К костру подъехал звенк с пальмой¹ в руке. Опираясь на нее, он легко спрыгнул с оленя, и олень сейчас же лег. Круглое лицо звенка улыбалось. Он осведомился, где начальник, и протянул Чурилину конверт с огромной сургучной печатью.

Чурилин поблагодарил вестника, пригласил поесть и обещал два кирпича чая. Разворошив костер, Чурилин вскрыл конверт и, развернув листок голубой бумаги, прочитал. Глаза его сузились и заблестели недобрый огоньком.

Султанов внимательно посмотрел на него и вполголоса спросил:

— Плохие вести, Максим Михайлович?

Вместо ответа Чурилин протянул ему листок. Султанов прочитал и закашлялся, поперхнувшись слишком глубокой затыжкой. Оба они молчали. Потом Султанов тихо сказал, глядя поверх костра в ночь:

— Что ж, это конец...

— Посмотрим! — ответил Чурилин. — Только молчание, Арсений Павлович.

Чурилин взял телеграмму и бросил в костер. Затем они уехали у костра. Султанов достал листок бумаги и начал покрывать его вычислениями. Заготовленные к утру дрова кончились, когда Чурилин и Султанов ушли от угасшего костра.

* * *

На рассвете следующего дня Чурилин поднял всех затемно. Два каравана разошлись в разные стороны. Один, в двадцать восемь лошадей, растянулся длинной цепочкой между елями в долине Никуорака, направляясь с веселы-

---

¹ П а л ь м а — тяжелый нож-скачак на длинной рукояти.

ми песнями на юг, домой. Оставшиеся четыре человека — Чурилин, Султанов, рабочий Петр и проводник Николай — с пятью лошадьми, навьюченными до предела, дали два прощальных залпа, поглядели несколько минут вслед уходящим и стали спускаться с холма в противоположную сторону. Там, за рядами однообразно расплывчатых гор, чернели кедровники высокого плато¹ в вершине Люлюктана...

* * *

Движение вьючного каравана сквозь тайгу, поход через неисследованные области, «белые пятна» географических карт... Казалось бы, что может быть романтичнее покорения неизвестных пространств! На самом же деле только тщательная организация и твердая дисциплина могут обеспечить успех подобного предприятия. А это значит, что обычно не случается ничего непредвиденного: день за днем тянется размеренная, однообразная тяжелая работа, рассчитанная далеко вперед по часам. Один день отличается от другого чаще всего числом преодоленных препятствий и количеством пройденных километров. В тяжелом походе душа спит, впечатления новых мест скользят мимо, едва задевая чувства, и механически отмечаются памятью. Потом, в более легкие дни или после вечернего отдыха, а еще вернее — после окончания похода, в памяти возникает вереница воспринятых впечатлений. Пережитая близость с природой, обогащая исследователя, заставляет его быстро забыть все невзгоды и снова манит, зовет к себе.

Наступили жаркие дни. Солнце поливало тяжелым, густым зноем мягкую, мшистую поверхность болот. Его свет казался мутным от влажных испарений перегнившего мха. Резкий запах багульника походил на запах перебродившегопряного вина. Зной не обманывал: обостренные длительным общением с природой чувства угадывали приближение короткой северной осени. Едва уловимый отпечаток ее лежал на всем: на слегка побуревшей хвое лиственниц, горестно опущенных ветках берез и рябин, шляпках древесных грибов, потерявших свою бархатистую свежесть...

---

¹ Плато — возвышенность с плоской, «столовой» поверхностью.

Комары почти исчезли. Зато мошка, словно предчувствуя грядущую гибель, неистовствовала, сбиваясь в мерцающие рыжевато-серые облака.

Маленький караван Чурилина уже давно шел через обширные болота Хорпичекана.

В сердце тайги царит душная неподвижность. Ветер, отгоняющий назойливого гнуса, здесь редкий и желанный гость. На ходу мошка еще не страшна — она облаком вьется сзади путников. Но стоит остановиться, чтобы осмотреть породу, записать наблюдения или поднять упавшую лошадь, и туча мошки мгновенно окутывает вас, липнет к потному лицу, лезет в глаза, ноздри, уши, за воротник. Мошка забирается и под одежду, разъедает кожу под поясом, на сгибах колен и щиколотках, доводит до слез нервных и нетерпеливых людей. Поэтому мошка является своеобразным «ускорителем», определяющим убыстренный темп работы на случайных остановках и сводящим к минимуму всякие задержки. И только во время длительного отдыха, когда разложены дымокуры или поставлена палатка, появляется возможность неторопливо оглянуться на пройденный путь.

Чвакали копыта лошадей, поскрипывали ремни и кольца вьюков на седлах. Громадное болото скрывалось впереди в зеленоватой дымке испарений. Покосившиеся столбы сухих лиственниц возвышались над редкими и чахлыми елями. Сосредоточенное молчание, в котором двигался отряд, иногда прерывалось вялой бранью по адресу того или другого коня. Впрочем, лошади, хорошо освоившиеся с тайгой за лето, трудились добросовестно. Понутив головы, они шли цепочкой без всяких поводков. Эвенк Николай в мягких мокрых олочах, с палкой в руке и берданой за плечами, как-то особенно расставляя согнутые в коленях ноги, быстро семеня впереди каравана.

Позади всех шел со съемкой Султанов. На его раскрытую записную книжку падали капли пота, липли мошки, оставляя на страницах расплывчатые розоватые пятна крови.

— Далеко до Хорпичекана? — задал Чурилин проводнику обязательный вечерний вопрос.

Холодная ночь заставляла всех придвигаться поближе к костру, разложенному на небольшой сухой релке.

— Не знаю, наша тут не ходи, — ответил проводник. — Я думай, его шибко далеко нету.

Чурилин с Султановым переглянулись.

— Двадцать дней уже крутимся вокруг Амнунначи, — тихо сказал Султанов. — Собственно, Хорпичекан — последняя речка.

— Да, — согласился Чурилин, — больше нет никакой зацепки. Всё Амнунначи — сплошная болотина, низенькое, ровное плоскогорье. Если Хорпичекан ничего не покажет, придется поворачивать ни с чем. И так без лошадей можем остаться, зимы хватим.

Только на второй день удалось дойти до таинственного Хорпичекана, ничем не замечательной речки с темной водой, быстро струившейся между извилистыми берегами. С высоких подмывов почти до воды свисали жесткие косы густой травы. При ширине не более трех метров речка была глубока.

Дрова из ивняка и черемухи плохо грели, костер шипел и сильно дымил, разгоняя мошку. Эта неудобная стоянка была решающей. Но что могла дать глубокая болотистая речка, лишенная всяких обнажений коренных пород? Даже гальки — показателя состава пород в верховьях речки — не нащупывалось на вязком, илистом дне.

В этот вечер луна не светила на мрачное болото: приход на Хорпичекан совпал с переменной погоды. Редкие тусклые звезды загорались и гасли, показывая передвижение невидимых облаков. К полуночи молчаливое болото ожило — зашумел ветер. Стал накрапывать редкий дождь.

Утром холодный туман быстро поднялся вверх: признак ненастья. Без солнца невеселая местность стала еще угрюмее, рыжеватая площадь болота посерела, воды Хорпичекана казались совсем черными.

Султанов длинным шестом ткнул в дно:

— Придется нырять!

Нащупав мелкое место, в котором палка сквозь жидкую глину упиралась в какие-то камни на дне, Чурилин первым разделся и бросился в ледяную воду.

— Вот вам три камня! — крикнул он, вылезая на берег. — Бегу одеваться в палатку, а то мошка съест. Бейте, Арсений Павлович.

— Угlistый сланец и диабаз¹, — сказал Султанов, за-

---

¹ Д и а б а з — излившаяся глубинная древняя порода, аналогичная базальтовым лавам

глядывая через несколько минут в палатку.— Все то же самое!

— Нет, не могу я так бросить начатое дело! — Чурилин взглянул на Султанова.— Мы пойдем в вершину Хорпичекана, в центр Амнунначи. У меня какое-то предчувствие: здесь что-то есть, или вся наша затея — погоня за несбыточным... Давайте завьючиваться, не теряя времени.

— Ух, и надоело! — засмеялся Султанов, обвязывая свернутую в тюк палатку.— Подумайте только, который уж месяц! Вечером все развязать, разложить, утром собрать и снова связать. И так каждый день...

* * *

Шесть дней под непрерывным мелким дождем шел караван на северо-восток. Следы человека, зимних кочевков эвенков исчезли; ни одного порубленного дерева не встречалось маленькой партии. Вершина Хорпичекана пряталась в чаще густого мелкого ельника. Оглянувшись назад, перед тем как войти в заросли, Чурилин увидел позади почти весь путь последних двух дней. В прояснившемся на несколько часов воздухе дрожали влажные испарения, придавая обширному пространству болота призрачный вид.

Чурилин и его товарищи насторожились: болото пересекали два больших лося. Они шли спокойно, не видя людей. Высокие ноги животных двигались неторопливо, но размашистый шаг легко и быстро нес массивные тела по топкой, пропитанной водой толще мха. Передний лось закинул назад огромные рога, поднял голову и каким-то презрительным взглядом оглядел покорные ему пространства болот. Животные скрылись за неровной серой гребенкой сухих лиственниц.

— Досадно смотреть! — произнес Султанов.— На этих длинных ногах никакое болото не страшно. В день по двести километров можно делать! — Он с огорчением поглядел на свои ноги в тяжелых сапогах.

Чурилин рассмеялся, а проводник расплылся в улыбке, хотя и не понял, о чем шла речь.

— Мясо, однако, здесь будет! — весело сказал эвенк.

Чувство тревоги не оставляло Чурилина. Времени на работу, собственно, уже не было. Они двигались вперед за счет срока, необходимого на возвращение. И все-таки

маленький отряд все глубже забирался в удаленные от больших рек безлюдные болота.

Центр Амнунначи вполне соответствовал данному эвенками названию: это была совершенно безлесная равнина, покрытая кочковатой сухой травой, на серо-желтой поверхности которой выделялись темные пятна моховых полян. Равнина постепенно понижалась, охваченная вдали едва видной щеткой низкого леса. Только налево горизонт закрывался чернеющей ровной полосой: там местность, видимо, имела более крутой спад и выступали далекие горы. Вскоре небо затянулось ровной свинцовой пеленой, снова заморосил дождь. Огромное пространство труднопроходимых болот, в которых затерялись четыре человека, давило и угнетало, внушая мысли о недостаточности человеческих сил. Как бы ни хотелось человеку выбраться отсюда, но только недели, только месяцы могли освободить его из этого плена. И не случайно Султанов позавидовал лосям: самый сильный человек, самые привычные ноги смогут сделать за день по мягкому моховому покрову, хлюпающей грязи, цепляющейся траве и багульнику не более тридцати тысяч шагов. И если их нужно полмиллиона, чтобы выйти из этих болот, кричите, бейтесь в тоске, зовите кого хотите — ничто вам не поможет. Тридцать тысяч шагов, и из них ни одного неверного. Иначе, попав между кочками, корнями, в щели каменных глыб россыпей, треснет хрупкая кость. Тогда — гибель.

Караван повернул под прямым углом налево, к далекой долине Мойеро. За сеткой дождя ничего не было видно, целыми днями шли только по компасу. Чурилин и Султанов почти не разговаривали, рабочий с эвенком тоже молчали. Ночью жалобно звенели ботала лошадей, голодные кони толклись вблизи палатки. Иногда раздавался хриплый короткий рев лося — началось время осенних боев между самцами...

* * *

На повороте только что проложенной тропинки Чурилин увидел остановившийся караван. Лошади сбились в кучу.

— Максим Михайлович, идите скорее! Воронок напоролся! — крикнул Петр с отчаянием в голосе.

Чурилин подошел. Молодой вороной конь был уже

освобожден от вьюка и седла и стоял в стороне. По коже его пробежала крупная дрожь, задние ноги подгибались.

— Провалился сразу обеими ногами — и на пенек брюхом, — мрачно пояснил Султанов.

Кровь широкой струей сбегала по левой задней ноге Воронка. Конь пошатнулся и поспешно лег.

— Что делать, Арсений Павлович? — осмотрев рану, спросил Чурилин.

— Что тут сделаешь? — Султанов отвернулся и пошел в сторону. — Только я не могу...

Жалость к животному больно кольнула Чурилина. Но караван стоял, и Чурилин, слегка побледнев, взял бердану и лягнул затвором. Ствол стал медленно подниматься к уху Воронка. Петр, застывший было в горестной неподвижности, сорвался с места и вцепился в бердану:

— Максим Михайлович, не стреляйте! Говорю вам, Воронок поправится, сам пойдет за нами...

Слезы текли по его щекам.

Чурилин охотно уступил просьбам Петра. Груз, который нес Воронок, распределили между тремя другими лошадьми, седло взвалили на четвертую. Воронок лежал и, вытянув шею, следил за исчезающим вдали караваном...

Справа, у крутого бугра, из расплывчатой светлой грязи талика совсем незаметно возник маленький ручеек.

— Камни, Максим Михайлович! — И Султанов указал на небольшую возвышенность посередине ручья.

Крупные округлые гальки с красным налетом железа просвечивали сквозь воду.

— Я посмотрю. — Чурилин шагнул к ручью. — А вы скажите Николаю, что сегодня будем идти до полной темноты.

Султанов поспешил к проводнику. Эвенк, выслушав распоряжение, хмуро кивнул головой и объявил, что сам знает: надо торопиться.

От ручья донесся голос Чурилина:

— Стой, Арсений Павлович!

Сердце Султанова учащенно забилося. Он бросился назад. Чурилин размахивал куском камня и от волнения не мог произнести ни слова. Он молча сунул Султанову разбитый камень, а сам принялся лихорадочно выбрасывать на берег один за другим ослизлые валуны. Султанов взглянул на свежий раскол породы — и вздрогнул от

радости. Кровоаво-красные кристаллики пироба выступали на пестрой поверхности в смеси с оливковой и голубой зеленью зерен оливина и диопсида.

— Грикваит! — крикнул Султанов.

И оба геолога принялись ожесточенно разбивать набросанную Чурилиным гальку.

Вязкая, плотная порода с трудом поддавалась ударам молотка. Каждый новый раскол открывал ту же пеструю грубозернистую поверхность. Султанов полез в ручей за новыми камнями, и только когда перед геологами предстал излом другого характера — темной, почти черной поверхности с зелеными точками, — Чурилин выпрямился и вытер пот с лица.

— Уф! — вздохнул Султанов. — Почти сплошь галька из гриквита. А этот уж не кимберлит ли?

— Думаю, что да, — подтвердил Чурилин. — Из разрушенной части интрузии¹.

Руки Чурилина, свертывавшие папиросу, дрожали.

— Это не галька, Арсений Павлович, — тихо и торжественно проговорил он. — Такие валуны слишком крупны для маленького ручейка.

— Значит, ручей размыл... — Султанов в нерешительности остановился.

— ...элювиальную россыпь² гриквитаовой породы! — твердо окончил Чурилин. — Вспомните-ка, ведь гриквитаовые обломки встречаются в африканских трубах в виде валунов, они округлены при извержении.

Впервые за много дней Чурилин широко и светло улыбнулся.

— Та-ак... — протянул Султанов. — Значит, нам нужно к вершинке ручья, туда, где еловая релка... Поворачивай обратно! — крикнул он подошедшим Николаю и Петру.

Эвенк, сощурившись, внимательно следил за радостными лицами своих начальников, а Петр хлопнул Буланого по крупу:

— К Воронку вертаемся, дурья башка!..

---

¹ Интрузия — внедрение расплавленных пород (магмы) в трещины, пустоты или между слоями в отдельных участках Земли.

² Элювиальная россыпь — месторождение, образовавшееся на месте без переноса или смещения продуктов разрушения горных пород.

С треском рухнула срубленная ель, за ней повалилась другая. В молчании темного леса гулко разносились удары топора.

Усталые люди присели покурить.

— Воронок-то наш поправляется, только еще хромает, — сообщил Петр, ходивший смотреть коней. — Я что говорил?.. Только тощуют конишки, прямо тают — трава вся посохла.

Севший с вечера туман к утру лег сплошным покровом иней. Болото заискрилось, засверкало. Под елями по-прежнему было темно. В сумраке громоздились поваленные стволы, покрытые наростами грибов. Грибы волнистыми оборками торчали на пнях и корнях, цвели всевозможными оттенками красного, зеленого и желтого, издавали гниlostный запах и по ночам отливали едва заметным фосфорическим светом. Бугор был обиталищем сов. Пучеглазые любопытные птицы в сумерках восседали на ветвях близ лагеря и, склонив набок головы, рассматривали людей яркими желтыми глазами. Ночью их крики надрывно разносились в гуще ветвей, перекликаясь с ревущими на болоте лосями.

Люди рылись в земле, изредка уделяя время сну и еде, ожесточенно долбили кирками твердую и вязкую глину. Не хватало инструментов. Вечномерзлая почва плохо поддавалась. Только огромные костры, разложенные в шурфах¹, заставляли ее уступать. Тогда на смену появлялся другой враг — вода. Два шурфа пришлось бросить: они попали внизу на талики и мгновенно заполнились водой.

Чурилин рассчитывал встретить коренную породу² на двух-трех метрах от поверхности. Однако и эта ничтожная глубина давалась с большим трудом.

Еще один шурф был заложен на самой вершине холма. Дым от костра заполнял еловую рощу, стелился над мохнатыми ветвями, длинным сизым языком выползал на болото и смешивался вдаль с холодной, сырой мглой.

Проводник принес на плече еще один сухой ело-

---

¹ Ш у р ф — колодцеобразная разведочная выработка.

² К о р е н н а я п о р о д а — твердое основание под рыхлыми, молодыми наносами.

вый ствол, бросил в костер и решительно подошел к Чурилину:

— Начальник, говорить надо. Кони скоро пропади, наша тоже пропади. Мука кончай, масло кончай, охота ходи не могу, работай надо. Плохой, шибко плохой дело, ходить надо ско-оро!

Чурилин молчал. Проводник лишь высказал вслух давно мучившие Чурилина мысли.

— Максим Михайлович,— вдруг предложил Султанов,— пускай он с Петром уводит лошадей, а мы с вами добьем шурф. Инструмента все равно только на двоих. А мы потом по реке, на плоту...

Чурилин быстро шагнул к своему помощнику, внимательно взглянул в его похудевшее, заросшее черной бородой лицо, в налившиеся от дыма и бессонницы глаза и отвернулся...

— Вы пойдете со всем грузом прямо на Соттыр,— спокойно говорил он через несколько минут проводнику и помрачневшему Петру.— Там, в поселке, сдадите лошадей. Я обо всем договорился еще весной с начальником полярной станции. Я дам письмо, чтобы вас снабдили продуктами, а Петра доставили в Джергалах. Там он пусть заготовит лодку и ждет нас. Может быть, успеем сплавиться по Хатанге до аэропорта. Николай получит в Соттыре продуктами, деньги выдам сейчас — пусть возвращается к себе. Как дойдете до Мойеро, оставьте все продовольствие, какое сможете выделить, на видном месте. Путь отмечайте засечками, мы пойдем следом. Сколько отсюда до Соттыра?

— Не знаю.— Эвенк покачал головой.— Километра триста будет, однако.

— Ну вот, а до Мойеро пятьдесят.

— Нет, здесь тебе Мойеро ходить нельзя: шибко большой порог много. Через горы, та сторона ходи, тогда останется только маленький порог.

— Ну, сто километров?

— Сто ли, сто двадцать, однако, будет...

* * *

На словом бугре стало совсем одиноко и тихо. Палатку увезли; вместо нее был устроен балаган из еловых лап. Горевший перед ним костер чуть дымился под дождем.

Султанов проснулся ночью от холода. Все тело ныло. Мучительно не хотелось вставать, казалось просто невозможным пошевелить рукой. С огромным усилием Султанов поднялся и разбудил Чурилина. Тот быстро встал, выпил кружку пустого чая и начал искать впотьмах лежавшую где-то у костра короткую шурфовочную кайлу.

Пламя костра заметалось, оживленное новой порцией сухих дров. В шурфе, углубившемся в землю уже на два с половиной метра, было совершенно темно. Чурилин долбил кайлой наугад, выгребая комья глины руками в ведро, которое время от времени поднимал наверх на веревке Султанов.

Боясь затопления, геологи не протаивали мерзлоту огнем, предпочитая мучительно медленную, но более верную работу в мерзлой почве. Вода и так уже стояла в яме на четверть, и каждый удар кайлы сопровождался громким всплеском.

Чурилину казалось порой, что он работает согнувшись в этой тесной, сырой яме уже много лет. Уже давно он только и слышит глухое бунчанье породы, звяканье ведра, копаются ободранными, распухшими пальцами в жидкой ледяной грязи.

— Довольно вам, уже двадцать пять ведер нарыли! Теперь моя очередь! — крикнул сверху Султанов как раз в тот момент, когда Чурилин почувствовал, что больше не сможет поднять кайлу.

Он выбрался из шурфа, упираясь в стенки ногами и руками, и тяжело опустился на мокрую глину.

Султанов исчез в яме, и оттуда послышался его приглушенный голос:

— Подходяще! Ну и сила у вас, Максим Михайлович! Еще четверть метра осталось, мелкие камешки уже звякают... Нет, дальше опять глина.

В то же время Султанов ощутил, что глина пошла несколько другого рода: по-прежнему плотная, она отворачивалась крупными кусками; неподатливая, липкая вязкость исчезла.

Ведро за ведром таскал Чурилин, и горка вынутой глины все увеличивалась. Уже подходила к концу длинная осенняя ночь, когда Султанов слабо и хрипло крикнул из шурфа:

— Камни пошли! Один крупный есть, тащите!

Последнее ведро показалось Чурилину невероятно тя-

желем. Он извлек липкий, холодный и тяжелый кусок породы и у костра разбил его молотком. Темная матовая порода в мерцающем свете пламени ничем не отличалась от надоевших за время пути диабазов.

— Ну что? — нетерпеливо спросил снизу Султанов.

— Не знаю, темно, — не желая огорчать товарища, ответил Чурилин и бросил куски камня на кучу вырытой глины. — Вылезайте, нужно поспать. Шесть часов, скоро рассвет.

* * *

Хотелось долго-долго спать. Но время текло неумолимо, и в девять часов оба геолога были уже на ногах и готовили скудный завтрак.

— Как ни тяжела работа, а порции придется уменьшить, — сумрачно сказал Чурилин. — В мешке совсем мало муки.

Султанов усмехнулся, помолчал. Затем, подняв кружку с чаем, торжественно продекламировал:

— «Погибель верна впереди... и тот, кто послал нас на подвиг ужасный, — без сердца в железной груди...»

— Еще ужасней, что никто нас не послал. И пожаловаться не на кого.

— Да, черт возьми, кто, собственно, держит нас здесь? — тихо сказал Султанов, опустив голову.

Товарищи медленно поплелись к шурфу. Вдруг Султанов крепко впился пальцами в локоть Чурилина:

— Максим Михайлович, желтая земля!

На верху кучи вынутой породы кусками лежала какая-то особенная, зернистая и в то же время плотная глина рыжеватого-желтого оттенка. Чурилин поспешил поднять расколотый ночью камень. Это была тяжелая, жирная на ощупь сине-черная порода. Наружный слой камня был мягким и более светлого, синевато-серого оттенка.

— Воды, Арсений Павлович, побольше воды! — прошептал Чурилин. — Да вот в затопленном шурфе возьмем. Выливайте чай, черт с ним! Нужно второе ведро. Вы начинайте промывку желтой породы, доведете на лотке, а я займусь осколками камней.

— Неужели... — начал Султанов.

— Подождите! — резко оборвал Чурилин.

Неторопливо, словно нисколько не волнуясь, Чурилин принялся промывать все добытые кусочки твердой черной породы, отчищая рыхлые корки и грязь.

Позабыв про все на свете, геологи занимались своим делом. Внезапно Чурилин издал приглушенное восклицание и торопливо достал из нагрудного кармана складную лупу. Султанов бросил лоток и подбежал. На синевато-черном фоне небольшого куска породы сидели почти рядом три прозрачных кристаллика с горошину величиной. Треугольные площадки их граней не были абсолютно гладкими, но тем не менее ярко блестели. Каждый кристалл представлял собою две соединенные основаниями четырехгранные пирамиды. Геологи не спускали глаз с кристаллов. В глубоком безмолвии леса слышалось лишь прерывистое дыхание людей.

— Алмазы, алмазы! — Горло Султанова сжалось спазмой.

— Да, типичные октаэдр¹, как в Южной Африке, — произнес Чурилин. — Чистой воды, хоть и не голубоватые. По тамошней номенклатуре — второй сорт высшего класса; так называемый первый — Капский. Вот и всё, Арсений Павлович, наше дело сделано. Это вы... — Чурилин не договорил, сжав испачканную глиной руку Султанова.

Тот устало опустил на забрызганный грязью примятый багульник.

— Значит, эта рыжая глина и есть «иэллоу граунд» — желтая земля африканских копей, — говорил Чурилин, — самая верхняя и вдобавок всегда обогащенная алмазами покрывка алмазной трубы. Несколькими метрами ниже пойдет «синяя земля» — «блю граунд», вот эта самая, черная, куски которой мы нашли в желтой земле. Это менее разрушенная, менее окисленная кимберлитовая порода. А наш еловый холм, без сомнения, оконтуривает границу алмазной трубы. Такие холмы часто помогают в Южной Африке при поисках алмазных месторождений, показывая выступающую на поверхность, но скрытую под почвой верхнюю, расширенную часть трубы. И помните, дорогой Арсений Павлович, — основная заповедь африканских охотников за алмазами: где одна труба, там ищи еще несколько. Они никогда не бывают в одиночку!

---

¹ О к т а э д р — кристаллическая форма, восьмигранник.

Теперь нам нужно промыть всю нарытую желтую землю, тщательно отобрать образцы. Чтобы нести их, придется отказаться от части продовольствия. Репер¹, заявочный столб, — и с рассветом уходим отсюда: наши жизни теперь особенно драгоценны.

Султанов в последний раз встряхнул лоток и высыпал на листок чистой бумаги все, что осталось после промывки целой тонны желтой земли. На белом листе рассыпались мелкие кристаллы — столбчатые, призматические, многоугольные красного, бурого, черного, голубого, зеленого цветов. Это были сопутствующие алмазу ильменит, пироксен, оливин и другие стойкие минералы. А среди них, подобно кусочкам стекла и все же не сходные с ним своим сильным блеском, выделялись мелкие кристаллы алмазов. Здесь были белые, чистой воды камни, были и покрытые шероховатой бурой корочкой. Некоторые кристаллы имели розоватый или зеленый оттенок.

— Вот смотрите, кроме октаэдров — ромбододекаэдр². — Чурилин отделил спичкой зеленый двенадцатигранник. — Этот вид алмаза отличается необыкновенной даже для этого камня твердостью. В Африке такие алмазы встречаются преимущественно в трубе Фoorспед. А это борт³, — он указал спичкой на округлое зернышко черного цвета, — сrostок мельчайших алмазных кристалликов. Я измерил диаметр нашего холма, — продолжал Чурилин, — эта алмазная труба не из маленьких, не меньше четверти километра в поперечнике. Правда, в Южной Африке есть и больше; например, Дютойтспан — чуть не семьсот метров. То уже не труба, а целое вулканическое жерло.

Султанов задумчиво глядел на холм. Он старался представить себе огромную трубу, уходящую почти отвесно на глубину в несколько километров и заполненную драгоценной черновато-синей породой с алмазами. И это было здесь, в заболоченной, мрачной равнине, под мхом и грязью, едва прикрывающими панцирь вечной мерзлоты!

Молчал и Чурилин. Он ссыпал в мешочек алмазы, на-

---

¹ Репер — высокий сигнальный или опознавательный знак.

² Ромбододекаэдр — двенадцатигранник, каждая грань которого имеет очертания ромба.

³ Борт — вид алмаза, образованный сrostком микроскопических кристаллов.

писал этикетки к кусочкам пород, тщательно завернул образцы и принялся вычерчивать подробный план месторождения. Все это геолог делал без всякого воодушевления, будто сейчас, у достигнутой наконец цели, куда-то исчезли все владевшие им ранее стремления. Усталость была слишком велика...

Султанов обтесал высокий пенёк в виде столба и, раскалив кайлу, выжег на нем несколько букв и цифр. Вскоре был готов репер — высокая ель с обрубленными сучьями и перекладиной наверху.

* * *

Путь напрямик через горы был нелегок: пересекая множество распадков¹, приходилось преодолевать до пятнадцати перевалов в день. Геологи механически шагали, без слов и мыслей. Ничтожных порций пищи не хватало на покрытие огромной затраты сил. Передвижение начиналось при первых проблесках утреннего света, а кончалось далеко за полночь. Осыпалась ярко-желтая хвоя лиственниц, лес был насыщен водой от непрерывного дождя. Ватники геологов быстро промокали насквозь и вечером долго дымились у сильного огня, а на следующее утро снова пропитывались влагой в первый же час пути. Вода выступила на болотах, покрыв на четверть высокие кочки, между которыми при малейшем неверном шаге люди проваливались по пояс. Тонкий ледок хрустел под размокшими сапогами. Никакой дичи не встречалось на пути — горы словно вымерли, и бердана попеременно давила плечи бесполезным грузом.

Утро четвертого дня застало Чурилина и Султанова взбирающимися на крутой подъем. На вершине перевала перед путниками расступилась красновато-серая дымка тумана и открылся обширный пологий спуск, образованный россыпью² огромных остроугольных каменных глыб. Вдали вставал стеной темно-синий, испятнанный рыжим противоположный склон долины большой реки.

— Ну, вот и Мойеро! — Чурилин, присев на камень, вывернул карман в поисках последних крошек махорки. —

¹ Р а с п а д о к — короткая, обычно сухая долина.

² Р о с с ы п ь — здесь подразумевается обширная площадь, занятая глыбами разрушающихся горных пород, лишенная растительности. Часто встречается в Сибири — на склонах и вершинах гор.

Как они тут прошли с лошадьми? Последняя затесь — на вершине, а дальше ничего не видно.

— Спустимся прямо по россыпи в долину и пойдем вниз по реке,— предложил Султанов,— потом вернемся вверх. Где-нибудь обязательно пересечем их след.

* * *

Начальник производственного отдела института вошел в кабинет Ивашенцева и молча опустилсЯ в кресло.

— Серьезно тревожусь за Чурилина,— озабоченно сказал профессор,— этот человек слишком упрям, чтобы быть осторожным. Самарин приехал уже месяц назад, а Чурилин с Султановым остались в тайге. Нужно послать телеграммы всюду, куда можно, с запросами: в Соттыр, на Туру, Хатангу, Чирингдинскую базу Союзпушнины...

И с высоких мачт радиостанции острова Диксон опять понеслись над тайгой колебания эфира. Прерываясь, снова возобновляясь, они несли один и тот же вопрос: «Хатанга, Соттыр, Тура... Сообщите срочно, имеются ли известия экспедиции Главминсырья инженера Чурилина...»

Радиоволны достигли высокой каменной россыпи. Но оба геолога, конечно, не знали и не чувствовали, что пространство насыщено вопросами об их судьбе. Они осторожно балансировали на скользкой, покрытой лишайниками поверхности громадных каменных плит, перепрыгивали глубокие провалы между глыбами, карабкались по острым граням и ребрам.

Россыпь растянулась на несколько километров невероятным хаосом изломанного камня — сплошное мертвое поле, покрытое серыми костями гор. Будто столкнувшиеся в страшной битве силы земной коры разбили, исковеркали, рассыпали горные вершины и они повалились здесь поверженными скелетами, выставив обнаженные острые ребра...

— Сергей Яковлевич! Соттыр сообщает: вчера прибыли рабочий и проводник Чурилина с лошадьми; геологи остались в тайге. Вот телеграмма.

Профессор яростно стукнул кулаком по столу:

— Так и знал! Погибнут ни за что! Телеграфируйте в Соттыр... Впрочем, кто же передаст им? Экспедицию снаряжать надо... — Ивашенцев, волнуясь, стал перебирать

бумаги на столе. — И, главное, упрямство-то бесполезное: раз за три года ничего не нашли, так и в один лишний месяц ничего не добьешься.

* * *

— Молодцы! Смотри-ка, Арсений Павлович: плотишко приготовили из сухих еловых лесин. Молодцы! Продуктов примерно на неделю. Ну, не беда: река быстра, понесет хорошо. А ну, берем. Раз-два!..

Маленький плот закачался на воде, повернулся и, направляемый шестами, быстро поплыл посередине реки. Здесь Мойеро еще не была глубокой, под плотом быстро мелькали на дне длинные гладкие гальки. Оба геолога впервые почувствовали за много тяжелых дней радостное облегчение. Котомки не давили больше натруженные плечи, истертые расползшимися сапогами ноги наслаждались отдыхом, а река несла плот со скоростью не меньше шести километров в час. Пожалуй, в этом и была главная радость — сидеть, покуривая оставленную Николаем махорку, изредка выправляя плот толчками шестов, и в то же время сознавать, что продвигаешься вперед, что с каждым часом уменьшается бесконечный путь.

Можно было позволить себе роскошь подумать, вспомнить, что существует другой мир. Плеск воды, переливы ее журчанья на узких галечных косах, быстрое движение маленьких волн — все казалось полным веселой жизни после гнетущего молчания, однообразия и неподвижного воздуха огромных болот.

Мойеро текла извилисто, описывая крутые кривуны. Мимо проплывали низкие берега. Широкая пойма осталась позади; лес подошел прямо к речке и зажал ее русло в темные высокие стены. Плот шел, словно по коридору, меж густых елей. Многие деревья, подмытые рекой, склонялись к воде. Вдали лесной коридор, казалось, суживался; вершины наклоненных с противоположных берегов лесин скрещивались над водой, терявшей свой живой блеск, выглядевшей сумрачно и холодно.

Огромная, недавно поваленная ель лежала поперек реки, почти касаясь своей еще зеленой вершиной широкой отмели левого берега. Геологи отвели плот к берегу и, спрыгнув в воду, протаскивали его по гальке. Дальше попало еще несколько таких деревьев, задерживавших

ход плота, но все это казалось Чурилину и Султанову пустяками, пока из-за крутого поворота реки они не услышали громкое журчанье и плещущие удары.

— К берегу, живей к берегу! — крикнул Чурилин. — Впереди залом!¹

Но было уже поздно — плот шел слишком быстро. Шест, воткнутый в дно реки, с треском сломался, и плот, как слепой, устремился прямо на высокую грудку древесных стволов, перегораживающих реку.

Направо, где нагромождение деревьев было более редким, вода, громко хлопоча, устремилась под завал. Ветки и тонкие стволы пружинили и вибрировали под напором воды, производя характерные всплески, похожие на удары гигантского валька.

Султанов и Чурилин бросились к заднему концу плота и схватили драгоценные мешки, топор и бердану. В ту же секунду плот нырнул под залом, остановился и начал подниматься вертикально, уходя все глубже под воду. Сильный толчок бросил товарищей вперед, но им удалось прыгнуть на залом. Вода взревела, пучась валом за плотом, загородившим часть узкого прохода. Не теряя ни минуты, Чурилин с Султановым принялись поочередно рубить стволы единственным топором. После двух часов тяжелой работы можно было высвободить плот и с помощью веревки подтащить его ближе к берегу, где у края завала воды было по пояс. Борясь со сбивавшей с ног ледяной водой, геологи насилу подняли плот повыше и проволокли его в прорубленную брешь через толстые скользкие бревна, лежавшие под водой в основании залома. Дальше путь был свободен, но, увы, всего на полтора километра! И снова перед плотом вырос лесной залом, с еще более широким нагромождением побелевших окоренных бревен, между которыми грозными пиками торчали толстые сучья и корни глубоко зарывшихся в гальку деревьев.

* * *

На белесой песчаной косе горел большой костер. Плот стоял, приткнувшись к берегу. Чурилин и Султанов сидели лицом к реке, повернув к огню дымящиеся мокрые спины.

---

¹ Залом — нагромождение древесных стволов, нанесенных в полоую воду и перегораживающих русло реки.

Над песком круто поднимался берег, сухая трава на нем золотилась под ярким солнцем, разбудившим тучи окочевшей было мошки.

Султанов вдруг поднялся и неверными шагами направился в сторону. Его тошнило: желудок отказывался принимать только что съеденную пищу. Чурилин с тревогой следил за своим помощником. Он и сам чувствовал себя плохо. Истомленное непомерной работой, долгим недоеданием, бессонницей сердце то падало и билось тяжело и редко, то учащенно и слабо трепыхалось, требуя отдыха, длительного покоя.

Темный страх перед цепкими тисками лесной пустыни наполнил душу исследователя. Нужно было проплыть около четырехсот километров рекой. А они вот уже второй день пробиваются сквозь завалы и проплыли за эти два дня семь километров. Семь километров! Еды осталось на четыре дня при самых маленьких порциях. А сколько предстояло еще непосильной работы по плечи в холодной воде: рубить толстые бревна, надсаживаясь перетаскивать плот... Больше нет сил! Вряд ли они выдержат еще хотя бы один день. Кто знает, сколько впереди заломов — один или сотня?

Султанов вернулся к костру и лег на песок. Чурилин подвинул под голову товарища сумки и стал на колени:

— Полежите, Арсений Павлович, я пройду вперед.— Он показал налево, где за широкой отмелью и сверкающей в солнечных лучах водой громоздилась груда переплетенных серых бревен.

Султанов сел.

— Максим Михайлович, вот что...— Он замялся.— Если я совсем разболеюсь, так вы идите один. Нужно, обязательно нужно кому-нибудь спастись. Я серьезно, я не шучу! — Султанов рассердился, увидев улыбку Чурилина.

— Бросьте, дорогой! Отдохните, и все пройдет. Если выйдем, так оба! — громко сказал Чурилин, сам не находя в своем тоне нужной уверенности.— Ну, я пошел! — И, подняв бердану, он медленно поплелся по песку и хрустящим галечным отмелям на пересечку крутого кривуна.

Чурилину хотелось пройти дальше вниз по реке, чтобы осмотреть долину ниже залама.

Страх, охвативший его, не проходил, как ни пытался Чурилин справиться с ним. Ему хотелось скорее вернуться в привычный мир карт, книг, научных исследова-

ний, отдать своей стране богатства, спрятанные под мхами и мерзлотой болот Амнунначи, иметь время для тихого, спокойного раздумья за микроскопом, для бесед с товарищами. Неужели так и не удастся вернуться туда, где нет мошки, вечно мокрой одежды, едкого дыма и беспрестанной гонки вперед, вперед?

Чурилин пересек кривун и повернул вдоль берега.

Он шел и думал о Султанове: «Что заставляет людей идти на такие невиданные, никому не известные подвиги? Если мы выйдем, разве кто-нибудь узнает о стойком героизме этого человека? Пережитое быстро сотрется, забудется, покажется тяжелым сном... Кто же рассказывает всерьез о снах? А если мы не выйдем, тоже никто не узнает. Больше того: скажут — погибли от неумелости, неосторожности. А у Султанова там, в далеком мире, за тысячи километров... жизнь, счастье, любимая женщина, ожидающая давно, тревожно и нетерпеливо».

Справа, на противоположном берегу, послышался шум. Хрустела галька, тихо шелестела сухая трава. Чурилин очнулся, посмотрел, и сердце его бурно заколотилось.

Под уступом берега, погрузив копыта в воду, стоял огромный самец-лось. Могучее тело его казалось издали совсем черным. Широкие рога, как ладони гиганта с растопыренными острыми пальцами, были светлыми, а между ними, обращенные в сторону Чурилина, ижицей торчали большие раструбы ушей. Лось всматривался в застывшего на месте геолога, склонил голову, выставив рога, и издал хриплое «уоп». Чурилин не шелохнулся, до боли зажав в кулаке ремень берданы.

Лось повернулся и сразу стал другим — поджарым, горбатым, на высоченных ногах. В повадке животного чувствовалась ежесекундная готовность к стремительному бегу, скрытая энергия взведенной пружины. Мощная горбоносая голова поднялась, на горле растопырилась жесткая черная борода, крутой загривок обозначился еще резче. Затем лось расставил широко ноги, ткнулся носом в воду и вошел в реку. Чурилин рванул с плеча бердану. Лось молниеносно прыгнул на берег. Щелкнул снятый с предохранителя взвода затвор, и Чурилин послал пулю в высокий загривок. Лось споткнулся, упал, вскочил опять. Гром второго выстрела разнесся по реке, и животное исчезло в кустах. Вне себя Чурилин бросился в реку, высоко поднимая бердану. Течение сбивало его с ног, но

он справился с ним и вскоре был на противоположном берегу. В десяти метрах от воды в высокой траве виднелось черновато-бурое тело. Чурилин осторожно приблизился к нему и убедился, что зверь мертв. Лось лежал, запрокинув упершуюся на рог голову; передние ноги согнулись в коленях. Великолепная мощь животного чувствовалась и в неподвижном теле.

Чурилин не был настоящим охотником. Став на одно колено, он погладил морду лося, сожалея о случившемся. Как бы то ни было, но шестнадцать пудов превосходного мяса меняли судьбу геологов.

Чурилин выпрямился, опершись на бердану, оглянулся и увидел на реке еще один залом, в четверти километра ниже. Дальнейший путь реки скрывался густым лесом, казавшимся темной щеткой. Однако эта щетка в одном месте понижалась, и там виднелся горный склон, подходящий вплотную к реке.

«Если река войдет в ущелье, будут пороги, но заломы окончатся», — подумал Чурилин. Он быстро выпотрошил лося, взял губы, сердце, кусок мяса, отметил место высоким шестом и перебрался через реку по верхнему залому, кстати тщательно осмотрев его.

Обильная мясная еда сначала еще больше ослабила путешественников, но наутро Чурилин и Султанов заметно приободрились.

* * *

За последним заломом Мойеро приняла в себя справа большую речку. Долина сужалась, отроги пятнистых, черно-желтых от осенних лиственниц гор спускались к реке, течение которой все убыстрялось. Тусклая свинцовая поверхность воды словно дышала, плавно вздымаясь и опускаясь. Галечные косы возвышались, как крепостные валы. Быстро неслись назад отмели, деревья, черные промоины. Вот скалы надвинулись совсем близко, зашумели волны, вся река покрылась струйчатыми бороздами и островерхими пенными гребешками. Вода заливала несшийся по шивере плот. Несколько тревожных минут — и плот снова вышел на мерно вздымающуюся просторную воду.

Быстрое движение бодрило истомившихся людей. Наконец в полной мере их охватило веселье одержанной победы.

Пройдет немного времени — и тысячи людей придут туда, где томились они оба в плену лесов и болот. Могущество труда рассекает непроходимые пространства дорогами, расчищает леса, высушит болота. Шум машин и яркий электрический свет нарушат темное молчание тайги.

* * *

— Сергей Яковлевич, телеграмма из Хатанги. Наверно, от Чурилина.

Что? Давайте скорее! — Профессор поспешно вскрыл и прочитал телеграмму. Она выпала из его рук. — Ничего, я сам подниму... Идите, с ними все благополучно, возвращаются.

Оставшись один, Ивашенцев перечитал короткий текст: «Все, что искали, найдено, возвращаемся самолетом, здоровы. Чурилин, Султанов».

Профессор Ивашенцев встал и низко поклонился телеграфному бланку, который он бережно положил на стол.

ПУТЯМИ СТАРЫХ ГОРНЯКОВ

Это рассказал горный инженер Канин. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, и говорил как бы сам с собой, ни к кому не обращаясь:

— Мне хочется рассказать одну простую историю из жизни подлинно горных людей, в свое время сильно захватившую меня.

Двадцать лет назад, в 1929 году, я изучал старые медные рудники недалеко от Оренбурга, ныне Чкалова. Здесь на протяжении едва ли не тысячелетий велась разработка медных руд, и рудники образовали на обширном пространстве запутаннейший лабиринт пустот, пробитых человеческими руками в глубине земли. Рудники эти давно закрылись, и ничего не осталось от их надземных построек. На степных просторах, на склонах и вершинах низких холмов выделяются красивыми голубовато-зелеными пятна-

ми группы отвалов — больших куч бракованной руды, окаймляющих широкие воронки, — а кое-где видны провалы старых, засыпанных шахт. Местами отвалы и воронки сплошь покрывают обширные поля в несколько квадратных километров. Такая земля, по выражению местных хлеборобов, «порченная», запахивать ее нельзя; поэтому изрытые участки поросли ковылем или полынью, воронки шахт — кустарником вишни. Даже в разгар лета, когда все кругом уже выгорело и степь лежит бурая, в белесой дымке палящего зноя, холмы с остатками старых горных работ покрыты цветами, которые вместе с зелено-голубыми выпуклостями рудных отвалов, темной листвой вишни и золотистыми колышущимися оторочками ковыля представляют собой причудливое и красивое сочетание неярких тонов. Словно акварели талантливых художников, лежат эти маленькие степные островки на бурой равнине жнивья и паров.

Здесь хорошо отдыхается после однообразного пути по пыльной и знойной дороге. Ветер колышет ковыль и, пошвыстывая в кустах, наводит на мысль о прошлом, о том, что эти теперь такие безлюдные и заброшенные участки когда-то были самыми оживленными в степи. Раздавались крики мальчишек — погонщиков конного подъема, хлопали крышки шахтных люков, скрипели воротки, грохотали тачки, и слышалась болтовня женщин на ручной разборке руды. Все эти люди давно умерли, но глубоко под землей нерушимыми памятниками их труда стоят в молчании и темноте бесчисленные подземные ходы. Мне удалось проникнуть во многие старые выработки. Я уже в течение двух с лишним месяцев лазил по ним — иногда с помощником, чаще один (помощник боялся опасных мест) — для подземной съемки, поисков оставленных запасов руды и взятия пробы. В этих местах породы сухи, удивительно устойчивы, и многие выработки стоят сотнями лет без всякого разрушения.

Все накопленные с XVIII века архивные планы, карты и данные по оренбургским медным рудникам погибли во время гражданской войны. Поэтому системы старых подземных работ приходилось открывать заново, путешествуя по ним наугад, как по неизвестной стране.

Исследование увлекало меня, и случалось — я по двое суток не выходил на дневную поверхность, торопясь разобратся в какой-нибудь большой системе выработок. Тьма

и тишина лабиринтов штреков¹, орт², извиляющихся по всем направлениям, грозно нависшие в высоте над головой дворя засыпанных шахт — во всем этом я находил совершенно особенное очарование. С равномерностью часового механизма падают капли воды в сырых проходах, изредка едва слышно журчит вода, сбегая с верхних горизонтов в нижние.

С фонарем, компасом и записной книжкой я едва пролезал в узкие сбойки³ или неправильные квершлагги⁴, соединяющие одну систему выработок с другой. Иногда проход, занесенный песком от проникновения поверхностных вод, был так низок, что по нему приходилось пробираться ползком, сжавшись в комок. Ползешь — и вдруг неудержимо захочется вздохнуть полной грудью, но как только начнешь набирать воздух, с мгновенным ощущением жути почувствуешь висящие над тобой сотни тысяч тонн горных пород, с невообразимой силой давящие вниз.

А как интересно разгадывать систему взятия рудного гнезда, примененную старыми мастерами, прослеживая и определяя возраст выработок то в правильно нарезанных, выглаженных вручную кайлами работах середины XIX века, то в широких и прямых, но с изуродованными взрывами стенками самых новых! Еще более странны причудливо изгибающиеся по контуру рудного тела низкие ходы выработок XVIII века или совсем узкие, но правильные и гладкие колодцы и наклонные ходы доисторических времен.

Мечущийся свет фонаря вырывает из густой тьмы то ровную стенку, всю истыканную острием кайл, то мрачно стоящий, черный от времени столб случайно уцелевшей старой крепости, то груды обваленных с кровли глыб, то ровно выложенные кладки закаты.

Поражающее впечатление производят огромные черные стволы окаменелых деревьев, иногда даже с сучьями. Гиганты давно исчезнувших лесов, теперь ставшие железом и кремнем, лежат поперек выработок, и часто ход

---

¹ Штрек — длинная горизонтальная выработка, направленная от шахты по рудному слою.

² Орты — поперечные по отношению к штреку горизонтальные короткие выработки.

³ Сбойка — соединение выработок между собой.

⁴ Квершлаг — горизонтальная выработка, в отличие от штрека проведенная по пустой породе.

огibaет такое дерево сверху или снизу, не в силах пробить его крепкое тело.

О подземных странствованиях того лета можно было бы много еще рассказать, но я лишь кратко очертил их, чтобы дать представление об обстановке всего происшедшего.

Я жил в поселке Горном, находившемся в глубокой долине небольшой речки, меж высоких холмов. В этом же поселке доживал свой век последний из штейгеров старых рудников — Корнил Поленов, девяностолетний, но еще крепкий старик, бывший крепостной владельцев рудников графов Пашковых. Старый штейгер жил в маленьком домишке через дорогу от меня и почти каждый вечер сидел на завалинке у дома, неподвижно глядя на высокий склон с отвалами рудников, поднимавшийся перед ним. Еще в самом начале работы я выспрашивал старика о разных рудниках, которые он знал и помнил великолепно. Однако я видел, что старик мне многое не говорит, отделяясь ссылкой на старость и слабую память. Я пробовал убеждать его, говоря, что напрасно он не хочет рассказать все, что знает, — рудники должны работать. Чем больше мы сейчас соберем сведений о запасах руд, тем скорее и вернее развернется давно замершая работа.

Штейгер молчал, только в глубине глаз пряталась хитроватая усмешка. Как-то раз он сказал: «Много тут инженеров приезжало, всё выспрашивали, записывали, обещали награду, обещали начальником над работами сделать... Наболтали много, а ведь сколько лет прошло, — ездят, смотрят, а работы так и не начинают. И никто из этих приезжих ни в одну шахтенку не спустился — грязно, сыро, ну и опасное, конечно, дело. Знаю я!» И старик умолк, важно расправляя окладистую бороду.

Я понял, что в глубине души Поленов затаил обиду на торопливых и поверхностных геологов, побывавших в районе и вместо подлинного исследования ограничившихся расспросами, вытягивая кое-какие сведения из старика путем безответственных посулов. Я прекратил дальнейшие расспросы, тем более что мои рабочие отзывались о штейгере так: «Старик — что дикаревый камень: упрется — слова не вытянешь».

Я продолжал свою работу, день за днем разыскивая новые доступные выработки, спускаясь на канате в полуобрушенные шахты, и завоевал прочное уважение у мест-

ных жителей — потомков старых горняков. Я забыл сказать, что и сам поселок Горный возник при горных конторах Богоявленского и Архангельского заводов и жители его были известны у окрестного крестьянского населения под именем «рудашей».

Длинными степными вечерами, отдыхая после работы, я часто приходил на завалинку к старому штейгеру и присаживался с ним рядом покурить. Только теперь я не спрашивал его о рудниках. Беседовали мы с Поленовым о прошлых временах, о житье крепостных горных людей, о старинных способах работы. Старик отмякал, оживлялся и много рассказывал мне, удивляя своей наблюдательностью и меткостью выражений. Мой подземные «подвиги», знание истории местного горного дела и старинных горных терминов тронули сердце старого штейгера, и он стал относиться ко мне с гораздо большим вниманием.

Я заметил, что старик ждет моих расспросов о рудниках. Иногда он сам даже заводил речь о тех или иных особенностях руды, упоминая несколько новых для меня названий шахт, но я намеренно ни о чем не спрашивал его. Я знал, что душа старого горняка не выдержит и, видя во мне такого же глубоко преданного своему делу человека, штейгер поделится со мной своими знаниями.

Кончался август. Солнце все еще было теплое и яркое, но в степи начали дуть холодные ветры. Было особенно приятно почувствовать при спуске в поселок горьковатый запах кизячного дыма, стлавшегося голубой завесой из десятков труб. Этот дым означал тепло для озябшего тела, еду, хорошую папиросу в постели — словом, все, что нужно для превращения утомленного работой труженика в кейфующего халифа...

Беседы с Поленовым на завалинке прекратились — дни стали короче, и я часто возвращался в темноте. Лишь иногда, когда погода или работа над накопившимися черновиками заставляли меня оставаться дома, в дверях занимаемого мною помещения вырастала высокая, сутулая фигура Поленова. Поглаживая желтоватую бороду и зорко осматриваясь не по-стариковски быстрыми глазами, штейгер заявлял: «Соскучал по тебе, Васильич, давно не беседовали. Ты все без удержу по шахтам лазишь». — «Садись, Корнилыч, чайку нам Настасья Ивановна даст, а конфет хороших мне с Егорьевского привезли», — говорил я, зная пристрастие старика к сладостям. Покряхты-

вая, штейгер опускался па лавку, я продолжал вычерчивать какой-либо план или профиль, и начинался неспешный разговор. Нам обоим беседа доставляла удовольствие, и мы засиживались допоздна. Я узнал недавно, что Поленов был последним из целого поколения крепостных штейгеров медных рудников. Знания передавались по наследству от деда к отцу, от отца к сыну. В примитивном горном хозяйстве штейгер был одновременно и маркшейдером, и пробщиком руды, и руководителем бурения — словом, универсальным горным специалистом.

Многолетняя, с детства воспитываемая практика работы под землей выработала у Поленовых особое чутье, про которое старик рассказывал так:

— Теперь пошли эти теодолиты¹, буссоли... Сорок раз вычисляй да исправляй, пока уверишься, что правильно наметил выработку. Если жилу какую-нибудь нужно проследить, куда она, родимая, ушла, начинают горную геометрию разводить, чертят, вычисляют. А вот мы — мой отец, да и я — как работали? Походишь под землей, примеришься и чувствуешь, куда подкоп вести, особенно если на сбойку со встречной или старой работой. Это чутье горное нас никогда не обманывало. Сам, небось, видел, какие выработки прокладывали. У меня-то его меньше осталось — с буссолью заставляли работать, — но и то иной раз знаю: врет инструмент; ошибки найти не могу, а знаю — врет. Походишь, породу пощупаешь, куда прожилки направлены, куда зерно укрупняется. Начнешь раздумывать, и такая уверенность придет, что прямо приказываю: бей квершлагом сюда вот! И всегда правильно угадывал, а почему — сам объяснить не могу. А то вот видел Петровеликанскую штольню? Ее английские маркшейдеры проводили, сбивая с Михайловской. И как промахнулись: громадная работа пропала! Вот тебе и инструменты!.. Так же точно и воду чувствую под землей, где к водяному слою ближе, где под песчаником вап² лежит. Много чего знаю...

И действительно, старик был по-своему прав, только он забыл, что его горной практике нужно было учиться не один десяток лет. С инструментом же любой человек мо-

---

¹ Теодолит — геодезический угломерный инструмент для определения вертикальных и горизонтальных углов.

² Вап — старинное название известковой твердой глины.

жет за короткий срок овладеть искусством прокладки выработок.

Я верил ему и, слушая его, не раз вспоминал о фрейбергских горных мастерах, основоположниках горного искусства в XV веке. У них точно так же из рода в род, из поколения в поколение передавались горные знания и так же было известно множество примеров как бы ясновидения под землей. Эти мастера развивали в себе особое чувство — чувство подземного пространства и направления, заменявшее им точность маркшейдерских приборов и схемы горной геометрии. Без участия минерографии и химии, по тончайшим оттенкам руд, по неуловимому для обычного наблюдателя изменению породы старые горняки предугадывали выклинивание рудного тела, находили обогащенные участки — словом, прекрасно ориентировались в многообразной, занимающей теперь разных специалистов работе по оценке и разработке месторождения. И я думал о том, что напрасно в истории горного дела забыты простые и верные способы, требующие развития наблюдательности и своеобразной духовной остроты человека. Люди стали меньше верить в чудесные возможности, которые таит в себе человеческая природа, в воспитание подлинного мастера, мастера в прекрасном старинном значении этого слова.

В ближайшее воскресенье я решил приостановить полевые работы и подвести итоги своим исследованиям. Разложив снятые карты, я печально смотрел, как посреди огромного рудного поля Ордынских рудников выделялся лишь маленький, мною исследованный участок. Точно так же изученны площади Левских и Смежных рудников были разделены широким промежутком, оставшимся неизвестным. Словом, все эти пробелы портили радость большой и интересной работы минувшего лета.

Мои размышления были прерваны приходом Поленова. В новом рыжем полушубке, в больших сапогах, старик выглядел торжественно и празднично и казался много моложе своих лет. Я сразу заметил, что он чем-то взволнован. В ответ на мое обычное приглашение садиться старый штейгер сбросил полушубок и, усевшись на табурет, спросил:

— Семен болтал, что ты уезжать собираешься, Васильич?

— Собираюсь, Корнилыч, — ответил я. — Жаль, ко-

печпо: полюбились мне и рудники и место ваше, но пора заканчивать работу, скоро с меня отчет потребуют.

— Рано ты собрался уезжать, Васильич. Хоть и облазил ты много, да самых-то интересных мест еще не посмотрел.

— Знаю, да пробраться к ним не могу. Работы самые старые, сверху все завалено. Придется обойтись тем, что мог посмотреть.

Старый штейгер молчал насупившись. Я исподтишка посматривал на него, ожидая, что он скажет. После недолгого молчания Поленов тряхнул головой и с деланным спокойствием сказал:

— Ладно, Васильич, я тебе помогу немного... Еще несколько рудников, как хочешь, а нужно тебе посмотреть...

— Что ж, Корнилыч, спасибо тебе!.. Но почему же ты раньше не помог мне? Все говорил, что не знаешь, забыл.

— Я, Васильич, по человеку вижу, нужно или не нужно ему помочь, — ответил старик. — Вот пригляделся к тебе, и теперь ты как родной мне. Настоящий рудаш! И в тебе любовь большая к доброй работе... Ну, что впустошь болтать! Скажи-ка лучше: в Мясниковском старом был?

— Был, Корнилыч, Мясниковский я хорошо знаю.

— Знаешь, да не все. Ты в верхних работах — Ордынская дача по-нашему — ходил, наверху сырта. А вот в самых нижних, по дну лога, в Казенных-то, не был.

По указанию штейгера я проник в самые низкие горизонты древних Старо-Мясниковских рудников и целую неделю изучал огромные камеры между массивами оставленной руды меденосного конгломерата.

Я сделал немало новых открытий, которые, впрочем, имеют интерес только для специалистов. Наконец настал знаменательный день, когда Поленов согласился сопроводить меня в моей попытке проникнуть в огромную подземную систему поля Ордынских рудников, расположенную на высоком степном плато, прямо к югу от поселка Горного.

Штейгер настоял, чтобы я никого не брал с собой и никого не посвящал в тайну похода. По его совету я взял лопату, кайлу, длинную крепкую веревку, два толстых бруска, а также запас свечей и продуктов. Поленов обещал довести меня до шахты, «через которую нужно перепрыгивать», а дальше я должен буду пройти сам и наметить план дальнейшего исследования. Для этого, по его рас-

четам, мне придется пробить под землей около двух суток.

В рассветных сумерках, под свистящим в сухой траве ветром мы направились вверх по склону холма, мимо высоких белых отвалов Смежного рудника. Все взятое снаряжение было довольно тяжелым, и я обрадовался, когда старик сказал, что вход недалеко от поселка. Беспредельная, таинственная в сумеречный час степь, озабоченный вид штейгера и наш сделанный украдкой выход создавали несколько приподнятое настроение. Но все оказалось очень простым. Старик в полугоре повернул налево, и, перейдя заросшую густой полынью лощинку, мы оказались вскоре среди множества полузасыпанных шахт, отвалов и обрушенных штолен хорошо знакомого Правого рудника. В жаркие летние дни я много раз бродил по его отвалам, безуспешно пытаюсь найти путь в глубоко лежавшие под поверхностью степи выработки.

Штейгер уверенно направился к высокому отвалу в форме ровного конуса. Перед отвалом оказалась воронка плохо засыпанной шахты, заросшая кустарником. Дойдя до нее, Поленов огляделся кругом, хмурясь и отрывисто бормоча себе что-то под нос. Затем он сделал знак остановиться и начал медленно взбираться на отвал. Он долго стоял на отвале, глядя вниз и для чего-то растопыривая и загибая пальцы своих больших рук. Я смотрел на него и думал о том, какие воспоминания проносятся сейчас в голове старого штейгера.

— Ну вот, Васильич, должно быть, здесь,— произнес штейгер, спускаясь с отвала.

Он стал на колени, раздвинул руками кусты. За кустами оказалось отверстие небольшой заваленной штольни, в которое мог бы пролезть разве только ребенок.

— Если в глубине работа не села, пролезем скоро! — сказал Поленов.

Я, не отвечая, сбросил с плеч свой мешок и взялся за лопату. Рыхлая земля, засыпавшая вход, подалась легко, и через полчаса я расширил отверстие настолько, что ползком можно было свободно пробраться в него. Приготовив свечу и спички, я растянулся на мягкой сырой земле, нагроможденной у входа, и привычным движением вниз головой скользнул в узкий, трубообразный проход. Несколько метров я полз вниз по склону земли, осыпавшейся в выработку, затем проход сразу расширился. Верхняя его

часть была свободна. Дальше можно было уже ползти на коленях. Я остановился и зажег свечу. Сверху приглушенно донесся голос старого штейгера, спрашивающего, как дела.

— Отлично, Корнилыч! — крикнул я. — Пролезай, да и мешок не забудь!

Вскоре я услышал шуршанье мешка, скатывающегося вниз, и старческое побряхтыванье Поленова. Из мешка мы достали фонарь; лопату оставили у начала расширения и вскоре миновали «хвост» земли, намытой сверху в выработку. Можно было идти почти выпрямившись. В штольне было сухо. Свет фонаря бросал желтоватый отблеск на стены, уходившие далеко в черную тьму. Старик медленно шел впереди. Мне это было на руку, так как я успевал на ходу справляться с компасом и записывать направление и расстояние. Штольня была длинна и низка. Спина начала болеть от согнутого положения, когда мы подошли к рудничному двору шахты.

— Ничего не попишешь! — буркнул Поленов. — Нечисто засыпали. Придется в юберзихбрехен¹ прокапываться, нечистый его дух!..

Я понял, что старик хочет пробраться через ход, соединяющий большую шахту с соседней, и, не мешкая, приступил к делу. К счастью, в углу потолка рудничного двора земля не насыпалась вплотную к стенке, и мы без особого труда проползли через узкую щель в другой ход. Этот ход привел нас к маленькой шахте, которая не была засыпана полностью. На небольшой глубине от устья шахты было сделано деревянное перекрытие, сверху потом заваленное. Вверх и вниз в черную тьму уходил квадратный колодец около двух метров в поперечнике. К этому времени мы сильно углубились в склон плато, и нависшая над нами толща горных пород была уже большой.

— Теперь куда, Корнилыч? — окликнул я штейгера, склонившегося над шахтой.

Не отвечая, он бросил вниз камень, и вскоре до нас донесся отчетливый всплеск: внизу была вода. Разочарованно я посмотрел на штейгера, но лицо Поленова было спокойным.

---

¹ Ю б е р з и х б р е х е н — горизонтальная выработка, соединяющая стволы двух соседних шахт.

— Ну, Васильич, теперь самое трудное начинается — спускаться надо.

— Куда же, в воду?

— Эх, а еще горняк! Или боишься? — поддразнил старик. — Помнишь, я тебе говорил: будет шахта, через которую придется прыгать, — эта самая и есть. Двадцать четыре аршина ниже будет большой штрек среднего горизонта, нам на него выйти надо. Спервоначально я думал спускаться большой шахтой — тогда надо было через эту перепрыгнуть. Ну, а теперь ты спустишься вниз, раскачаешься и заскочишь в рудничный двор второго горизонта. Веревку петелькой за пояс прикрепи, чтобы не утратить. Да тебя уж учить не надо, практику хорошую прошел. Понял мой план?

— Все понял, Корнилыч. Двадцать четыре аршина — пустаки!

Я достал принесенную веревку, на захваченный с собою крепкий брусок навязал петлю и продел в нее сложенную вдвойне веревку для спуска известным альпинистам способом, называемым дюльфером.

Пока я готовился к спуску, Поленов присел на мешок около шахты и наставлял меня на дальнейший путь. Основной моей задачей было проникнуть в грандиозные выработки глубочайших шахт района — Щербаковский рудник.

— Дай-ка бумаги, я чертеж тебе сделаю, — сказал старик.

Сдвинув головы к фонарю, мы, как два заговорщика, вполголоса совещались на краю черного отверстия старой шахты. Глубочайшая темнота и тишина окутывали нас. Мы уже настолько привыкли к ним, что когда где-то в конце пройденной нами сбойки возник негромкий звук, он показался оглушительным. Я повернулся, едва не опрокинув фонарь; штейгер приподнялся, упершись руками в песок. Вытянув шею, вглядывался он в беспросветную черноту, заполнявшую другой конец хода. Звук напоминал шуршание большого куска сминаемой бумаги. Усиливаясь, он перешел в заглушенный гул и закончился тупым ударом. Через несколько секунд волна воздуха зашипела по ходу и донеслась до нас, погасив фонарь и свечу. После этого все стихло, и снова беззвучная тьма воцарилась в подземелье. Догадываясь уже, что произошло, я торопливо нащупывал в кармане спички.

— Ну как, Корпильч? — спросил я штейгера, и голос мой прозвучал хрипло, неуверенно.

Я зажег свечу. Лицо старика было строго, но спокойно. Только сдвинутые брови и сжатые губы говорили о надвинувшейся на нас опасности.

— Эти заваленные шахты всегда... — Он не договорил, быстро поднялся и взял свечу. — Пойдем, Васильч, поглядим... Только потихоньку.

Мы углубились обратно, в недавно пройденный ход, и очень скоро шаги наши заглохли в мягком песке, толстым слоем устлавшем пол выработки. Я посмотрел на Поленова, он кивнул головой. Слой песка все утолщался, в нем показались крупные глыбы породы. Мы сгибались все ниже и ниже, продвигаясь вперед, и наконец уперлись в насыпь из песка и камней, закрывшую наглухо отверстие штрека.

Дело было совершенно ясным: осела какая-то пуста в большой заваленной шахте. Сотни тонн земли, обрушившись сверху, отрезали нам путь назад... Мы находились в одном краю огромной, площадью во много километров, системы подземных ходов, уходивших вглубь степного плато. Чем дальше, тем шахты становились всё глубже и все были завалены. Да если бы некоторые из шахт и были открыты, разве можно было бы подняться через них из стометровой глубины? Чувство смертельной опасности, охватившее меня в тот момент, когда я услышал шорох обвала, не оставляло меня. Быстро пронесся рой мыслей о жизни, работе, близких, о прекрасном, сияющем, солнечном мире, который я больше никогда не увижу... Я закурил папиросу и жадно затянулся. Табачный дым низко стлался в сыром и холодном воздухе. Овладев собой, я повернулся к Поленову. Он был хмур, спокоен и молча следил за мной взглядом.

— Что будем делать, Корпильч? — как можно спокойнее спросил я.

— Сильно сверху надавило; пожалуй, вся труба земли села, — сердито хмурясь, сказал Поленов. — Это мы растревожили, когда прокапывались. Видно, давно уж на волоске висело. Делать нечего, не прокопаешься, опять засыпать будет... Ну, пойдем назад, к шахте. Что мы здесь корчимся.

Не говоря ни слова, я пошел за стариком. Его спокойствие удивило меня, хотя я и понимал, что за свой долгий

рабочий век он много перевидал и не раз испытывал серьезную опасность.

Не знаю, сколько времени мы молча просидели у края шахты: старик — в глубокой задумчивости, я — нервно покуривая. И я невольно вздрогнул, когда Поленов неожиданно нарушил молчание.

— Ну, Васильич, выходит, мне с тобой лезть надо. Мне-то уж помирать не страшно — годом раньше, годом позже, а тебе неохота, да и нельзя: полезный ты нашему делу человек. Свечей сколь прихватил с собой?

— Три целых пачки, — ответил я.

— Это дело! Такого запаса хватит, но для всякого случая, как спустимся, вторую свечу гаси — путь длинный... А меня сумеешь ли спустить? Я ведь тяжел. — И на суровом лице старика чуть мелькнула улыбка.

— Спущу, Корнилыч, будь спокоен, — откликнулся я. — Однако как же мы выберемся из глубин Рождественского или Щербаковского рудника? Здесь-то, может быть, и разыщут...

— Ну, какой шут нас найдет! — жестко оборвал старик. — Ищи иголку в степи! Не сказались ведь, куда пойдём. А тут дело вот какое: пройдем мы до Старо-Ордынского — это дорога верная; от Горного, почитай, километров шесть будет, но зато по старым сухим выработкам. А дальше был наверх единственный ход через Андреевский Девятый — этим ходом Андрей Шаврин первый прошел. Он его и обнаружил — рудаши потом по его имени этот отвод назвали. Кроме него, меня да еще одного, никто там и не был, а это ведь семьдесят лет тому назад было. Ну, собирайся: спервоначалу меня опустишь, потом сам. Веревку-то выдерни опосля — пригодится...

Через несколько минут Поленов повис в черном колоде шахты. Медленно выпуская веревку из-под ноги, я следил, как фонарь, прицепленный к груди старика, опускался все ниже.

— Стой! — загудел внизу голос старого штейгера. — Нет, еще аршин выпусти!..

Быстро перекрутив веревку через брусок, я увидел, как штейгер уперся ногами в стенку шахты, раза два качнулся и исчез. Едва заметный след мерцал где-то внизу, на противоположной стенке шахты. Потом веревка ослабла, освобожденная от груза. Я спустил вниз мешок, а затем начал спускаться сам, отталкиваясь ногами от стенок

шахты, пока не достиг уровня двора среднего горизонта. Далеко внизу, на нижнем горизонте, плескалась вода, в которую сыпались кусочки породы. Подражая штейгеру, я раскачался и прыгнул в освещенное фонарем начало штрека. Штейгер стоял, прислонившись к песчанику, и тяжело дышал. Только что проделанный спуск отнял у него все силы. Я не спеша освободил и смотал веревку, медленно надел заплечный мешок, приготовил компас и наконец закурил, чтобы дать время старику оправиться. Штрек был большого сечения и, не в пример прочим, довольно высок. Мы свободно пошли, не сгибаясь, в далекую дорогу в подземной глубине, отрезав себе всякую возможность возвращения. Я безусловно доверял старику. Сложнейший лабиринт разновременных выработок где-то мог вновь приблизиться к поверхности. При знании всех подробностей расположения древних и новых выработок мы могли спастись. И это знание было у Поленова, последнего из оставшихся в живых мастеров горного дела прошлой эпохи.

Путь был утомителен и долог. Миновав без особых затруднений большие и правильные выработки Александровского рудника, мы долго пробирались ползком в частично обрушенных и низких работах двухсотлетней давности, пока наконец не выбрались в длинный штрек английской концессии. Пройдя этот штрек, мы попали в систему больших камер на месте незначительных гнезд сплошь вынутой руды, где должны были разыскать кварцшлаг — ход, соединяющий эти выработки с выработками соседнего, Щербаковского рудника. Щербаковский рудник отстоял от поселка Горного по поверхности около четырех километров, мы же проделали путь под землей много больший, и к этому времени старый штейгер совершенно выбился из сил. Я постелил на сырой пол камеры свою кожаную куртку, и Поленов в угрюмом молчании опустился на нее. Однако после того как мы поели и я дал старику шоколаду с добрым глотком коньяка, Поленов заметно прибодрился. Я решил не торопить старика, зажег еще одну свечу и с удобством устроился на мешке, покуривая и поглядывая кругом. Потолок камеры едва серел при тусклом свете; неровные, уступчатые стены из плиток голубоватого рудного мергеля были испещрены черными пятнами — обугленными отпечатками древних растений. Здесь было более сыро, чем в выработках,

просекавших песчаники, и неподвижная тишина нарушалась мерным, четким падением водяных капель. Местами черные полосы пропластков, обогащенных медным блеском и углистой «сажей» ископаемых растений, резко прочерчивали породу оставленных столбов. В других выступах стены были испещрены синими и зелеными полосками окисленной части рудного слоя.

Влево от нас неровный, изборожденный трещинами потолок камеры быстро понижался к изогнутой полукруглым галерее. В галерее чернели три низких отверстия. Одно из них должно было служить нам дальнейшей дорогой.

Я докурил вторую папиросу, когда Поленов сказал: что готов отправиться дальше.

— Отдыхай, Корнилыч, — отвечал я, — торопиться некуда, наверху все равно уже ночь.

— И то, пожалуй... — согласился штейгер. — Полпути сделали, а дальше-то хитрее будет.

— А что это за путь, которым мы пойдем, и кто такой Шаврин, открывший его?

— Ну, что за путь — сам увидишь, а про Шаврина могу рассказать — дружок он мой был.

И старик начал свой рассказ под монотонный аккомпанемент капель:

— Дело-то это незадолго перед концом крепостного права было — в пятьдесят девятом году. В ту пору я парнишкой восемнадцатилетним был, однако же по сметке и по выучке горным десятником работал. Андрюшка Шаврин — постарше меня на два года — тоже в горных десятниках ходил. Работали мы оба на Бурановском отводе и в Чебеньках — знаешь, где роща березовая сейчас, на спуске к Уранбашу, где Верхоторская горная контора тогда стояла. Против нее, по ту сторону речки, — Воскресенская горная контора. С Андрюшкой мы дружили, да и кто с ним не ладил — отменный парень был! Ну, не больно красив, но силен да статен, а уж умен да ласков — какой-то прямо особенный! Работу горную очень любил. Еще мальчишкой с моим да со своим отцом всё по старым работам ходил: по поручению управляющего смотрели, чтобы потом, что хорошее осталось, взять. Хорошо выучился, книг много разных читал и, не в пример другим, любил вечерами после работы сидеть допоздна в степи и думать о чем-то... Все было бы хорошо. Работал Андрей — не нахвалишься, да только гордый был паренек. Ну, а кре-

постному-то гордость очень вредная, особо когда управляющий, как наш Афанасьев, строжек был. Графы-то Пашковы, к которым мы были приписаны, в горные дела мало вмешивались. Управляющий и орудовал как хотел. А Шаврин еще с соседями из Воскресенской конторы сдружился. Ихний управляющий — Фомой Рикардом звали — все его хвалил и к себе звал работать. Да как уйдешь? Кабы государственный был, еще можно бы сделаться... Андрюшка часто у них пропадал и много чего лишнего понахватался — не по чину получилось. И это еще не беда. Нрав у Андрюшки был тихий, да как до Насти дело дошло, тут все перевернулось. Девка тут была одна, плотника Ферапонтова дочка. Ничего себе, красивая, косы длинные, грудь высокая, как сосенка статная. И певунья на редкость — голос на все конторы славился. Андрюшка и втемяшился в нее, она в Андрюшку. Словом, любовь у них такая пошла — сами не свои ходят, как зачарованные. Как вечер, бежит мой Андрюшка на Покровский рудник к своей Настеньке. Узнал про это управляющий и сильно освирепел. Он эту девку давно заприметил и то ли для себя, то ли для своего сына в любовницы прочил. Позвал он Настю к себе. Жил он тогда в большом белом доме на ферме, у Верхоторской конторы. Этот дом не сохранился — в революцию пожгли. Стоял он в большом саду, у пруда. А Шаврину управляющий приказ послал: немедля собраться и ехать с завтрашним же обозом, что с рудой на завод в Уфимскую губернию пойдет: переводит он, значит, Андрюшку на Ивановский рудник, что недавно Пашковы за Демой купили. Андрюшка узнал — и свету не взвидел. Как же ему с Настей-то расстаться? Словом, побегал Андрюшка к Насте и узнал, что Настю управляющий к себе потребовал. А уж смеркаться начало... Андрей-то недаром умен — сообразил, что неспроста и его отсылают. Пустился он во весь дух на ферму. С Покровского-то хорошо бежать — вся дорога под гору. Уже стемнело, когда добежал. Быстро, никто его не заметил, пробрался в сад и затаился в кустах под окнами управляющего.

А управляющий как раз в это время Настю улещал. Да девка уперлась — ни в какую, хоть в Сибирь ссылай, хоть убей. Афанасьев в конце разъярился — не привык он к непокорству. Кликнул двух баб домовых — здоровенные такие бабищи были, — одежду они с Насти сорвали при нем и заперли голую в темный чулан, чтобы одума-

лась. Ну, Настя девка сильная, и пока они с ней управились, шуму много наделала, и Андрюшка услышал этот шум, влез на карниз и заглянул в окно. Увидел он, как Настю бабы из комнаты утаскивают, и все в душе у парня перевернулось. Потом уже рассказывал он мне, что не в себе стал, плохо помнит, что было дальше. Высадил раму, в комнату прыгнул — кабинет этот был Афанасьева — да прямо к двери, в которую Настю утащили. Афанасьев увидел его — и скорей за ружье, что висело на стенке. Только взять он ружье не успел. Андрей схватил со стола какую-то тяжелую штуку да как ахнет управителя по зубам! Зубами Афанасьев всегда гордился — они у него были, как у цыгана, крупные, белые. Андрюшка их одним ударом вышиб. Парень здоровый, да еще осатанел совсем — ну, ясно, управляющий и покатился, обливаясь кровью. Тут бы его Андрюшка и прикончил, да голос Насти услышал. Управителя бросил и кинулся искать ее. Пока то да се, по дому тревога поднялась. Афанасьев тоже крепкий был мужик, быстро очухался и заорал: «На помощь!» Сбежались тут конторские сторожа и его, Афанасьева, охранители-кучера: звери, а не люди. Навалились скопом на Андрюшку, сбили с ног, скрутили. Афанасьев на Андрея глядит, ко рту платок прижимает и слова сказать не может — рычит только. Наконец прохрипел: «В амбар, завтра рассчитаемся!» Заперли Шаврина в крепкий амбар рядом с кузницей, сторожа выставили. А в доме управителя любушка его сидит — тоже запертая, своей участи дожидается. Вот как счастье-то их в один миг перевернулось, сгнуло!.. Ну ладно... Отдохнули мы, пора и дальше, — неожиданно оборвал рассказ Поленов и, побряхтывая, поднялся с земли.

Идти по широким штрекам в обширных Щербаковских выработках было легко. Но зато воздух здесь был тяжел. Огонек нашего фонаря еле мерцал, не давая даже возможности различить дорогу. Здесь, на наибольшей глубине, естественная вентиляция через системы выработок и продухи не полностью заваленных шахт почти отсутствовала. Дышать было трудно, и я серьезно тревожился за старого штейгера. Вскоре перед нами выросла огромная насыпь крупных глыб и породы, скат которой уходил высоко вверх.

— Наверх, значит, надо лезть по ней, — сказал Поленов. — Только, ох, как осторожно нужно, Васильич!..

Пробуя, крепко ли лежат куски породы, с глыбы на глыбу, минуя сотни зияющих щелей, поднимались мы метр за метром на горизонт 27-й сажени. Я изо всех сил старался облегчить старику трудный подъем. Поднимались мы очень долго, пока наконец не добрались до желанной цели. Цель эта показалась мне весьма невзрачной. Широкая лавообразная выработка целиком села, от кровли отделились огромные плиты по три-четыре метра толщиной. Между новым потолком и севшими плитами сияла широкая щель, не более полуметра вышины, ведущая в новую неизвестность. Двадцать семь сажен толщины пород по-прежнему отделяли нас от поверхности земли. Но здесь приятно было почувствовать тягу воздуха, вздохнуть как следует. Пламя фонаря вспыхнуло и стало гореть ярче. Долго лежали мы, отдыхая на гладкой плите, похожей на большую льдину. Движение воздуха колебало огонек фонаря и холодило разгоряченное лицо.

— Тянет здорово, Корнилыч, — нарушил я молчание. — Пожалуй, где-то близко выходные выработки.

— Близко-то близко, да не для нас. Это знаешь куда тянет? В большую Покровскую шахту, откуда воду берут в выселке на сырту. Ее второй горизонт примерно с этим сходится, и сбойка была, но нам туда не пробраться — село все, а понизу затоплено. Нет, наша дорога теперь направо, в Верхоторский отвод — Мясниковский Новый по-другому называется. Ну, давай полезли понемногу — отдыхался я...

Щель, несмотря на свой зловещий вид, оказалась сравнительно легко проходимой. Из нее мы попали в узкий ход, а дальше — в большие, правильные выработки и через несколько узких восстающих поднялись метров на двенадцать выше. Потом потянулись низкие, неправильной формы, изогнутые ходы. Они неуклонно заворачивали к юго-востоку, пока не перешли в широкую и высокую галерею.

— Вот тебе и Старо-Ордынский! — обрадованно сказал штейгер. — Эта штольня кольцом вокруг пойдет, а из нее — орты внутрь, как колесные спицы. Посередке большая камера — нам туда и надо... Да вот одна орта, в нее и лезем...

Низкое сводчатое отверстие хода чернело налево у пола галереи. Пришлось снова становиться на четвереньки, и, испытывая острую боль в натруженных коленях, про-

двигаться по слегка наклонному вверх тесному ходу.

Внезапно орта кончилась, и мы вышли в огромный, почти круглый зал. Как я ни поднимал фонарь, мне не удалось разглядеть потолок, и только когда я зажег свечу, увидел его изрытую подсечками поверхность на высоте больше десяти метров. Огромные черные бревна столбовой крепи стояли колоннадой, подпирая своими терявшими в темноте верхушками боковые уступы, косо сбегавшие с потолка к стенам зала. Пол был ровен и чист. Против устья орты виднелись высокие закаты — штабели оставленной в выработке бедной руды.

— Ну и чудеса! — воскликнул я в восторге, осматриваясь кругом. — Но как крепи уцелели здесь за сто лет, не понимаю!

— Это дело немудреное. Прежде ведь дубами крепили. А уцелели потому, что не давило здесь. Попробуй-ка крепь — смекнешь сразу.

Я подошел к ближайшему черному столбу и тронул его пальцем. Палец вошел, как в масло, в сырую и черную мякоть, но в глубине нащупывалось твердое дерево. Присмотревшись, я заметил, что древесина окрашена местами в густо-синий, местами в зеленый цвета — значит, насквозь пропитана медными солями.

Мы расположились на отдых у штабелей руды. Часы показывали четыре утра: уже двадцать один час находились мы под землей. Усталость брала свое.

— Много ли осталось, Корнилыч? — обратился я к штейгеру, доставая еду.

— Тут уж пустое. Сейчас в Чебеньки выйдем — и в штольню в Ордынском логоу, выше ключа, в лесок.

— Ну и далеко же нас завело! Досталось тебе, Корнилыч!

— И то не думал я, что перед смертью здесь еще раз побываю. После Шаврина я был тут с сыном лет пятьдесят назад...

— Вот что: пока будем закусывать да отдыхать, доскажи-ка мне, что дальше с Андреем было, — попросил я.

— Выпивки-то осталось сколь-нибудь? — спросил старик. — Заморился я. А хорош шоколад-то: как поешь, сразу силы прибудет. В наше время мы его не видавали...

Он молчал, закусывая, и, только основательно заправившись, сказал:

— Ну ладно, слушай дальше... Так, значит, Андрюшка валялся в амбаре, скрученный по рукам и ногам, а мы ничего не слышали... Либо его связали не крепко, либо ярость в парне больно велика была, только ночью удалось Андрею от пут освободиться. И хитер же он был! Поражмялся маленько и влез на толстенную балку наверху, прямо над дверью, да как завопит диким голосом! Сторож перепугался, вызвал подмогу. Решили посмотреть, что стряслось с Андрюшкой: то ли ума решился, то ли помирает парень. Дверь отомкнули, вошли с фонарем в амбар... Андрюшка прыгнул сверху на последнего, что с ружьем у двери стоял, сбил его с ног, подхватился — и в степь. Ну, тут: «Держи, лови!» — бух, бух в темноту... Где там! Сквозь землю провалился. Да и впрямь ведь в землю ушел — выручай, родная! И выручила...

Утром мне на работу выходить. Встал еще до свету. Мать на стол собирает и говорит, что с Андрюшкой неладное случилось. Уж слух прошел: и как управляющий Настю забрал, и как Шаврин ему зубы вышиб, и как сбегал он ночью куда-то. А что с Настей было, никто не знал. У меня от этих новостей даже дух захватило, и пошел я на работу сам не свой. Все думал, что теперь будет и как бы Андрею помочь. Работали мы в Чебеньках, на самом краю отвода. Полез я шестой забой проверять. Иду по штреку задумавшись, вдруг слышу Андрюшки Шаврина голос. А я все о нем думаю, и так это меня пробрало, даже обмеря, остановился. Посмотрел туда, сюда — рядом печь старая. Посветил, гляжу — и впрямь Андрюшка меня рукой подманивает. Огляделся я кругом — никого, фонарь притушил — и в печь. А там, в глубине, разбуравлено было и старый ордынский ход пересекался. Мы с Андрюшкой туда и прошли. Я к нему с расспросами, как да что. Андрей только головой помотал — некогда, мол: Настю да и себя спасти надо. «Про тебя, — говорит, — знают, что ты дружок мой, следить будут, так ты долго здесь не задерживайся. Костьке Силаеву (это второй его дружок был) скажи, что я повидать его хочу ночью, чтоб только никто не видел. Принесите в Ордынский лог, к ключу у четырех больших берез, еды побольше — на несколько дней. Там я вас встречу и скажу, что дальше делать надо. И еще: пусть ты или Костя всенепременно перед вечером с кузнецовой Надеждой повидаются. Пусть она постарается передать Насте: жив Андрей и скоро ее освобо-

дит. Старому ироду пускай не поддается и ждет от меня известия...» На том и порешили. Харч, что я с собой взял, отдал Андриюшке, и он исчез в ордынской работе. Я потихоньку выбрался из печи — да к себе в забой. Места не нахожу, все думаю, как с Костей повидаться. На счастье, понадобились мне новые клинья, а наша кузница стояла у Верхне-Ордынского, где Костька работал. Я скорее туда. Ну, повезло: Костьку разыскал, перемигнулся, быстро ему все сказал... Сговорились, что Надежду он повидает. А встретимся мы у большого Волковского вывоза, выходить будем порознь. Отлегло у меня от сердца, вернулся я к себе на шахту. А кругом уж только и разговору, что об Андриюшке и Насте. Приказчики да сторожа в степь поскакали — Андрея ловить, да собаки охотничьи спущены были.

Управляющий занемог — видно, здорово его Андрей стукнул, — в постели лежал. Награду назначил большую, кто Шаврина поймает. Нарочный в Каргалу поскакал, полицию уведомить, а оттуда в Оренбург, к полицмейстеру, за приказом ловить Андриюшку и в железо ковать.

Я, как домой вернулся, мешок приготовил да потихоньку от матери насовал в него все, что под руку попало из еды. Подождал, когда все заснули. Наудачу, луны-то как раз не было, ночи теплые да темные. Пошел я, на душе беспокойно: за Андриюшку боюсь, не знаю, что дальше будет. Тихо в степи, пусто. Где-то стороной, слышно, верховые проскочили — должно, дружка моего ищут. По узенькой тропинке подошел я к Волковским вывозам. Чуть забелел на горюшке большой вывоз — тут в кустах заворошилось, и Костька как из-под земли появился. И тоже с мешком. Пошли мы потихоньку, как два волка, в темноте непроглядной. Спустились в лог, и не по дороге, а на всякий случай по-за кустами, в полугоре пошли... Костька мне шепотком рассказывает, как был у Нади. Та, говорит, даже в лице изменилась, побледнела, однакоже, говорит, сделаю. В сумерках прибежала, отдышаться не может. Настю ни увидеть, ни сказать ей не смогла, держат ее по-прежнему под замком. Из разговоров в доме Надежда узнала, что управляющий сильно занемог, но клянется, как только ему полегчает, непременно самолично сыскать Андриюшку и отомстить за свое уродство сполна...

Пока Костя все это рассказывал, подошли мы к месту. У родника повернули направо; здесь было чистое песча-

ное место, кругом — кусты чернотала, а выше — гривка небольшая с травой, и на ней четыре старые березы. Сели мы под березами. Тихо кругом. Крикнул я сычом. Послушал, еще раз крикнул. И вдруг, откуда ни возьмись, Андрюшка прямо перед нами. Мы даже перепугались от неожиданности. Рассказали мы ему все. Подумал Андрей и говорит: «Вот что, дружки мои любезные: вы теперь одна у меня надежда. Если вы не поможете — пропал я, а я пропаду — Настя тоже: загубит ее управляющий. Коли хотите помогать, делать это надо не мешкая. Сперва покажу я вам сейчас место, где меня сам черт, а не то что Афанасьев, не найдет. Вы в это место отнесите тулупчик какой или одеяло, посуду для воды да женское платье... Вот эту цыдулю снесите в Воскресенскую контору — Рикарду. В собственные руки отдайте и ответа ждите. Ответ отнесите сюда и положите — покажу, в какое место... Дальше вот еще что: старинный рудничок у самой фермы знаете? Там открытая работа большая, а в ней несколько штолен маленьких, осыпавшихся. Так вот: средняя штольня выведет в подкоп, подкоп пойдет все правее и правее, к ямам от дудок, что уж в самом Ордынском логу, в кустах. Нужно по этому подкопу пролезть и в одну из дудок ход расчистить наружу. Только землю, чур, внутрь отгребать. Надежде скажите, что я вечером послезавтра буду ее ждать в роще на Заовражном — ей туда добежать пустяк, а вы туда же приходите, как всё обделаете. Только записку мою Рикарду обязательно завтра на свету снесите, а вечером — ответ». Шаврин вдруг замолчал, прислушался. Прислушались и мы с Костей. Внизу, по логу, слышен конский топот. «Ну, други, прятаться надо, это ведь меня ищут», — шепнул Андрюшка. Взял меня за руку, я — Костьку, и пошли мы в кусты, прихватив мешки. За кустами была большая старинная штольня — Ордынской звали. Устье широченное, высокое, верхом въехать можно. А сама штольня короткая, и выхода из нее нет. «Куда ты, Андрюшка? — говорю я Шаврину шепотом. — Ведь они беспрерывно в штольню заглянут — за тем, наверно, и едут...» — «Ладно. Конечно, заглянут... Да ты поспедай, а то мы их поздно заметили, заболтались...» И верно, под землей слышно — конские копыта уж совсем близко топлют... В штольне — я знал хорошо — было три хода. Средний — самый длинный, сажень восемь. Андрюшка нас туда и повел. В конце — орта небольшая; туда и сюда пе-

чи слепыми забоями. Вот мы в левую печь заскочили. Андрюшка и шепчет: «Вверху, выше роста, подсечка узкая, всего два аршина в глубину и меньше аршина в ширину. В конце подсечки — ход вверх, ордынская выработка смыкается. Руки вперед суй, перегнешься туда вверх, ноги подтянешь — и хоть во весь рост вставай». Так и сделали, и в самое время — голоса уже по логу слышны. Тут, видишь, какое дело: ход-то, он прямо над подсечкой, вверх идет и назад над штольной поворачивает, узко очень, и как ни смотри — снизу ничего не увидишь. Влезли мы все. Андрюшка подвинул два больших куска породы, опустил в подсечку и конец ее вовсе закрыл. И знать будешь, так не пролезешь. Назад от подсечки ход шире шел; сели мы втроем над самым отверстием и слушаем. Верно, в штольную идут, шарят везде, ближе к нашему забою подходят. Вот чуть-чуть засветило между камнями — это кто-то свечу прямо к забою поднес. «Так нигде ходу нет?» — слышу, спрашивает, не узнал по голосу кто. А ему Рыбин, штейгер с Покровского, отвечает: «Посмотри сам. Мы ведь каждую печь знаем, — не видишь, что ли?» А мы сидим, притаились, друг друга локтем в бок подталкиваем. Ну, ушли незваные гости; высекли мы огонь, запалили свечу. Андрей нас и повел в свое убежище. Тут, оказывается, большие ордынские работы были. И никто о них ничего не знал. Знаешь, как у ордынцев-то было — ходы узкие, без крепей, трубами, стоят вечно. Труба за трубой спускаются наклонно вниз до большой выработки, где ордынцы богатое гнездо брали. Здесь Андрюшка-то и основался. Показал он нам оттуда путь в Старо-Ордынский рудник — в эту вот большущую залу, где мы с тобой сейчас сидим.

Большая ордынская выработка с хорошую горницу величиной была, только пониже малость. Посередине гладкие плиты крепкого песчаника были теми ордынцами положены. На них мы сложили припас из мешков, свечи оставили, огниво; сюда же уговорились записку положить. На том и покончили. Поползли по трубам наверх, добрались до штольни, камни вытащили и вылезли. Андрюшка ход за нами опять закрыл. Послушали — никого. Ну и дернули домой без оглядки! Пришли ночью и выспаться еще успели... Ну, а мы с тобой, Васильич, успели отдохнуть. Хватит сказки-то сказывать, давай выбираться...

Штабель у южной стены зала, где мы сидели, постепенно повышался. С него можно было забраться на уступ

стены. Выше шла узкая просечка, по которой я, упираясь в стенки спиной и ногами, забрался на второй уступ, почти под самым потолком камеры. Этот уступ, вернее — карниз, был очень узок. Пришлось лечь на бок, лицом к стене, и проползти три-четыре метра налево, к выходу доисторической трубообразной выработки. В ней я наконец твердо закрепился и втащил Поленова на веревке. Развернуться уже было нельзя, и я так полз дальше, ногами вперед. Следом за мной, отдуваясь, полз Поленов. Проклятая выработка упорно поднималась вверх, и, казалось, ей не будет конца. Я уже начал было думать, что кости на моих локтях вылезли наружу, но вот ноги потеряли опору, и я лягушкой выскочил на ровный пол. Это и была та самая подземная горница, где скрывался семьдесят лет тому назад Шаврин. Гладкие стены, характерные для доисторической выработки бронзового века, имели овальные очертания, потолок поднимался куполом, а пол углублялся в виде чаши. Я увидел гладкие камни посередине камеры, о которых рассказывал штейгер. Осмотрев камеру, я нашел две источенные бронзовые кайлы и несколько медных слитков. Кайлы, один слиток, черепки какой-то посуды и череп, найденный в смежной орте, были впоследствии отосланы мною в Русской музей в Ленинграде. Штейгер шарил с фонарем по полу, бормоча что-то.

— Вот смотри, Васильич,— сказал он и направил свет фонаря за один из больших камней. Я увидел почерневшую, но хорошо сохранившуюся дубовую кадучку.— Бадейка для воды, ее Костька приволок, а вот и нож Андрюшки...— Старик поднял с полу ржавый обломок ножа и бережно сунул его в карман.— Как есть все так лежит, будто только год назад было...— Даже при скудном свете фонаря видно было, как молодо заблестели глаза старика.— Эх, жизнь рабочая! Прошла, как один день...

Поленову не хотелось, видно, торопиться. Он обошел с фонарем всю выработку кругом, посидел на камне, не обращая на меня внимания. Я воспользовался этим для подробного осмотра выработки и нескольких ходов из нее.

Поленов позвал меня идти дальше, и снова началось ползанье по трубообразным, узким ходам. Мы поднимались постепенно выше и выше, в то же время неуклонно направляясь на юго-юго-восток. Странно было увидеть впереди голубое облачко отраженного света, резко отличающегося от красноватого пламени свечей, долго светив-

шего нам в подземном мраке. Свет усиливался. И вот с чувством несказанного облегчения я погасил и спрятал в карман свечу.

Столб неяркого света поднимался над квадратным отверстием в конце хода. Свесив ноги в отверстие, я решительно скользнул в него и остановился на ступеньке верхнего вруба забоя, повернулся, второй раз проделал то же самое и очутился на почве забоя. Я помог спуститься штейгеру, и оба мы, торопясь и спотыкаясь, пробежали оставшиеся пятнадцать метров навстречу нарастающей яркости голубого света. Я нетерпеливо раздвинул густой кустарник у входа и, упиваясь морем свежего, теплого воздуха, ослепленный светом до боли в глазах, не мог удержаться от радостного крика. Обернувшись к Поленову, я подумал, что суровый старик будет смеяться надо мной. Однако и на его лице светилась счастливая улыбка, он тоже радовался красоте просторного солнечного мира.

Высокое полдненное солнце встретило нас ласковым теплом. Тихий шелест осеннего ветерка звучал в наших ушах приветствием. Двадцать девять часов провели мы во мраке и тишине подземных выработок!

— Ну, Васильич, погреемся маленько, отдохнем, да и в Уранбаш пойдем, на ферму, бывшую Пашковскую, тут близко. Там и лошадь достанем, а то домой-то далеко, не дойду я. Выручил нас Андрюшка! Не знаю ведь я, что с ним потом случилось...

— Доскажи мне, Корнилыч, про Шаврина, — попросил я, раскладывая на солнцепеке отсыревшие папиросы.

— Да уж и рассказывать-то почти нечего. Сделали мы все, что Андрюшка сказал. Следующей же ночью мы с Костькой опять в ордынскую работу забрались, принесли тулуп старый, бадейку, еще хлеба да ответ от Рикарда. К нему я сам ходил украдкой. Прочитал он записку, усмехнулся и ушел куда-то, а я в конторе ждал. Вернулся, посвистал, походил по комнате, написал что-то на бумаге и мне отдал. Я сунул бумагу за пазуху да со всех ног домой, даже спасибо не сказал. Все боялся — заметит кто-нибудь, что в Воскресенку ходил.

Назавтра мы с Костей узнали: управляющий Афанасьев маленько оправился, полиция приехала, сидят в его кабинете, пьют, совет держат, как им Шаврина изловить. Едва только смерклось, мы, как кошки, — из дому. Я तोпор нес — Андрюшка просил, — Костя еще свечей добыл.

На холмике, что против фермы, в кустах залегли — ждем, когда Надька побежит по столбовой тропке мимо. Слышим — пробежала, а сами ждем да слушаем, не следит ли кто сзади. Долго лежали — не слышать никого. Тогда и сами — шасть впиз, в рощу Заовражную. Я опять сычом крикнул: Андрюшка ответил тихим свистом. Подошли, смотрим — тут же, у березки, и Надежда стоит.

«Так непременно, Надюша, сделай», — говорил ей Андрей. «Все сделаю», — отвечает. «Ну, спасибо тебе, родная, прощай, не поминай лихом». Надежда обняла его, крепко поцеловала и быстро так ушла... Андрей повел нас в лог, по дороге рассказывает, что мы делать должны. Завтра управляющий самолично поедет по рудникам — выслеживать Андрюшку. Догадался старый волк, что беглец скрывается в подземных работах. Как уедут все, нам с Костькой удрать на ферму и непременно подпалить дальний амбар, что у конюшни, на горке. А как подпалим — бежать что есть духу на Бурановский, смотреть с горы, что будет, и потом неприметно вернуться домой. А приходиться Андрюшку проведать не раньше чем через пару дней — после пожара-то крепко следить будут за всеми и уж в Ордынском логу станут шарить всенепременно. Ну, сговорились мы, попрощались и разошлись.

Утром Афанасьев с полицией, с подручными да с любимыми борзыми уехал в Богдавленскую контору — это где Горный наш сейчас стоит, — а в обед мы с Костькой пробрались огородами по-над речкой на ферму, на зады к конюшне. Смотрим — у амбара зарод¹ сена клеверного стоит, для лошадей управляющего. Мы подожгли амбар да заодно и зарод подпалили — и ну бежать низом что было мочи!.. Уж порядочно отбежали — слышим крик, сполох поднялся. Мы еще ходу прибавили и Федоровским оврагом на сырт выбрались, дорогу перебежали и еле живы пошли на Бурановский. У самих сердце-то так и ёкает: что-то теперь будет и удастся ли Андрюшке задуманное. Дым высоко поднялся, большущий, шум да рев издалика доносятся...

Вернулись мы на работу удачно, в срок. Сидим каждый в своей шахте тихо, как мыши, — знать ничего не знаем... А тут только и разговору, что о пожаре на ферме. Загорелся, мол, амбар, да быстро потушили... После работы

---

¹ Зарод — стог.

пошли мы с Костькой вместе домой. А дома нас встречают: «Как, вы ничего не знаете?» — «Что такое?» — спрашиваем. «Как же, на деревне-то Андрюшка Шаврин объявился, поджег амбар да зарод сена. Когда все побежали туда, он кинулся в дом с топором — страшный, глаза, как у волка, горят. Бабы, что за Настей смотрели, бежать. Андрюшка-то знал, где Настя сидит, дверь мигом высадил, схватил Настю за руку, и побежали они через сад, а потом за Верхоторскую контору — и в степь. Тут их было нагнали. В степи-то куда скроешься? Вот уж совсем их настигли, но они до первых вывозов старого рудника добежали и как сквозь землю провалились. Пока за штейгером в контору побежали, да за свечками, да за огнем, Андрюшки с Настей и след простыл. Искали их, искали, по всему логу шарили: знают, Афанасьев приедет — беда будет, но так и не нашли. А тут и Афанасьев вернулся. Потемнел он, когда приказчик доложил ему о пожаре да о побеге. Собрал народу многое множество и кинулся сам по логу искать, а оттуда на Среднюю Каргалку уехал. Ездил, ездил и вернулся ни с чем...

Обрадовались мы с Костей: вышло у Андрея все как по писаному. День выждали — все спокойно. На второй уж уговорились ночью к Андрюшке пробраться, как вдруг зовут нас в контору. Собрали в конторе всех, кто с Андрюшкой дружил, его да Настину семьи пригнали и допытывают, кто ему помогал да кто знает, где он укрывается... Никто ничего не знает, и мы с Костей молчим. Сильно нас подозревали, кричали, Сибирью грозили, да ведь не пойман — не вор, ничего не поделаешь... Все же посадили нас в холодную и три дня в ней продержали, и все без толку; уперлись мы: ничего, мол, не знаем, спросите у кого хотите — работали мы в шахте, каждый вечер дома были. Отпустили нас. Мы еще две ночи выждали — хотели увериться; что не следят за нами, и пошли в Ордынский лог знакомой дорогой, прямо в Андрюшкину подземную горницу. Смотрим — никого, припасов и платья нет; только бадейка и тулуп оставлены. А на камне письмо нам с Костей лежит: прощайте, други, век мы с Настей будем вас помнить; уезжаем далеко, не придется уже свидеться.

И с тех пор ни об Андрюшке, ни о Насте никто ничего не слышал. И сколько Афанасьев ни рыскал по степи, куда соглядатаев своих ни запускал, ничего не добился. Года полтора прошло, и крепостному праву наступил конец.

Стал я ждать от Андрюшки писем, но так и не дождался. Потом, позднее, спросил у Рикарда, не знает ли он чего про Андрея. Тот долго отнекивался и только года через три сказал, что это он Андрею помог. Случилось так, что как раз ихний ревизор в то время в Самару должен был ехать. Спрятал он беглецов в своем экипаже — большой такой рыдван, кони хорошие, — и к рассвету Андрей с Настей уж далеко от нашей степи были. До самой Самары довез их ревизор, снабдил деньгами и письмом, рассказал, как дальше быть. Волга — всем беглецам помога. Уехали они в Астрахань. А что дальше случилось с обоими, не знаю; знаю только, что от нашей неволи они ушли...

Вот, собственно, и все, что я могу рассказать о приключении, которое с неизгладимой силой врезалось мне в память. На следующий год я приехал на рудники позднее обычного. В поселке Горном я узнал, что штейгер Поленов умер в начале лета. «Все вас поджидал, да вот не дождался», — говорили мне знакомые из поселка.

Лет пять спустя на большом совещании по цветным металлам в Москве я обратил внимание на высокого, хорошо одетого инженера, выступавшего с критикой организации горных работ одного большого рудного района в Сибири. Я пришел в восхищение от умного и дельного доклада и спросил одного из сибиряков, кто это такой. «Это Шаврин, — отвечал инженер. — Очень дельный работник и потомственный горняк...» Я стал искать встречи с Шавриным, но оказалось, что он на следующий день уехал в Сибирь...

ВСТРЕЧА НАД ТУСКАРОРОЙ

Немало лет тому назад я плывал старпомом на довольно большом пароходе «Коминтерн» — в пять тысяч тонн, добротной английской постройки. Ходили между Владивостоком и Камчаткой, изредка на юг — в Шанхай, или поближе — в Гензан и Хакодате.

В июле 1926 года мы шли очередным рейсом в Петропавловск, с заходом в Хакодате, — следовательно, через Цугарский пролив. Вышли из Хакодате к вечеру, а через сутки привалил бешеный шторм — настоящий тайфун от зюйд-веста. Поднялось такое волнение, что когда мы проходили траверз Немуро, волны стали закрывать судно. Мы имели ценный груз на палубе, а кроме того, разные хрупкие машины в трюме. Наш капитан Бегунов, очень славный, хотя и суровый старик, после короткого совещания со мной на мостике решил повернуть полнее бакштага, почти на фордевинд. Судно сразу перестало брать на себя воду и, невзирая на адскую волну, пошло спокойшее. Пришлось мне проложить новый курс вместо обычного: я оставил остров Сикотан к норду и пошел восточнее Курильских островов...

Штормом колотило нас всю ночь, и только на следующее утро стало стихать. Но ветер был очень свеж до са-

мого вечера. К ночи же совсем стихло, и я рано завалился спать, так как устал за последние сутки отчаянно.

Ночь выдалась совершенно необычная в этих местах — безветрие, полный штиль, — ясная и безлунная. Я спал очень крепко, но, по прочно укоренившейся привычке, проснулся со звоном склянок. Хоть я и не сосчитал ударов, но знал, что до моей вахты полчаса. И действительно, почти сейчас же явился буфетчик с огромной кружкой горячего какао. Эту привычку я всем могу посоветовать — перед вахтой выпить горячего какао, тогда холод и сырость не страшны и ко сну сразу же перестает клонить. Я вскочил, быстро оделся, выпил какао и, закурив трубку, снова растянулся на койке. Как хороши эти десять — пятнадцать минут перед выходом на ночную вахту, в холод, мрак, сырость и туман!

Затягиваясь душистым, крепким табаком, я вслушивался в неравномерный всплеск волн и четкую работу машины. Ее мощный шум и легкое сотрясение всего огромного корпуса судна действовали успокоительно, вроде тихой музыкальной мелодии. В каюте было тепло, яркий свет лампы падал на столик с лежавшей на нем интересной книгой — наслаждение, которое я предвкушал после вахты. Я с удовольствием осмотрел свою каюту — крошечный «особняк», несущийся на двадцатифутовой высоте над страшной зеленой глубиной Тихого океана, и подумал, что профессия моряка увлекла меня прежде всего тем, что она оставляла мне много времени на размышления, к которым я всегда был склонен.

Мои мысли были прерваны стуком в дверь. Дверь распахнулась, и на пороге появилась массивная фигура капитана.

— Что вы бродите в такую рань, Семен Митрофанович? — спросил я, садясь и поворачивая к нему тяжелое кресло. — Еще, наверно, не рассвело.

— Ну, как не рассвело! Скоро огни гасить можно... Эх, и погода же редкостная!..

— Вот в такую-то погоду только и спать, — сказал я. — Ну, я-то, конечно, страдалец — мне на вахту, — а вы что?

— Эх, молодежь! Вам бы только понежиться! — добродушно отвечал капитан. — А мне, старику, много спать не нужно. Я уже палубу обошел, убытки от шторма посчитал... Кстати, Евгений Николаевич, вы ортодромию ва

шу днем проверьте, чтобы не только по счислению было, — добавил он, в то время как я обматывал шею шарфом и натягивал пальто.

— Обязательно, Семен Митрофанович, трасса у нас новая, — ответил я капитану и чиркнул спичку, закуривая трубку.

Резкий толчок и последовавший за ним глухой удар потрясли корпус судна. Почти одновременно раздался грохот где-то в кормовой части, и шум машины прервался. Несколько секунд мы с капитаном молча глядели друг на друга, прислушиваясь. Вот машина возобновила работу — и снова тот же грохот, сменившийся тишиной. Горящая спичка, которую я продолжал держать в руке, обожгла палец, и я, опередив капитана, кинулся из каюты...

Все, кто много плавал, поймут мои чувства в те минуты, зная, с каким невольным страхом воспринимается остановка машины в открытом море. Мощное сердце корабля своим биением сообщает ему жизнь и силу для борьбы со стихией. Но вот оно остановилось, и корабль мертв, теперь он игрушка неверного океана...

Повернув к трапу, я поскользнулся и тут только заметил, что судно имеет крен на левый борт. В этот момент меня догнал капитан. Прерывистое дыхание выдавало его волнение, но поседевший на море старик не произнес ни слова.

На палубе было темно. Едва обозначившийся рассвет отмечал только общие контуры судна. Дверь штурманской рубки была раскрыта, и из нее падала полоса света. С мостика слышался встревоженный голос третьего помощника:

— Беда, Семен Митрофанович! Налетели на риф... винт, кажется, разбит, руль заклинило...

Капитан сердито крикнул:

— Какой, к черту, риф?! Здесь глубочайшая пучина океана!

«Ну конечно, Тускарорская впадина», — немного успокаиваясь, сообразил я.

Капитан поднялся на мостик. Мое место было на палубе.

— Боцман, подвахтенных наверх, приготовить лот! — приказал я.

Напрягая зрение, я видел, как капитан склонился к

переговорной трубе. «Говорит с механиком», — подумал я. Слабо зазвенел телеграф. Снова послышался грохот под кормой. Звонек телеграфа совпал с прекращением работы машины.

— Евгений Николаевич, давайте лотом по правому борту, — донесся голос капитана.

Я отдал команду. Боцман откликнулся из темноты:

— Нет дна!

— Ближе к носу у крамбола! — скомандовал капитан.

— Две марки и две! — отозвался боцман.

— Четырнадцать футов? Что за черт! — воскликнул я.

По левому борту глубина оказалась от двенадцати до восемнадцати футов, за кормой — двадцать футов.

Рассветало. Я перегнулся через борт, стараясь что-нибудь рассмотреть в темной воде, плескавшейся внизу. Было то тяжелое и медлительное дыхание моря, которое зовется мертвой зыбью. С удивлением я воспринял мерное покачивание парохода на крупной и длинной волне. Это покачивание не сопровождалось ударами, что было бы неизбежно при посадке на риф. Капитан позвал меня на мостик. Перегнувшись через перила, он упорно всматривался в волны с левого борта. Вспыхнул прожектор. Серая мгла рассветных сумерек отошла дальше от корабля. Я заметил, что под левым бортом корабля волны были меньше, чем кругом, — короткие и плоские.

— Евгений Николаевич, дайте скорее место судна по счислению!

— Есть, Семен Митрофанович! — ответил я и направился в штурманскую рубку.

— Шлюпку спустить! — послышался голос капитана. — Петя (так звали третьего помощника), вы с лотом в шлюпке.

Мое уважение к капитану, без лишней суеты выяснявшему аварии, еще более возросло. «Молодец старик!» — думал я, накладывая транспортир на карту, и услышал шаги капитана за спиной.

— Ну что? — спокойно спросил он, едва взглянув на карту, где наколотая точка легла вдали от Курильских островов, над страшными глубинами Тускароры.

Внезапная догадка молнией пронеслась в моем мозгу.

— Я, кажется, понял, Семен Митрофанович, — проговорил я.

— Что поняли?

— На судно затонувшее налетели.

— Так оно и есть, — подтвердил капитан. — Шансов один на миллион, а вот повезло же нам, нечего сказать... Ну, как там промеры?

Мы вышли на мостик.

Шлюпка уже пристала к левому борту. Как мы и ожидали, даже в небольшом удалении от корабля дна не было.

Наступило ясное утро. Из трюмов вернулись ревизор и боцман, доложившие, что течи нет. В это время к нам поднялся начальник водолазной спасательной партии, которую мы везли для снятия с мели японского судна «Америкамару», — опытный морской инженер.

Он обошел судно, потом поднялся на мостик.

— Начнем, командир? — спросил инженер.

— Ладно, давайте скорей, — согласился капитан.

— Везли вас японца спасать, да и сами в спасаемых очутились.

Два водолаза, широкие, как комоды, — по-видимому, огромной силы люди — приступили к сборам. Я сам несколько раз совершал короткие спуски под воду, но еще ни разу не видел работы водолазов в открытом море и с интересом наблюдал за ними.

Промерами на шлюпке была установлена приближительная ширина потонувшего судна. С левого борта укрепили выстрел, с которого сбросили узкий трап. Водолаз вооружился длинным шестом и начал спуск прямо в волны, время от времени упираясь шестом в борт парохода и раскачиваясь на трапе. Вдруг он отпустил лестницу и сразу скрылся под водой, оставив на поверхности тысячи воздушных пузырьков.

Начальник водолазной партии стоял на борту у телефона. Он помахивал нам с капитаном рукой, подзывая к себе.

Мне показалось, что в лучах поднявшегося над горизонтом солнца под кораблем смутно очерчивается какая-то темная масса.

— Пройдите назад! — закричал в телефон инженер. — Да... Ну, проползите!.. А дальше? Хорошо...

— Что хорошо-то? — не утерпел капитан.

Но инженер ничего не ответил. Прошло, как мне показалось, много минут напряженного ожидания. Мембраны телефона время от времени глухо гудели.

— Попробуйте проникнуть в кормовое помещение или в трюм,— сказал инженер и передал телефон второму водолазу.— Ну, вот что, командир,— сказал он, поворачиваясь к капитану, чудеса, да и только! Навстречу нам под водой шел какой-то затонувший корабль. Мы с размаху налетели на него. Наш «Коминтерн», оказывается, отличается очень острыми обводами — он и вошел в корпус погибшего судна, как топор в бревно, и, видимо, крепко завяз. Потонувший корабль — очень старый деревянный большой парусник. Мачты обломаны, конечно. Форштевень «Коминтерна» сидит в кормовом помещении парусника, а винт и руль находятся как раз над обломком бушприта. Они, слава богу, целы. Когда пробовали провертывать машину, винт бьет о бушприт. Крепок же этот старинный парусник — вот что удивления достойно!

— Объясните-ка мне, товарищ инженер,— спросил капитан,— как мог потонувший корабль столько времени плавать, да еще под водой, на манер подводной лодки?

— Очень просто: судно-то деревянное, да, наверно, и груз у него легкий. Я послал водолаза в трюм посмотреть, что там. А под воду это вы его своим пароходом загнали — он, наверно, чуть-чуть над водой высовывался... Да, конечно, пусть поднимется,— прервал свои объяснения инженер, обращаясь к водолазу у телефона.

Собравшаяся у борта команда, да и мы с капитаном смотрели на поднимавшегося водолаза, как на вестника из неизвестной страны. Этот человек смело опустился в воду посреди океана и глубоко под пароходом ходил по погибшему кораблю, много лет носившемуся в морских просторах. Веселые, слегка озорные глаза снявшего скафандр водолаза ничем не выдавали утомления, которое он, несомненно, должен был испытывать. На совещании в штурманской рубке водолаз начертил примерный корпус потонувшего корабля, удививший нас своими старинными очертаниями. Зная, что я интересовался всегда историей флота и особенно парусных кораблей, капитан спросил меня, не могу ли я определить класс и возраст судна. По грубым контурам, набросанным водолазом, разумеется, было очень трудно решить что-нибудь. Во всяком случае, это был трехмачтовый корабль весьма больших размеров, с широким корпусом и приподнятой кормой. Я решил, что ему не менее ста лет со времени постройки

ки. Водолаз сообщил, что корпус корабля построен из очень плотного дерева. Трюм, по-видимому, забит доверху легкими пластинами пробки.

Немного подумав, инженер решил попробовать подорвать правый борт парусника, с тем чтобы плавучий груз вывалился. Тогда тяжелый, пропитанный водой деревянный корпус корабля пойдет ко дну собственным весом, и мы освободимся.

— Ну что же, давайте освобождайте, ради всего святого! — воскликнул капитан.

Инженер снова задумался.

— Какие еще затруднения? — с тревогой спросил капитан.

— Дело в том, что для этой работы нужно два человека — будет скорее и, главное, безопаснее. Если через трюм не проникнуть к борту, то придется снаружи долбить, а с течением очень тяжело справляться. Еще счастье, что так необыкновенно тихо, а то совсем плохо было бы.

— Но ведь у вас два водолаза, — сказал я.

— Водолазов-то два, но один должен быть наверху, у насоса, — ведь часть наших специалистов вперед на «Лозовском» уехала. Вот и думаю, как быть...

Тут я вспомнил о своем небольшом водолазном опыте и подумал: «А что, если мне спуститься?» Конечно, страшновато было спускаться в открытом море, но я был уверен, что как вспомогательная сила пригожусь. Я предложил инженеру свои услуги в качестве второго водолаза и в ответ на его недоверчивую улыбку рассказал о своих возможностях.

— Ну, уж пусть сам водолаз решит, берет он вас в помощники или нет, — сказал инженер.

Водолаз оглядел меня оценивающим взглядом и задал несколько вопросов о работе в скафандре. Мои ответы как будто удовлетворили его, и он согласился иметь меня помощником, предупредив, что если меня как следует долбанет о корпус, чтобы я обижался только на самого себя.

Я выслушал внимательно все наставления, думая в то же время, что если «долбанет о корпус», то вряд ли я вспомню советы водолаза...

Команда отнеслась к моему погружению с дружеским и веселым энтузиазмом, и пока одевали меня в скафандр,

я успел наслушаться немало острых словечек, на которые моряки мастера.

Наконец все приготовления были закончены. Надетый шлем как-то сразу отделил меня от привычного мира. Водолаз уже скрылся под кораблем, когда я, не особенно ловко передвигая пудовые ноги, стал спускаться по трапу. Все мое внимание было поглощено качавшейся под мною темно-зеленой поверхностью воды. Я должен был одновременно надавить затылком на выпускной клапан, вытравить побольше воздуха и поднырнуть под волну в момент ее отдачи назад. Я удачно проделал это, и через несколько секунд густой сумрак окутал окошечко шлема. Вода действительно сильно била меня с левой стороны, и только напрягая все силы, я удержался на чем-то наклонно поднимавшемся вверх справа от меня и смог оглядеться. Яркое светившее над морем солнце давало достаточно света. Сначала я различал только общие контуры потонувшего корабля, пересеченные косою черной тенью, падавшей от борта «Коминтерна». Затем я увидел квадратный выступ — остаток какой-то палубной постройки, а за ней — толстый обрубок, как я понял потом — обломок мачты, прислонившись к которому стоял водолаз. Я немедленно добрался до него и направился следом за ним к борту парусника. Это был трудный спуск по скользкой, покрытой водорослями, раковинами и слизью наклонной поверхности. Но вода, давя навстречу, хорошо поддерживала нас. Как мы условились еще наверху, мы решили проникнуть в трюм через разбитое кормовое помещение.

Борт погибшего судна обозначался четкой линией, за которой прекращалось отражение слабого света, падавшего сверху. Дальше была темнота — обрыв в чудовищную пучину абсолютно черной воды, и я внутренне содрогнулся, представив себе, что борт судна висит над восьмикилометровой глубиной...

Вместе с колыханием волн по палубе потонувшего судна бежали пятна солнечного света. Следя за тусклыми и зеленоватыми бликами солнца, я старался воссоздать облик корабля. Тренированная на очертаниях старых парусников память помогла мне в этом. Сквозь толщу наросших раковин и извивающиеся хвосты водорослей я скорее угадал, чем увидел трехмачтовый корабль с широким корпусом, весьма массивной постройки. Низкий и ту-

пой нос, высокая корма говорили о XVIII столетии. По очень толстому обломку бушприта угадывалась его значительная длина, что было также типично для судов XVIII века. В общем, корпус сохранился великолепно, даже крышка трюмного люка была налицо. Немного впереди грот-мачты начиналась большая вмятина. Продавленная килем нашего судна палуба просела, карленсы перекошились, торчали переломанные бимсы, придавая этой части судна вид мрачного разрушения, усиленного глубокой чернотой, царившей в проломах и щелях.

Я застыл в недоумении перед хаосом изломанных балок и досок, но мой спутник включил сильный электрический фонарь и сразу же повернул налево. Здесь, действительно, как я и предполагал «теоретически», чернел правый коридор юта, уцелевший от разрушения при столкновении судов. Я тоже включил свой фонарь, и плечом к плечу с водолазом мы вошли в густой мрак, осторожно нащупывая ногами доски палубного настила. Направо от нас чуть серел свет, проходивший, как я догадался, в задние кормовые окна, или, вернее, в то, что от них уцелело. Несомненно, люки в трюм, если они и были, остались позади нас, наверно несколько правее, и мы миновали их, проникнув глубоко внутрь кормы. Подталкиваемый жгучим любопытством, я быстро сообразил, что свет должен проходить через кают-компанию, а напротив нее, по обыкновению, должна быть каюта капитана. На правой от меня стенке, где сейчас колыхалось чуть заметное серое пятно света, должен быть вход в каюту, которая, возможно, хранит тайну этого корабля. Я решительно двинулся направо. Красноватый в воде свет электрического фонаря скользил по черно-бурой стене без признаков каких-либо отверстий. Я положил на стену руку в резиновой перчатке и, ведя ее по ослизлым доскам, вскоре нащупал ребро дверной рамы.

«По-видимому, дверь здесь», — догадался я и начал толкать стену плечом. Но она не поддавалась. Я ударил по стене ломом, который на четвертом ударе пробил дерево и чуть было не выскользнул из моих рук, подавшись в пустоту — вернее, в воду за дверью. Еще и еще нажимал я на дверь, когда за моей спиной расплылся световой круг фонаря водолаза. Он приблизил свой шлем к моему, и я увидел в полутьме его удивленное и встревоженное лицо. Я указал ему на дверь. Он согласно кивнул.

В это самое время до моего сознания дошел голос инженера, настойчиво повторявший: «Товарищ старпом, что с вами, почему не отвечаете?» Я коротко сообщил, что пробрался в кормовое помещение, все в порядке, сейчас будем пробираться в трюм. Голос в телефоне успокоенно замолк, и я снова обратился всеми помыслами к двери в капитанскую каюту. В том, что за этой дверью была именно каюта капитана, я был безотчетно и совершенно уверен.

Водолаз провел рукой по краю дверной ниши и всунул свой ломик между дверью и дверной коробкой. «Чёрт возьми! Наверно, дверь открывается наружу», — осенило меня, и я присоединил свои усилия к медвежьей силе водолаза. Не прошло и двух минут, как мы стояли в непроглядной тьме того помещения, которое когда-то служило капитану. Наши фонари не давали много света, помещение было большое, и я так и не мог себе представить точный вид капитанской каюты. Пол под нами был ровен и скользок. Какие-то куски дерева — должно быть, остатки мебели — постоянно попадались нам. Носок моего тяжелого ботинка стукнулся обо что-то. Свет фонаря вырвал из темноты угол квадратного ящика, лежавшего на боку у левой стены каюты.

— Ага! — обрадованно вскричал я.

И сейчас же совсем из другого мира возник голос инженера:

— Что — «ага»?

— Ничего, все в порядке, — поспешил ответить я и нагнулся за ящиком.

Он был не тяжел, но мне, и без того обремененному инструментами и уставшему от непривычной работы, было очень трудно нести эту дополнительную ношу.

Водолаз тем временем обошел каюту по правой стороне и тоже нашел два небольших ящика, которые нес, зажав под мышкой. Он удовлетворенно кивнул, увидев мою находку. Не найдя больше в каюте ничего примечательного, мы приступили к «совещанию». Переговорив через верхние телефоны, то есть через судно, мы вынесли наши находки на палубу и положили в укромное место. Затем снова вернулись в коридор и как-то очень быстро разыскали проход в трюм.

О дальнейшем я вряд ли сумею рассказать сколько-нибудь связно и подробно. Это был тяжелый труд в бесконечной черноте узких, загроможденных проходов. Нако-

нец мы с водолазом выполнили нашу задачу и заложили несколько зарядов на участке днища и правого борта судна. Когда все кончилось и соединения проводов были проверены, я почувствовал, что измотался окончательно, и без сил прислонился к массивному пиллерсу где-то в трюме близ кормы. Водолаз понимал мое состояние и дал мне немного отдышаться. Поднимаясь снова на палубу, что оказалось совсем не легким делом, я тупо обрадовался тусклому мерцанию солнечного света и в последний раз обвел взглядом необыкновенную картину палубы потонувшего судна — резко очерченную в мутном свете правую скулу корабля и торчащий обломок бушприта.

Я подал сигнал «поднимайте». Нарастающая масса света хлынула на меня, волны снова грозили ударами, блеск поверхности моря был неожидан и радостен... Пока ловкие руки снимали с меня шлем и освобождали от тяжести скафандра, был поднят и мой спутник.

Устало опустившись на кнехт, я с восхищением смотрел на водолаза, казалось несколько не потерявшего своей задорной бодрости и после второго спуска.

— Ну, молодец ваш старпом, — обратился водолаз к капитану, — справился что надо! Мы с ним — вернее, он — еще исследовательский поход проделали и в командирской каюте что-то нашарили. — И он кивнул в сторону нашей добычи, уже поднятой на палубу.

— С этим потом, — сказал инженер, — сейчас палить будем.

Глаза всех собравшихся на палубе людей в напряженном ожидании были прикованы к маленькому коричневому ящику индуктора, перед которым на коленях стоял инженер, закручивая рукоятку. Вращение рукоятки все убыстрялось, маленькая машинка мелодично жужжала. Все слушали, затаив дыхание. Было очень тихо, только плеск волн доносился из-за высокого борта. Достаточно было едва уловимого движения тонких пальцев инженера на кнопке замыкателя, как глухой гул подводного взрыва ударил по нервам. «Коминтерн» покачнулся, его железный корпус загудел, как гигантский рояль. С левого борта плеснула высокая волна. В откатившейся массе воды замелькали куски темного дерева, еще через несколько секунд поверхность воды покрылась массой почерневших пластин пробки — это всплыл на поверхность груз из трюма корабля. Все моряки, от капитана до кока, с оди-

наковым жадным вниманием ждали, что будет дальше. Послышался сильный, но приглушенный скрип, за скрипом последовал легкий толчок, как бы поддавший паролход снизу. Мы продолжали ждать, но больше ничего не было слышно, только по-прежнему плескали волны и глухо стучали в борт обломки, всплывшие после взрыва.

Общее молчание нарушил спокойный голос инженера:

— Ну что же, командир, давайте ход.

— Как, разве уже все? — встрепенулся капитан.

— Ну конечно!

Капитан кинулся на мостик, зазвенел телеграф, и внезапно возникший шум машин не сопровождался уже более жутким грохотом. Корабль ожил и двинулся. Под носом зашумели волны. Когда «Коминтерн» повернул, лоджась на курс, все мы дружно крикнули:

— Инженеру — ура!..

— По местам! — послышалась команда капитана, против обыкновения закурившего на мостике, и палуба опустела.

Я с неохотой поднялся с кнехта, подошел к водолазу, своему товарищу по подводным приключениям, и крепко пожал ему руку. Потом я заглянул через борт назад, где в отдалении колыхались на волнах обломки, вырванные взрывом из парусного судна, и с неприятным чувством какого-то совершенного мной убийства представил себе, что судно, так долго странствовавшее после своей гибели, сопротивляясь времени и океану, сейчас медленно погружается в глубочайшую пучину... Ощущение сильного нервного подъема, владевшее мною все время, ослабло, а затем и совсем исчезло. Вместо него телом и мозгом завладела неодолимая усталость. Я сказал матросу, чтобы он отнес наши находки в штурманскую рубку, а сам поплелся на мостик.

Капитан увидел меня и протянул мне обе руки:

— Ну и молодец вы, Евгений Николаевич, ну и молодец! Спасибо вам. Баночку первосортного рома разопьем вечером с главным спасителем нашим. — Жест в сторону инженера. — А вы идите-ка отдохните — вижу, как устали!..

Я быстро спустился с мостика и, ополоснувшись под душем, отправился в свою каюту. Бросившись в постель, я еще некоторое время видел то мутный подводный свет, то колыханье солнечных бликов, то черноту трюма...

Каюта равномерно подрагивала от движения машины, пароход спокойно шел своим курсом. Все происшедшее отодвинулось в небытие... Через минуту я уже крепко спал.

Был вечер, когда я проснулся с ощущением чего-то необычного, что ждет меня, и сразу вспомнил о своих находках. Одевшись и наскоро поев, я сразу же направился к капитану, где встретил оживленное общество, подогретое первоклассным ромом, до которого я и сам большой охотник. Как только я пришел, капитан распорядился расстелить на ковре брезент, и мы приступили к вскрытию найденных ящиков. Большой ящик, не поддававшийся долоту — он был сделан из крепкого дерева, — раскрылся только после нескольких добрых ударов топором. По каюте разнесся странный, острый запах. К нашему разочарованию, в ящике мы обнаружили только кашу с лоскутами кожи — все, что осталось от судового журнала. Капитан, инженер и механик невольно рассмеялись, увидев, как вытянулись наши физиономии — моя и водолаза. Мы вскрыли один из двух маленьких ящиков, найденных водолазом. В нем оказался старинный бронзовый секстант. Оттерев слой зелени с одной стороны, я смог прочесть латинскую надпись. Смысл ее был в том, что секстант «сделал механик Даниэль...» — фамилию забыл, — «в Глазго, 1784 года». Эти данные, по существу, ничего не значили, так как английские инструменты могли находиться на любом судне, а пользоваться ими могли много лет, при необыкновенной прочности старинных английских приборов.

Однако третий ящик принес нам радость, хорошо знакомую всякому добившемуся желанной цели. Ветхий наружный футляр из дерева при первой же попытке его открыть легко распался в наших руках, обнажив тусклую заблестевшую в ярком электрическом свете оловянную банку, покрытую крупными каплями воды. Банка была закрыта надвигавшейся сверху толстой крышкой, очень туго забитой. Крышку снять было невозможно, и мы срезали ее по верхней кромке принесенной механиком ножовкой. Под ней оказалась вторая крышка, плоская, завинчивающаяся, с кольцом посередине. Мы отвинтили ее сравнительно легко и с торжеством извлекли из банки, внутренность которой только отсырела, но не содержала ни капли воды, свернутую трубой пачку бумаг.

Второй раз в этот день раздалось дружное «ура».

Небрежно свернутая, слегка измятая пачка плотной бумаги, серой и очень легко рвавшейся, сделалась центром внимания в круге склоненных над нею голов. Какое-то химические процессы или сырость в банке уничтожили все написанное на верхней и нижней частях каждого листа. Точно так же очень сильно пострадали листы, составлявшие наружную часть свертка. Уцелели только немногие страницы, составлявшие среднюю часть пачки листов, а также отдельный, сложенный четверо лист светло-желтой плотной бумаги, вложенный в пачку. Этот лист и дал нам ключ к пониманию всего происшедшего.

Крупные, неровные буквы покрывали немного вкось четыре желтые странички. Старинный английский язык несколько затруднял чтение. Написанное разбирали мы с инженером, остальные помогали в затруднительных случаях. На отдельном листе было написано примерно следующее:

«12 марта 1793 года, 6 часов пополудни, широта $38^{\circ}20'$ южная, долгота $28^{\circ}45'$ восточная, по утреннему счислению. Воля Всевышнего Творца да будет надо мной. Примите же, неизвестные люди, мой последний привет и прочтите важные сообщения, мною прилагаемые к сему. Я, Эфраим Джессельтон, владелец и капитан прекрасного корабля «Святая Анна», считаю свои последние минуты в этом мире и тороплюсь сообщить обстоятельства своей гибели.

Я вышел из Капштадта рано утром 10 марта, имея направление на Бомбей, с заходом в Занзибар. Днем миновал мыс Бурь, за которым был встречен необычайно большим волнением, очень сильно бросавшим корабль. К ночи от северо-востока налетел сильный ураган, заставивший дрейфовать, склоняясь к зюйду, под передними топовыми парусами. Весь следующий день «Святая Анна» лежала в дрейфе, борясь с нарастающей силой урагана. К утру буря еще усилилась, достигнув невиданной, необразимой силы. Я потерял одну за другой все мачты. Мужество экипажа не раз спасало корабль от верной гибели. Но посланная нам судьбой чаша страданий не была исчерпана. Ряд исполинских волн беспощадно обрушился на корабль, который, как и его команда, изнемог в дикой борьбе. Течь в носу и на палубе лишила «Святую Анну» остойчивости, и в 5 часов пополудни корабль ныр-

нул носом, затем лег набок и стал погружаться. В момент этой последней, непоправимой катастрофы я находился в своей каюте. Только что я вошел и старался достать...» Дальше следовал очень неразборчивый кусок записи, затем снова можно было прочесть: «...страшный треск и крен корабля, вопли и богохульные ругательства пересилили неистовый рев бури и грохот волн. Я упал и сильно разбил себе голову, потом откатился на внутреннюю стену каюты, поднялся и сделал попытку выбраться через дверь, очутившуюся теперь наверху, посередине стены. Но толстая дверь была, по-видимому, чем-то завалена и не поддавалась моим усилиям. Задыхаясь, весь в поту, я упал на пол в полном изнеможении, безразличный к близкой смерти. Немного оправившись, я снова попытался выломать дверь, ударяя в нее креслом, потом ножкой стола, но лишь изломал мебель, даже не повредив двери. Я стучал и кричал до полной потери сил, но никто не пришел мне на помощь, и я уверился в гибели своих людей и стал ждать своей кончины. Прошло много времени, однако вода прибывала в каюту очень медленно: за час ее набралось не более фута. Потрясенный катастрофой до глубины души, я не сразу сообразил, что очень легкий груз моего корабля — мы везли пробку из Португалии — и прославленная крепость корпуса «Святой Анны» не дадут кораблю сразу пойти ко дну. Таким образом, я имею некоторое время для того, чтобы вспомнить, прежде чем погибнуть, о своих открытиях. Я хочу попытаться передать их людям, так как, по беспечности и неутолимой жажде пополнить их, не успел этого сделать ранее.

Необработанные записи моих исследований морских пучин между Австралией и Африкой хранятся в особой банке. Сюда же я вкладываю и эту свою последнюю запись в надежде, что остатки моего корабля, несомы на поверхности океана, будут или прибиты к берегу, или осмотрены кем-нибудь в море: я знаю, что ценности и документы корабля всегда ищут в каюте капитана... Масло уцелевшего каким-то чудом фонаря догорает, в каюте уже три фута воды. Сатанинский рев урагана и качка не ослабевают. Я слышу, как огромные волны прокатываются сверху по корпусу «Святой Анны». Вот оно — крушение всех моих замыслов и жалкая гибель взаперти, внутри уже мертвого корабля. Но как ни слаб, как ни ничтожен человек, луч надежды озаряет меня. И если я не спасусь

сам, то, быть может, моя рукопись будет прочитана и дело мое не пропадет..

Больше медлить нельзя. Вода прибывает все быстрее и скоро залет шкаф, на котором я пишу стоя и держу банку с записями. Прощайте, неизвестные друзья! И не берегите моей тайны, как сделал это я, жалкий безумец. Поведайте о ней миру. Да свершится воля Господа. Аминь».

Инженер закончил последние слова перевода, и все мы долго молчали, подавленные этим простым рассказом об ужасной катастрофе и мужестве давно погибшего человека.

Первым нарушил молчание механик:

— Представляете себе, как он писал это при тусклом свете старинного фонаря, запертый в погибающем корабле. Твердые люди были в старину...

— Ну, такие, положим, есть и сейчас, — перебил капитан. — Давайте-ка высчитаем: он писал в тысяча семьсот девяносто третьем — это значит, что корабль плывал до встречи с нами сто тридцать три года!

— Меня другое удивляет, — сказал инженер, — посмотрите широту и долготу катастрофы. Она произошла где-то у Южной Африки, а мы столкнулись со «Святой Анной» у Курильских островов...

— Ну, этому легко найти объяснение, — ответил капитан и достал большую карту морских течений. — Вот, смотрите сами. — Толстый палец капитана скользнул по синим, черным и красным полосам на голубом фоне морей. — Вот очень мощное течение южных широт. Безусловно, катастрофа произошла в его пределах, к зюйд-осту от Капа. Оно идет на восток, почти до западных берегов Южной Америки, где заворачивает к северу. Тут оно смыкается с очень сильным южным экваториальным течением, идущим на запад, почти до Филиппинских островов. А вот тут, против Минданао, сложный круговорот, поскольку тут еще разные противотечения. Отдельные течения идут отсюда на север и попадают в Куро-Сиво. Вот уже и ясен путь этого плавучего гроба...

Сидевший около меня водолаз взволнованно обратился к инженеру:

— Товарищ начальник, значит, он так и погиб в своей каюте?

— Ну конечно.

— А как же мы с товарищем старпомом его костей не нашли?

— Что же тут удивительного? — сказал инженер. — Разве вы не знаете, что кости в морской воде со временем растворяются? А сто тридцать три года — срок достаточный для этого...

— Злое море! — произнес ревизор. — Доконало моряка, да и костей не оставило.

— Почему злое? — возразил я. — Наоборот, приняло в себя еще лучше, чем земля. Разве это плохо — раствориться в необъятном океане, от Австралии до Сахалина?..

— Вы только послушайте его! — попробовал пошутить капитан. — Пойдешь и сам утопишься.

Но никто не улыбнулся его шутке. В сосредоточенном молчании мы обратились к уцелевшим листам рукописи.

Почерк был тот же, но более мелкий и ровный. Должно быть, эта рукопись была написана в спокойные минуты раздумья, а не в лапах надвигающейся смерти. К общему разочарованию, оказалось невозможным прочитать даже те страницы, которые не были полностью испорчены сыростью. Чернила побледнели и расплылись. Разбирать чужой язык, да еще с незнакомыми старинными оборотами речи и терминами, было для нас непосильным делом. Мы отделили те страницы, которые можно было прочесть. Их оказалось совсем мало, но, к счастью, они шли одна за другой. Сохранились они только потому, что находились в самой середине пачки. Таким образом, мы имели целый, хотя и незначительный кусок рукописи. Я до сих пор довольно точно помню его содержание.

«...Четвертый промер оказался самым трудным. Кранбалка трещала и гнулась. Все пятьдесят человек экипажа выбились из сил, работая у брашпиля. Я радовался прочности бимсов, да и вообще тому, что так много положил труда на постройку корабля исключительной прочности для долгих плаваний в бурных сороковых широтах. Четыре часа упорного труда — и над волнами показался бронзовый цилиндр: мое изобретение для взятия проб воды и других веществ со дна океана. Помощник быстро повернул кранбалку, и массивный цилиндр повис, качаясь, над палубой. Из-под затвора очень тонкой струйкой брызгала вода, выжимаемая огромным давлением. В этот момент боцман перекинул рычаг задержателя, но так неудачно, что задел матроса Линхэма, наклонившегося, что-

бы подобрать последнее кольцо перлиня. Удар пришелся по виску над ухом, и матрос упал как подкошенный. Кровь брызнула из раны. Его закотившиеся глаза и побелевшие, закусенные губы показывали, что ранение тяжелое. Линхэм упал прямо под водомерный цилиндр, и вода, стекавшая струйкой по цилиндру, потекла на рану. Когда мы подбежали и подняли матроса, кровь уже почему-то перестала течь. Не прошло и часа, как Линхэм, перенесенный в лазарет, очнулся. Он поправился необыкновенно быстро, хотя впоследствии и страдал головными болями, по-видимому от сотрясения мозга. Рана же закрылась и зарубцевалась уже на следующий день.

Вначале я не догадался сопоставить неслыханно быстрое заживление раны с тем, что на нее попала вода, добытая из глубины океана. Однако матросы немедленно сделали такой вывод, и по судну разнеслась молва о живой воде, добытой капитаном со дна океана...

Утром ко мне явился матрос Смит и попросил полечить чудесной водой гнойную язву у него на руке. Я намочил платок в добытой вчера пробе воды и отдал ему, а сам занялся изучением пробы. Ее удельный вес был довольно велик — тяжелее обычной морской воды. Цвет ее, налитой в прозрачный стакан, был необычаен — голубовато-серого оттенка. В остальном я не мог обнаружить ничего особенного, даже на вкус. Я налил всю пробу в бутылку, чтобы отвезти своему другу, ученому-химику в Эбердине. Окончив работу, я ощутил необычайный прилив сил, бодрости, какой-то особенной жизненной радости. Я приписал это действию выпитой мной глубинной воды и, по-видимому, не ошибся. Что касается язвы Смита, то через два дня она совершенно зажила. С тех пор на все время нашего пути до Англии я держал в каюте небольшой пузырек с чудесной водой и очень успешно лечил ею раны и даже желудочные заболевания.

Мы взяли эту пробу с самого глубокого места — из большой круглой впадины на дне океана, на $40^{\circ}22'$ южной широты и $39^{\circ}30'$ восточной долготы, с глубины 19 тысяч футов.

Это было моим вторым большим открытием в океанских глубинах. До этого я считал самым замечательным находку необычайно едких красных кристаллов на глубине семнадцати тысяч футов, к северо-западу от мыса Бурь...

Я мечтал о том, что сделаю еще два срочных рейса с грузом для денег — проклятых денег! — и после этого смогу исследовать глубины океана выше сороковой широты на юг от Капа, где капитан Этебридж обнаружил огромные впадины на большом протяжении. Я думаю, что найду в этих таинственных пучинах древние вещества, сохранившиеся в глубине, где нет ни течений, ни волн, и никогда не появлявшиеся на поверхности...

Как обрадовался бы моим открытиям великий Ланеруз, который рассказывал мне о своих догадках и, собственно, повернул мои размышления к глубинам южных широт! Но смерть рано унесла от нас этого гениального человека, я же считаю преждевременным сообщать миру о своих открытиях и не сделаю этого, пока не исследую пучин Этебриджа...»

На последней сохранившейся странице была подчеркнута дата «20 августа 1791 года», далее шли слова: «...в 100 милях к востоку от восточного берега Кафферской земли мы встретили голландский бриг, капитан которого сообщил, что шел из Ост-Индии в Капштадт, но вынужден был склониться к западу, уходя от урагана. Три дня назад он натолкнулся на место в море, покрытое высокими стоячими волнами, как будто бы вода была замкнута в огромном невидимом кольце. Эти волны начали так бросать его судно, что капитан испугался за целостность швов и обтяжку такелажа, и действительно, вскоре бриг дал течь. По счастью, это место было всего несколько миль в ширину, и бриг довольно быстро под свежим бакштагом миновал эту площадь стоячих волн. Мне было интересно узнать, что очень редкое и почти никому не известное явление наблюдалось этим далеким от всяких выдумок простым моряком. Я тоже видел это явление и догадался, что явление таких волн всегда на круглой площади обозначает...»

На этом кончалась страница, и с нею все записи, которые мы смогли разобрать...

Вернувшись из этого рейса с «Коминтерном» во Владивосток, я вскоре получил назначение на «Енисей» — новый пароход, купленный в Японии. Этот грузовик в девять тысяч тонн перегонялся в Ленинград, и я был назначен на него старпомом — в виде, так сказать, премии за активное участие в спасении «Коминтерна». Мне очень не хотелось расставаться с «Коминтерном», его капитаном и

командой, с которыми я свыкся за два года совместного плавания, но интерес нового большого рейса все же взял перевес над всеми другими соображениями. Я с болью в сердце расцеловался на прощальной выпивке со старым капитаном и со всеми другими своими товарищами по пароходу.

По дороге «Енисей» вез лес в Шанхай. Оттуда он должен был идти в Сингапур за оловом. Затем предстоял заход на Гвинейский берег, в Пуэнт-Нуар, за дешевой африканской медью, только что начавшей поступать на рынок. Следовательно, нам предстояло идти не через Суэц, а через Кап, вокруг Африки, то есть побывать как раз в местах гибели «Святой Анны». Короче говоря, этот рейс интересовал меня как нельзя более. Я перенес свой необъемистый скарб, в том числе и оловянную банку с драгоценной рукописью капитана Джессельтона, в отличную каюту старпома на «Енисее» и с головой погрузился в бесконечные и сложные мелочи приема корабля. Мне нечего рассказать вам о самом плавании, проходившем, как и на множестве других судов, днем и ночью идущих по морям всего мира. Немало пришлось мне повозиться вместе с капитаном с прокладкой курсов в незнакомых местах и с грузовыми операциями. Бурные воды сороковых широт помиловали нас и не задали нам крепкой штормовой трепки, но все же к моменту прихода в Кейптаун я порядочно устал. Было очень приятно, что, в силу необходимости снестись с нашими представителями, в Кейптауне получилась задержка, и я смог около трех дней полностью провести на берегу, бродя по этому очаровательному городу и его окрестностям.

Я не последовал обычному стандарту моряков и променял разноплеменную суету Эддерлей-стрит на одинокое любованье этим удаленным от моей родины уголком земли. Величественная красота окрестностей Кейптауна навсегда запала мне в душу. Поднявшись на вершину Столовой горы, я любовался с высоты огромной белой дугой города, окаймляющей широкую Столовую бухту. На лево, далеко к югу, вдоль плоских крутых гор полуострова уходили фестончатые, сияющие на ярком солнце бухты. Ослепительная белая полоса пены прибоя окаймляла золотые серпы прибрежных песков. Позади, к северу, тянулись ряды голубых огромных гор. Хребтистая масса остроконечной Львиной горы отделяла полумесяц Кейптау-

на от приморской части Си-Пойнт, где даже с высоты была видна сила прибоя открытого океана. Я съездил на ту сторону полуострова, в Мейзенберг, и испытал ласкающую негу теплых синих волн Игольного течения.

По дороге, на знаменитом винограднике Вандерштеля в Вейнберге, я пил превосходное столетнее вино и не уставал восхищаться, сидя в машине, старинной архитектурой голландских домов под огромными дубами и как-то особенно благоухающими соснами. В последний день своего пребывания в городе я взял с утра такси и поехал на Морскую аллею — высеченную в скалах дорогу к югу от Си-Пойнта. Красные обрывы скал пика Чапман тонули в пене ревущего прибоя. Ветер обдавал лицо солеными брызгами. Овеянный ветром, взбодренный мощью океана, я миновал склоны Двенадцати Апостолов и бухту Камп и решил задержаться на вечер, продолжая уединение на берегу открытого океана в предместье Си-Пойнт, известном мне по-прежнему посещению Кейптауна своим уютным кабачком. Стемнело. Невидимое море давало знать о себе низким гулом. Я миновал окаймленный асфальтом бульварчик и повернул направо, к знакомой светло-зеленой двери, освещенной матовыми шарами на двух столбиках. Нижний зал, облюбованный моряками, тонул в табачном дыму, был полон запаха вина и гула веселых голосов. Хозяин знал, что сильнее всего трогает сердце моряка, и вот искусная скрипка несла с эстрады нежные звуки Брамса.

Тихая и неосознанная приятная печаль расставания охватила меня в этот вечер. Кому из нас не приходилось переживать эту печаль разлуки с очень понравившимся, но совершенно чужим местом! Вот завтра утром ваш корабль уйдет, и вы, наверно, навсегда проститесь с прекрасным городом — городом, через который вы прошли как чужой, ничем не связанный и свободный в этом отчуждении. Вы наблюдали незнакомую жизнь, и она всегда кажется почему-то теплой, красивой, чего, наверно, нет на самом деле...

В таком ясном и грустном настроении я уселся за столик, стоявший у выступа стены. Официант, привлеченный блеском моих нашивок, услужливо подскочил ко мне и принял заказ на основательную порцию выпивки, которой я хотел отметить свой отъезд. Я разжег трубку и стал наблюдать за оживленными, раскрасневшимися лицами

моряков и нарядных девушек. Хорошая порция рома, разбавленного апельсиновым соком, дала желаемое направление моим мыслям, и я погрузился в неторопливые размышления о чужой жизни и о том восхитительном праве неучастия в ней, которое всегда ставит зоркого странника на какую-то высшую, в сравнении с окружающими людьми, ступень.

Скрипка снова запела, на этот раз цыганские напевы Сарасате. Я всегда любил их и всей душой отдался звукам, говорящим о стремлении вдаль, печали расставания и неясной тоске о непонятном... Мелодия оборвалась. Я очнулся и полез в карман за спичками. В это время на эстраду вышла невысокая девушка. Я ощутил, как говорят французы, сердечный укол — такой неожиданной и неподходящей к этому кабачку показалась мне мягкая и светлая красота девушки. Мне трудно описать ее, да и не к чему, пожалуй. Встреченная одобрителем гулом, девушка быстро подошла к краю сцены и запела. Ее голос был слаб, но приятен. Пение ее, по-видимому, любили, так как в зале быстро воцарилась тишина. Она спела несколько песен, насколько я понял — любовно-грустного содержания. Мне понравилась какая-то тонкая, особенная обработка мотива, характерная для ее исполнения. Когда она скрылась за кулисами, гром рукоплесканий и восторженные вопли вызвали ее обратно. Она появилась снова, на этот раз в довольно откровенном костюме. Начался танец с прищелкиванием каблучков и повторением каких-то задорных куплетов под одобрительный смех присутствующих. И так не вязалась тонкая красота девушки с этой пляской и куплетами, что я ощутил подобие легкой обиды и отвернулся от эстрады, наливая себе вино... Затем я занялся тщательным раскуриванием трубки, вынул чашы... и вдруг быстро повернулся к эстраде, так и не посмотрев, который же час. Девушка, оказывается, снова переменяла костюм. На этот раз она была в черном бархатном платье с кружевным воротничком, что придавало ей какой-то старинный и трогательный облик. Занятый трубкой, я прослушал начальные слова песенки, которую она пела теперь. Но когда до моего сознания сквозь звуки рокочущей мелодии дошло название корабля «Святая Анна», я напряг слух и внимание, чтобы следить за быстрым темпом песни. Действительно, в песне говорилось о бесстрашном капитане Джессельтоне, избородившем

южные моря, о высоких мачтах корабля «Святая Анна» и — представьте себе мое удивление! — о том, что капитан на пути около острова Тайн зачерпнул живой воды, веселящей живых и оживляющей мертвых, но вслед за тем исчез без следа со своим кораблем. Песенка кончилась, девушка поклонилась и повернулась уходить. Я стряхнул с себя невольное оцепенение, вскочил и стал так громко кричать «бис», что удивил соседей.

Девушка посмотрела в мою сторону, как будто бы удивившись, улыбнулась, отрицательно покачала головой и быстро ушла со сцены. Опомнившись, я немного смутился, потому что сам не терплю бурных проявлений чувств. Но песенка девушки не позволяла мне думать ни о чем другом. Я ломал голову, стараясь разгадать связь погибшего корабля с певичкой в кейптаунском кабаке. Желание разыскать девушку и расспросить ее обо всем выросло и окрепло. И в ту же минуту, подняв глаза, я увидел ее прямо перед собой.

— Добрый вечер, — негромко сказала она. — Вам понравилась моя песенка?

Я встал и пригласил ее за свой столик. Подозвав официанта, я заказал для нее коктейль и только после этого взглянул ей в лицо. Усталая бледность проступала на нем, говоря о нездоровой жизни. Забавная манера презрительно вздергивать вверх свой красивый носик скрашивалась милой и как бы смущенной улыбкой. Гладкое бархатное платье облегалo ее фигуру, обозначая высокую грудь.

— Вы немногословны, капитан, — сказала насмешливо девушка, повышая меня в чине. — Кто вы, где ваша родина?

Узнав, что я из Советской России, девушка стала смотреть на меня с нескрываемым интересом. Я, в свою очередь, спросил, как ее зовут, и мое сердце невольно забилось сильнее, когда она ответила:

— Энн (Анна) Джессельтон.

Она принялась расспрашивать меня о моей далекой родине. Но я отвечал ей односложно, целиком поглощенный мыслью о протянувшихся через годы нитях судьбы, так странно связавших эту девушку с моей находкой на затонувшем корабле. Наконец, улучив момент, я спросил ее о родных и об отношении ее к капитану, о котором она пела в песенке. Выразительное личико Энн стало вдруг замкнутым и высокомерным, и она ничего не ответила

мне. Я продолжал настаивать, сделав в то же время намек на то, что интересуюсь капитаном Джессельтоном неспроста и что, в силу особых обстоятельств, имею право на это.

Девушка резко выпрямилась, и большие ее глаза посмотрели на меня с явным недоброжелательством.

— Я слыхала, что русские — чуткие люди, — с расстановкой произнесла она. — Но вы... вы такой, как все. — И ее маленькая рука обвела кругом шумный и дымный зал.

— Послушайте, Энн, — пробовал протестовать я, — если бы вы знали, чем вызвано мое любопытство, вы...

— Все равно, — перебила она, — я не хочу и не могу говорить с вами о важном, о своем здесь и когда я... — Энн запнулась, потом продолжала снова: — А если вы думаете, что ваши деньги дают вам право лезть ко мне в душу, то спокойной ночи, я сегодня не в настроении!

Она встала. Встал и я, раздосадованный нелепым оборотом дела.

Энн посмотрела на мое огорченное лицо, глаза ее смягчились, и с милостивым видом она попросила проводить ее домой. Я расплатился, и мы вышли вместе. Запах и шум близкого моря сразу охватили нас. Пересекая широкую пустынную улицу, я взял Энн под руку. Вправо, вдаль, темной массой сбегал в море мыс Си; налево, за освещенными электрическим заревом крышами домов и темной зеленью Грин-Пойнт, блестел маяк на Сигнальном холме. Мы углубились в тень аллеи небольших деревьев, и я начал без всяких предисловий рассказывать о последнем своем плавании на «Коминтерне» и о приключении с потонувшим кораблем. В заключение я сказал, что записки капитана Джессельтона находятся сейчас в моей каюте. Энн слушала не перебивая. Рассказ, как видно, всецело захватил ее. Потом она внезапно остановилась у калитки в ограде небольшого садика, перед темным домом. Свет фонаря на высоком столбе проникал через кроны низких деревьев, и я хорошо видел большие печальные глаза девушки. Она пристально смотрела на меня, и выражение ее глаз совсем не соответствовало насмешливо-му тону голоса:

— Да, вы, без сомнения, настоящий моряк, если можете так здорово выдумывать...

Энн тихонько рассмеялась, взялась за пуговицу моего кителя и, легко поднявшись на носках, поцеловала меня... В ту же минуту она скрылась за калиткой, в тени деревьев, куда не доходил свет фонаря.

— Энн!.. Одну минуту! — вскричал я, охваченный волнением.

Никто не ответил мне. Я постоял с полминуты с неопределенным чувством разочарования. Затем повернулся и только сделал несколько шагов обратно по аллее, как был остановлен голосом Энн:

— Капитан, когда уходит ваше судно?

Я посмотрел на светящийся циферблат часов и сухо ответил:

— Через четыре часа... Чего вы хотите от меня, Энн?..

Ответа не последовало. Я услышал лишь легкий стук захлопнувшейся двери...

Ехать на корабль было еще рано, возвращаться в кабак не хотелось. Я медленно пошел пешком вдоль моря по направлению к яркой затухающей звезде Сигнального холма. Вокруг горы до порта было не больше четырех километров. Весь этот путь я прошел со смутным ощущением какой-то утраты... На подъеме к Грин-Пойнту ветер, налетев с простора открытого океана, обнял меня. И, как много раз до этого, мелкими показались мне все мои огорчения перед лицом океана... С рассветом я вышел на широкую аллею между доком Виктории и мысом Муйл, а еще через полчаса спокойно рассматривал багряные верхушки волн в бухте, поджидая катер. «Енисей» еще вчера отошел на рейд, готовый к выходу в дальний путь.

Я вернулся на корабль, спустился в свою каюту и лег на диван. Выходная вахта была капитана, но мне не хотелось спать. Я сунул голову под кран, потом выпил горячего кофе и вышел на верхний мостик — полюбоваться городом, очарование которого за два посещения крепко запало мне в душу. Мне захотелось подольше пожить здесь, у подножия фантастических гор, в тесной близости к океану. Синева бухты, прорезанная прямыми линиями двух волнорезов, окаймлялась амфитеатром белых домов города. Еще выше шла полоса густой зелени огромных деревьев, над которой поднимались синевато-серые кручи Пика Дьявола и Столовой горы, составлявшие

исполинскую верхнюю часть амфитеатра. Направо, за крутой дугой берега, скрывался Си-Пойнт.

Громкий удар колокола на баке возвестил панер¹. Свисток корабля, работа брашпиля, привычные слова: «Якорь чист!» — и «Енисей», разворачиваясь и сигналив, начал набирать ход.

Время шло, и ослепительное солнце сильно жгло палубу, когда «Енисей» изменил курс, склоняясь к норду. Очертания трех гор Кейптауна постепенно погрузились в море, скрывшись за волнами. Сменив капитана, я стоял на мостике. Широко улыбаясь, ко мне подошел капитан с какой-то бумажкой в руке: «Я получил вот это, но, наверно, оно адресовано вам — недаром вы столько времени в городе пропадали».

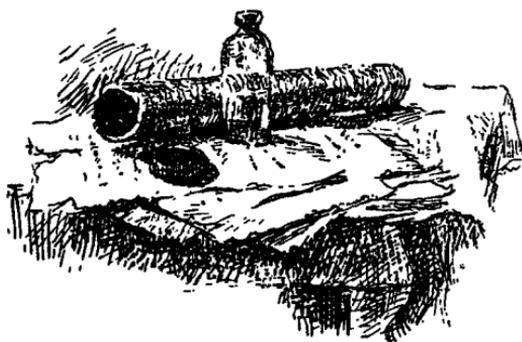
Недоумевая, я взял у него телеграмму, только что принятую радистом: «Капитану русского корабля. Жалею о вчерашнем, нам нужно увидеться, обязательно ищите меня, когда будете снова. Энн». На одно мгновение я увидел перед собой обаятельное лицо девушки... Ощущение утраты снова охватило меня. Но я преодолел очарование и спокойно сложил телеграмму. Я был уверен, что расстался с Кейптауном на многие годы, если не навсегда. И даже ответить ей я не смогу, так как она не догадалась дать мне свой адрес... Я поднял руку вверх и разжал пальцы. Свежий морской ветер мгновенно подхватил телеграмму и, крутя, опустил ее в пенный след винта...

Едва я попал в Ленинград, как сразу же принялся за дело. Морские специалисты, с которыми я говорил об открытии Джессельтона, только недоумевали и сомневались. Но, по совету приятеля, я обратился к знаменитому геохимику, академику Верескову. Старик чрезвычайно воодушевился моим рассказом и объяснил, что в океанских впадинах, образовавшихся в древние времена, мы безусловно можем найти в глубинах давно исчезнувшие с поверхности земли вещества — минералы и газы с сильно отличными от ныне известных физическими и химическими свойствами. Но их надо искать в древних пучинах, очень редких в мировом океане и известных как раз в области южных широт между Австралией и Африкой. Однако на мой вопрос о непосредственном значении для науки

---

¹ Панер — момент, когда якорцепь становится вертикально и пускается шпиль.

найденной мною рукописи академик ограничился неопределенным замечанием, что указание широты и долготы имеет некоторое значение. Потом ученый сказал мне, что на основании данных, добытых столь необыкновенным путем, никто не возьмется сделать какое-либо заключение. Проверку открытий Джессельтона могла бы сделать специальная экспедиция, но опять-таки: кто же возьмется снарядить дорогостоящую далекую экспедицию, пользуясь столь сомнительными указаниями?.. Уходя от ученого, я ощутил такую же грусть разочарования и утраты, как в далеком Кейптауне. То, что казалось мне безусловно ярким и важным, как-то сразу потускнело, и я понял, что чем невероятнее и чудеснее встреченная в жизни случайность, тем труднее убедительно рассказать о ней...

АТОЛЛ ФАКАОФО

Небольшой светлый зал был переполнен. Среди разнообразия штатских костюмов выделялись синие кители моряков. Неторопливо осмотрев зал, капитан-лейтенант Ганешин заметил чьи-то энергичные жесты из дальнего ряда — знакомые приглашали на свободное место. Ганешин стал пробираться к ним между рядами стульев.

— Даже вы прибыли! — сказал капитан второго ранга Исаченко, пожимая ему руку. — Весь флот, что ли, собирается?

— А что? — удивился Ганешин.

— Ткачев выступает с докладом.

— Это какой Ткачев? Тот, что по непотопляемости?

— Наоборот, по потопляемости, — сострил Исаченко. — Командир сторожевого корабля Северного флота.

— Вот как, — равнодушно отозвался Ганешин. — А что за доклад?

— Так он ни шута не знает! — воскликнул Исаченко.

Окружавшие собеседников моряки рассмеялись.

— Ну-ну, просветите, — добродушно улыбнулся Ганешин.

— Сегодня ведь заключительное заседание сессии Академии наук, посвященной морским делам. Ну, а Ткачев выловил необыкновенного гада; командующий приказал ему обязательно довести об этом до сведения ученых. Ткачев — командир смелый, но насчет докладов не любитель... Впрочем, начинается, — оборвал разговор Исаченко, — следственно, сами узнаете.

Раздался звонок председательствующего. На кафедру решительно поднялся среднего роста светловолосый офицер с острым лицом. Орден Нахимова украшал его тщательно отглаженный китель. Моряк обвел глазами притихший зал и заговорил, в волнеции часто и осторожно притрагиваясь к верхнему крючку воротника. Но вскоре докладчик овладел собой.

Ганешин не раз плавал в тех местах и поэтому слушал Ткачева с особенным интересом. Едва только Ткачев произнес: «Мой корабль пять суток патрулировал далеко в открытом море, около тридцать второго меридиана, по нашему — в четвертом районе», как перед внутренним взором Ганешина встало хмурое, свинцовое море...

Водный простор не чувствовался в холодном, мутном от влажности воздухе. Горизонт был близок и потому таил в себе опасные неожиданности... Появление германской подводной лодки, шедшей полным ходом в надводном положении, было совершенно внезапным. Очевидно, немцы не предполагали встретить советский сторожевой корабль так далеко от берегов, и пока лодка погружалась, Ткачеву удалось сблизиться с неприятелем.

Над морем пронеслись подобные ударам в гигантский бубен выстрелы, и немного впереди того места, где только что скрылась рубка подводной лодки, встали столбы воды с проблесками красных молний и облачками черного дыма. Это рвались глубинные бомбы, поставленные на небольшое углубление. Опытный истребитель лодок, Ткачев мгновенно определил вероятный сектор нахождения врага и начал забрасывать его бомбами.

Тем временем корабль достиг места, где скрылась подводная лодка. Ткачев приказал прекратить сбрасывание бомб и застопорил машину. Лейтенант Малютин подал Ткачеву наушники гидрофонов, одной рукой продолжая поворачивать рычажок усилителя. Неопределенный шум моря, отдававшийся в гидрофонах, не выдавал присутствия подводного врага. Ткачев понял, что подвод-

ная лодка услышала прекращение работы винтов над собой и тоже застопорила моторы.

Кивнув лейтенанту, Ткачев рванул ручку машинного телеграфа, машина заработала полным ходом, винты зашумели в гидрофонах, как водопады. Снова раздался звонок телеграфа. Машина мгновенно остановилась, и в отзвуках движения корабля Ткачев уловил ускользящий, казалось, очень далекий шум винтов подводной лодки.

— Лево на борт!

По-прежнему из глубины неслись равномерные глухие шумы. Ткачев представил себе подводную лодку там, внизу, украдкой пытающуюся ускользнуть, виляя на ходу и стопоря свои электромоторы. Через несколько секунд подводная лодка опять остановила моторы. Шум винтов смолк. Но Ткачев уже знал пеленг, примерную глубину и направление бегства противника. Быстрые руки минеров установили гидростатические взрыватели на глубину девяноста метров: взрыв тяжелых глубинных бомб эффективнее по направлению вверх, чем в глубину. Ткачев поставил ручку телеграфа на «полный вперед», судно рванулось с места, мощные машины взбили за кормой огромный пенистый вал. Когда скорость корабля достигла пятнадцати узлов, Ткачев стал поочередно нажимать спусковые рычаги правого и левого лотков. Каждая глубинная бомба, похожая на бензиновую бочку, мягко шлепалась своей многопудовой тяжестью в пенящуюся за кормой воду, и на ее место важно и медленно подкатывалась другая. А сверху по лотку непрерывной цепью катились все новые черные гладкие бочки, такие безобидные с виду

Сторожевой корабль прошелся по широкой дуге, оставляя за кормой зеленые водяные столбы, уже без огненных проблесков и более низкие. Ткачев следил за распределением взрывов, не переставая рассчитывать размеры завесы и площадь накрытия. «Еще одну, последнюю, для верности, — подумал Ткачев, нажимая правый рычаг бомбосбрасывателя. — Все равно никуда не денется. На дно ей не лечь, глубина здесь почти в километр. Попалась!»

Лейтенант, следивший по секундомеру, удивленно пожал плечами. Уже прошло необходимое для погружения бомбы время, а разрыва не было. Ткачев приказал повернуть корабль обратно, чтобы прослушать лодку в покрытой бомбами зоне.

— Гавриленко! — окликнул лейтенант миного старшину. — Вы как поставили взрыватель у последней?

— Точно как у всех: девяносто метров, товарищ лейтенант!

— Должно быть, взрыватель отказал. Странно, это у меня первый случай... — произнес удивленно Ткачев.

В этот момент в полукабельтове справа по носу встал низкий водяной бугор. Едва слышный удар донесся из глубины, сейчас же заглушенный громким всплеском накатившейся на нос волны. Корабль качнуло. Ткачев ухватился за поручень, отрывисто бросив:

— Время, лейтенант?

— Две минуты сорок пять секунд, — ответил Малютин.

— Ого! Значит, утонула чуть не на полкилометра, оттого и взрыв такой слабый. Ясно, во взрывателе дефект.. Ага, попались! — вдруг вскричал Ткачев, впиваясь глазами туда, где по скатам невысоких волн расплывалось огромное масляное пятно.

Машина затихла, и снова чуткие подводные уши гидрофонов насторожились, следя за борьбой уже подбитой вражеской лодки. Послышался шум винтов, уже не ровный, а прерывистый, смолк, опять возник. «Ну и нырнули! Наверно, заклепки текут», — подумал Ткачев и послал по новому пеленгу еще две бомбы, продолжая следить в бинокль за вспененной поверхностью воды.

— Слева за кормой предмет! — раздался позади голос краснофлотца.

Изумленный несоответствием только что взятого пеленга и местом всплытия, Ткачев резко повернулся, направил бинокль на смутное красное пятно близ места падения последней бомбы и чуть не отшатнулся от неожиданности. Хрустальный круг бинокля в опаловой дымке приблизил к его глазам очертания гигантского краснобурого тела среди равномерного колыхания волн. Это было какое-то животное невиданных размеров и цвета. Ткачеву показалось, что у него широкое тело, огромные плавники и могучая круглая шея; голову и хвост скрывали волны. Всего удивительнее была гладкая кожа, местами изборожденная морщинами и складками густокрасного цвета, переходившего в темно-бурый.

— Справа по носу пузыри!

Голос сигнальщика вернул командира к действитель-

ности, и Ткачев снова сосредоточился на борьбе с подводным врагом. Тысячи воздушных пузырьков усеяли поверхность волн. Минуту спустя корабль стоял уже над местом выхода воздуха, вслушиваясь в глубину.

Вдруг вода заклокотала от большого количества воздуха, сразу пришедшего снизу. Одновременно в гидрофонах возник короткий, тупой и невнятный гул. Люди молча смотрели. Корабль уже потерял ход и становился лагом к волне. Прошло несколько минут. Последние пузырьки воздуха исчезли. Ни одного звука не доносилось из глубины в гидрофон. Только масляное пятно расплывалось все шире, выравнивая заостренные гребни валов.

Где-то далеко внизу, под поверхностью моря, разбитая лодка, не смогшая всплыть, проваливалась все глубже в пучину, и беспощадное давление воды выжимало из нее воздух и масло. Ткачев дал ход кораблю и подошел к снимавшему наушники Малютину.

— Запишем еще одну, лейтенант, но чтобы окончательно убедиться, подождем немного, послушаем... Да, а как же чудовище? — вспомнил он. — Скорее к нему!

На месте всплытия неведомого животного моряков ожидало разочарование: никакого следа красного чудовища не было уже видно. Холодные волны были пустынно, насколько хватал глаз.

Ткачев досадливо потер заслезившиеся от напряжения глаза: «Неужели почудилось? Ну нет...»

— Товарищи, кто еще видел этого... как его... ну всплывшего зверя? — обратился он к команде корабля.

Откликнулись сразу несколько краснофлотцев и старшина Гавриленко, который клялся, что это не что иное, как морской змей, оглушенный нашей бомбой.

— Нет, не змей, — перебил сигнальщик Елифанов, — я видел: туловище у него толстое, широкое и ласты есть — какой же змей?

— Ну все равно не рыба и не зверь морской, а гад подводный, — стоял на своем Гавриленко.

Гавриленко предупредил собственную догадку Ткачева, что животное было оглушено или убито бомбой и всплыло на поверхность. «Эх, досадно, что потонул! Поймать бы такое чудо, — подумал Ткачев. — А теперь кто поверит?..»

Словно угадывая невысказанный вопрос командира, лейтенант Малютин отозвался:

— Этот гад из глубины — глубоководное животное, и хлопнула его наша последняя бомба, та, что с испорченным взрывателем. Она ушла на глубину метров в пятьсот, да и всплыл-то зверь около этого места. Может быть, он потонул, а может, и очнулся... Впрочем, я все-таки успел... — И Малютин вытащил из кармана «лейку». — За качество не ручаюсь, а пять раз щелкнул: уж очень занятная зверюга! Удачно, что телесъе́ктив был ввинчен.

Ткачев восхитился находчивостью лейтенанта, не подозревая, что из-за этих снимков ему придется выступать с докладом в Москве...

Снимки лейтенанта Малютина были проявлены со всей возможной тщательностью, но все же они не получились достаточно отчетливыми: серый день, малая выдержка и красный цвет гада были неблагоприятными совпадениями. Ткачев был вызван к командующему, изложил все обстоятельства дела, показал снимки и получил распоряжение ехать в Москву, на морскую сессию Академии наук.

— Это не важно, — возразил командующий на уверения Ткачева, что никто не поверит. — Мы должны изучать море, мы обязаны оповестить ученых о таком необыкновенном происшествии. Если же ученые не поверят тому, что целая группа моряков видела, нечего тогда на их авторитет полагаться...

Этими шутивными словами адмирала, под одобрительный гул зала, закончил офицер свой короткий доклад и приступил к демонстрации снимков. Свет потух, и на высоком экране появилось неясное изображение.

Медленно прошли один за другим все пять снимков, но Ганешин так и не смог представить себе зверя: впечатление было ускользающим, неопределенным. Вспыхнул свет. Десятки людей, старавшихся определить животное в зыбких очертаниях снимков, шепотом делились впечатлениями. Исчезло живое, общее всем людям очарование неизвестного, но осталось что-то. Это что-то, как определил Ганешин, было сознание реальности происшедшего — схваченной, но ускользнувшей тайны моря. Ганешин с удовольствием отметил, как молодо заблестели глаза у сидевших в его ряду почтенных ученых и суровых командиров. Слово в зале пронеслась мечта, приподнявшая и соединившая самых различных людей.

В президиуме собрания произошло движение. На ка-

федру поднялся огромного роста старик с широкой седой бородой. Зал стих: многие узнали знаменитого океанографа, прославившего русскую науку о море.

Ученый нагнул голову, показав два глубоких зализа над массивным лбом, обрамленным серебром густых волос, и исподлобья оглядел зал. Затем положил здоровенный кулак на край кафедры, и мощный бас раскатился, достигнув самых отдаленных уголков зала.

— Вот он, наш Георгий Максимович! — шепнул Ганешину Исаченко. — С таким голосом линкором в шторм командовать, а не лекции читать.

— Так ведь он и командовал, — бросил Ганешин.

— Товарищи, — говорил тем временем океанограф, — я очень рад, что мне удалось услышать изумительное сообщение капитана Ткачева. Как нельзя более кстати его доклад пришелся на заключительное заседание нашей сессии. Мы слишком привыкли к существованию неразгаданных тайн моря, многие вопросы океанографии считаются пока неразрешимыми. Но, я думаю, всем присутствующим знакомо сообщение отважного американца, профессора Биба, спускавшегося в стальном шаре — батисфере — на глубину километра. Биб наблюдал огромных животных, проплывавших в невообразимой тьме перед окнами его батисферы, слишком больших для ничтожного освещения, которое давал его прожектор, и для маленького поля зрения кварцевых иллюминаторов. Известно ли вам, что незадолго до войны у восточных берегов Африки была выловлена огромная рыба — латимерия — из породы, давно исчезнувшей с лица земли и считавшейся вымершей уже в древнюю геологическую эпоху, чуть ли не сто миллионов лет тому назад? И вот теперь неведомый гад, обнаруженный в Баренцевом море капитаном Ткачевым, дает нам еще одно подтверждение таинственной жизни морских глубин. Это еще тень, только мелькнувшая перед нами, но тень реального, действительно существующего.

Несмотря на войну, флот и наши ученые продолжают расширять знания о море. Но победа уже близка, товарищи, и я надеюсь вскоре увидеть вас на послевоенной морской сессии, когда наши возможности неизмеримо возрастут.

Я обращаюсь к вам, товарищи моряки, от имени науки. Нашему флоту предстоит большое будущее. Вы, во-

оруженные техническими познаниями и огромной производственной мощью нашей страны, после войны, в спокойных условиях работы, можете оказать огромную по своему значению помощь науке... — Ученый остановился, шумно вздохнул и загремел сильнее прежнего: — Многие думают, что мы знаем море. О да, конечно, мы хорошо изучили его поверхность. Всем нам известно, например, что в Индийском океане встречаются наиболее крутые волны. Южный Ледовитый океан отличается гигантскими волнами с необычайно длинными фронтами, а Атлантический дает самую высокую волну. Мне незачем перечислять вам успехи океанографии — вы знаете их не хуже меня. Но как только от поверхности океана мы обращаемся к его глубинам, сразу же чувствуется наша слабость.

Конечно, мы знаем общее распределение осадков на дне океана. Изобретение эхолота резко двинуло вперед изучение рельефа морского дна, и недалеко то время, когда мы будем знать этот рельеф не хуже рельефа суши. Но все дело в том, что самое дно океана, строение и состав его коренных пород нам совершенно неизвестны. Я не преувеличу, если скажу, что поверхность Луны мы изучили гораздо лучше. Представьте себе океан в виде каменной чаши, налитой водой. Так вот, самую чашу мы совершенно не знаем и не в силах пока осуществить ее изучение.

Моря и океаны занимают семьдесят один процент поверхности нашей планеты. Поэтому геология в своем изучении земной коры вынуждена пока ограничиться только двадцатью девятью процентами этой поверхности. Неудивительно, что первейшие, основные вопросы геологии, познание которых даст нам подлинную власть над богатствами земных недр, не могут быть решены без исследования геологии морского дна. Нам нужны глаза и руки в самых страшных глубинах морей. Вы, молодые командиры и инженеры, подумайте над этим!

Я позволю себе задержать еще на пять минут ваше внимание. В центре Тихого океана, к северу от островов Самоа, есть группа коралловых островов Токелау, часть которых представлена низкими атоллами — кольцеобразными коралловыми островами, часто с лагуной в центре. Среди вас много молодежи, и я не думаю, чтобы ей приходилось видеть настоящие атоллы. А низкий атолл, то есть остров, очень мало выступающий над поверхностью

моря, — это незабываемое зрелище. Как метко выразился один из старых капитанов, низкий атолл — это кольцо беспрерывного грохота, тумана и пены от волн, неистово бьющихся вокруг. Белое кольцо пены, покрытое радужной блистающей шапкой преломленных в водяной пыли солнечных лучей, удивительно красиво издали на сияющей голубой глади моря. Но поблизости такой атолл выглядит сурово, а в часы прилива, пожалуй, и страшно. Ровные волны, колеблющие вокруг поверхность океана, у самого атолла вдруг вырастают, с гулом мчатся и с потрясающим грохотом обрушиваются на атолл. Если же вам придется побывать на низких атоллах в ураган, запаситесь мужеством. Густые облака погасят солнечный свет, и море сразу станет темным и грозным, изборожденным, словно гневными морщинами, черными провалами огромных валов. Волны, поднимаясь все выше, ринутся на атолл, затопляя и сокрушая всё на своем пути. Лишь один-два небольших участка кораллового кольца останутся незатопленными, и на них, полузадушенный ветром, оглушенный грохотом, ослепленный брызгами, человек будет искать спасения. Ужас наполняет и неробкие души при виде острова, словно тонущего в страшном одиночестве посреди беснующегося вокруг океана.

Так вот, среди низких атоллов Токелау есть атолл Факаофо — небольшой остров, около трехсот метров в диаметре; однако населения на нем шестьсот человек. В прилив от Факаофо над поверхностью моря виден только плотный серо-зеленый купол густой рощи кокосовых пальм. Атолл Факаофо лежит в девяти градусах к югу от экватора, на пути постоянных ураганов. В то время как ураганы затопляют соседние островки, обитатели Факаофо чувствуют себя в безопасности. Бронзовокожие прирожденные моряки-полинезийцы обнесли остров стеной из крупных кусков кораллового рифа и сделали насыпь в середине, подняв поверхность своего острова почти на пять метров над уровнем прилива. Таким образом, туземцы, лишённые всяких механизмов, создали себе безопасный приют. Какое бесстрашие и глубокое вековое знание океана нужно было иметь, чтобы противопоставить грозной мощи стихии слабые силы простых человеческих рук!

Атолл Факаофо всегда служит для меня примером могущества человека и его власти над морем. И я рас-

сказал об этом атолле, чтобы показать, чего можно добиться самыми простыми средствами. Неужели же мы, вооруженные всей мощью современной науки и техники, не добьемся окончательной победы над океаном — власти над его глубинами!

Вот все, что я хотел вам сказать. Позвольте мне остаться с надеждой, что некоторые из вас унесут хотя бы мечту о покорении глубин океана. А мечта умного и сильного человека — это ведь уже очень много...

* * *

Мелкий дождь, разгоняемый ветром, порывами налетал на корабль. Горизонт быстро приближался. Свет мерк, словно в воздух сразу вытряхнули огромное количество пепла. Наступала ночь.

Корабль плавно покачивался, равномерно вздрагивая от работы машины. Один из вахтенных задраивал иллюминаторы штурманской рубки. Ярко вспыхнул топовый огонь. Ганешин медленно расхаживал по мостику. Головная боль стихала, как бы растворяясь в сыром и холодном океанском ветре. Эти боли, последствия ранения в Великую Отечественную войну, повторялись еще и теперь, спустя несколько лет. Ганешин прислонился к поручням, вглядываясь в тьму. В неясном смещении мрака и судовых огней выступали белые надстройки корабля.

Стукнула дверь. Настил мостика рассекла широкая полоса света и исчезла. Вышедший из рубки, очевидно, приглядывался к темноте. Он нашел Ганешина и обратился к нему:

— Товарищ капитан первого ранга, опять острая зазубрина. Хотите посмотреть...

— Слушайте, капитан второго ранга, то есть Федор Григорьевич, — перебил Ганешин, — хватит тебе меня величать, говорил уже не раз!..

— Верно, Леонид Степанович, верно! — рассмеялся Щитов, командир гидрографического судна. — Всё еще живы привычки военного времени...

Офицеры вошли в ярко освещенную рубку, блестящую полированным деревом, приборами, зеркальными стеклами окон. Переход от холодной темноты и безграничности моря к теплоте уюту помещения был приятен. Ощущение усиливалось тихими звуками скрипичной мелодии, доносившейся из репродуктора в углу рубки. Мич-

ман, стоявший перед большим циферблатом эхолота, оглянулся на входивших и при виде Ганешина вытянулся. Ганешин опять усмехнулся: он никак не мог привыкнуть к почтительному вниманию к себе товарищей по работе. Теперь, в мирной обстановке, это казалось ему излишним.

— Продолжайте ваше дело, мичман! — Ганешин сбросил дождевик, зюйдвестку и вынул трубку.

Мичман смугтился, тихо ответил:

— Я... я, собственно... просто любовался на него...

— Ага, так вам нравится наш новый эхолот, — одобрительно посмотрел на юношу Ганешин. — А чем, по-вашему, он лучше хьюзовского, последней модели?

— Да как же можно сравнивать! — воскликнул мичман. — Во-первых, диапазон глубин — наш берет любую без всяких угловых смещений; огромная чувствительность; очень точная автоматическая выборка поправок, а главное, главное... сухая запись эхографа и тут же на ленте курсовые отметки...

— Очень хорошо! Я вижу, что вы уже вполне ознакомились с нашим прибором.

— Товарищ Соколов — энтузиаст глубоководных измерений, — вмешался Щитов. — Однако зубчик нужно посмотреть; а то лента уйдет.

Ганешин вынул трубку изо рта и шагнул к большому диску, где в центре горел оранжевый глазок и дрожала тонкая стрелка, окруженная тройным кольцом делений и цифр. Это был указатель глубин эхолота, а под ним, в черной прямоугольной рамке, за блестящим стеклом, медленно, почти незаметно ползла голубоватая лента эхографа — прибора, вычерчивающего непрерывный профиль дна на пути следования корабля.

Звуковые колебания высокой частоты, излучаемые из днища судна, летели вниз, в недоступные глубины океана, и, возвращаясь через сложную систему усилителей, заставляли стрелку колебаться, вычерчивая профильную линию. Мичман поспешил указать соответствующее место ленте. Здесь, между толстой чертой дна судна и косыми жирными отметками пройденного расстояния и изменений курса, шла плавная линия пологого дна, вдруг прерывавшаяся резким изломом: заостренная подводная вершина поднималась почти на два километра из четырехкилометровой плоскодонной впадины океана.

Ганешин удовлетворенно улыбался:

— За рейс четырнадцать «зубчиков» уже нашли! Не зря я пошел с вами...

— Леонид Степанович, признайся мне по чистой совести, — начал командир судна, — эти подводные «зубчики» тебе для нового прибора нужны?

— Угадал, угадал, Федор Григорьевич! — обернулся к Щитову Ганешин. — Сядем-ка, а то я по мостику километров двадцать пять отшагал. Мой новый прибор уже прошел все испытания, и мы с тобой будем его пробовать на работе, сразу как вернемся. Могу сейчас рассказать, пусть и мичман послушает — из принципа устройства прибора мы тайны не делаем. Мой прибор приспособлен для того, чтобы видеть под водой на самых больших глубинах, по принципу телевизора. Главная трудность задачи заключалась в освещении достаточно больших пространств, чтобы из-за огромного поглощения световых лучей в богатой кислородом глубинной воде телевизор не был подобен глазу очень близорукого человека. Я добился хороших результатов тем, что создал «ночной глаз» — прибор, который настолько чувствителен к световым лучам, что ничтожных количеств света ему достаточно для получения изображения. Далее я применил двойной прожектор с двумя совпадающими пучками лучей: одним — богатым красными и инфракрасными лучами, другим — синими и ультрафиолетовыми. Вы знаете, что вода скорее всего поглощает красные длинноволновые лучи; лучи коротковолновые идут значительно глубже (ультрафиолетовые доходят до тысячи метров от поверхности океана). Но зато вода с мутью рассеивает свет, и коротковолновые лучи в этом случае легко поглощаются, в то время как длинноволновые лучше пробивают толщу такой воды. Соответственные комбинации самых коротких и самых длинноволновых лучей в пучке света моего прожектора пригодны для разных условий, могущих встретиться на глубине. Такой аппарат, опущенный в глубину, передает по кабелю вверх электрическими волнами изображение, которое превращается в видимое на специальном экране. Угол освещения и угол зрения моего аппарата очень широки; двойные объективы, раздвигаемые, как в дальномере, дают глубокое стереоскопическое изображение. Прибор видит шире и резче человеческих глаз... Что-то у тебя вид разочарованный, Федор Григорьевич, — улыбнул-

ся Ганешин.— Ты думал, мое изобретение в другом роде?

— Нет, нет! — с виноватым видом стал оправдываться Щитов.— Я только не совсем понимаю, что им можно сделать на больших глубинах. Для всяких спасательных работ такой «глаз», разумеется, важен, но в этих случаях глубины невелики и такая сложность ни к чему... Ну, опустили, посмотрели скалу какую-нибудь или рыбищу, и всё.

— Для начала и этого много, Федор Григорьевич.

— Так-то так, а дальше?

— А дальше — руки.

— Что такое? — не понял капитан.

— Сперва глаза, а потом и руки, говорю, — повторил Ганешин.

— Но рук-то еще нет?

— Нет, есть, но пока в чертежах еще...

— Эге, — обрадовался Щитов, — хорошо иметь такой клотик, как твой! И я бы не отказался.

— Не знаю, Федор Григорьевич, иногда тяжело, когда бьешься годами над выполнением... — задумчиво ответил Ганешин, вставая и потягиваясь.— Задумать — одно, а выполнить... Подчас пустяковина с ума сводит... Ну, я пошел.— Ганешин набросил высохший плащ.

— Минутку, Леонид Степанович! — остановил его Щитов.— Скоро Ближние острова, а ты хотел захватить западный край Алеутской пучины. Остров Агатту уже близко. Где же поворачивать?

— Сейчас не помню, — подумав, ответил Ганешин, — где у них береговой огонь. На мысе Дог, кажется? Видимость его...

— ...восемь миль, — подсказал Щитов.

— Ну, это близко... Тогда по счислению, не доходя двадцати пяти миль.

Дверь за Ганешиным захлопнулась. Щитов и мичман остались вдвоем. Прошло около часа. Лента эхолота неторопливо ползла. Дно постепенно понижалось: уже пять километров глубины было под килем судна. Механики с точностью часов держали ход, от равномерности которого зависела точность получаемого профиля дна.

Щитов долго курил, размышляя о личной судьбе группы людей, когда-то спянных великой войной. То ли был слишком крепок табак, то ли он курил очень жесто-

ко, но скоро Щитов ощутил знакомую боль в груди и вышел на мостик. Дождь все еще не кончался, порывы ветра по-прежнему срывали и вспенивали гребни волн. Вдруг Щитову показалось, что далеко впереди, прямо перед носом корабля, что-то блеснуло, мгновенно исчезнув. Почти одновременно послышался хриплый голос вахтенного: «Огонь прямо по носу!»

Понадобилось добрых пять минут, чтобы слабое мерцание превратилось в белую звездочку — встречное судно. Минуты шли, но никакого признака бортовых огней. Не больше двух миль разделяло сближающиеся корабли, когда Щитов скомандовал:

— Внимание, впереди гакабортный огонь!

— Будем обгонять, товарищ капитан второго ранга? — спросил вахтенный помощник.

— Обязательно. Оно едва плетется.

— А как же курс на промере?

— Не беда, немного отклонимся.

Корабли сближались, продолжая находиться в створе кильватера. Помощник взял за цепочку гудка — два коротких, низких и сильных звука пронесли над темным морем, рулевой привод застучал, и нос корабля покати́лся влево.

В просторной каюте Ганешина горела слабая ночная лампочка. Ганешин сбросил китель, сапоги и улегся на диван. Раздеваться и забираться на койку не хотелось, да и вставать скоро... Ганешин думал о своем новом аппарате. Глубинный телевизор готов, за результаты окончательных испытаний изобретатель не беспокоился. Этим выполнена первая часть когда-то поставленной им себе задачи. Несколько лет назад старый ученый, которого сейчас уже нет в живых, говорил о победе над океаном, об атолле Факаофо. Он говорил не только о «глазах», но и о «руках»; значит, теперь дело за «руками». Возник образ сложного механизма, всверливающегося, как буровой станок, в океанское дно под наблюдением телевизора и управляемого телемеханически. Основной принцип — работа без всяких герметических закупорок; уже давно изобретены низковольтные, высокоамперные электромоторы, прекрасно работающие в воде. Вода должна быть для этих механизмов такой же естественной средой, как воздух для наших земных машин: тогда не страшно огромное давление — вот в чем весь секрет успеха!

Отрывистые гудки заставили задрожать переборку. Ганешин машинально прислушался: два коротких — поворот влево. «Кого-то обгоняем...» Встреча судов в открытом море всегда волнует душу моряка. Ганешин вскочил и стал натягивать сапоги.

На мостике Щитов и помощник увидели красный бортовой огонь и выше топового огня — еще более сильный красный свет.

— Тралящее судно, — негромко сказал помощник. — Это не гакабортный был огонь, а круговой топовый, и выше — трехцветный фонарь.

— Вижу, вижу, — отозвался Щитов. — А это видите?.. Вахтенный сигнальщик, ко мне!

На неразличимом еще борту неизвестного судна замелькал огонек. Короткие вспышки чередовались с острыми долгими лучами, вызывавшими ощущение протяжного крика «а-а-а-а».

— Вызывают нас, — буркнул Щитов. — Эге, вот оно в чем дело!

Три короткие вспышки сменились одной долгой: в темноту ночи летели одна за другой латинские буквы — просьба о помощи.

На мостике появился запыхавшийся сигнальщик с ратьеровским фонарем. Одновременно поднялся на мостик Ганешин.

— Скажите Соколову, чтобы остановил эхолот! — распорядился капитан.

Два корабля в океанской ночи некоторое время перемигивались световыми вспышками: «Риковери», Сан-Франциско — «Аметист», Владивосток».

— У меня есть километр троса кабельной свивки, — пробурчал Ганешину Щитов, — могу им одолжить...

— Очень хорошо! Давайте подходить, может быть еще чем-нибудь полезны будем...

— Прожектор! — командовал Щитов.

По палубе затопали проворные ноги. Мощный прожектор «Аметиста» пробил в темноте широкий светящийся канал. В конце его возникло черное низкое судно с далеко отнесенной назад палубой. «Пусть стоит на месте, подходить буду я, — подумал капитан. — Не знаю, как они ловки...» Прожектор потух, сигнальщик быстро выполнил распоряжение, затем «Аметист» снова зажег свет и начал сближаться с неуклюжим на вид «американцем».

— Любопытно! Тоже океанографы, как и мы,— оживленно заговорил Ганешин («американец» передал световым сигналом, что на нем океанографическая экспедиция).— Что у них стряслось?

«Аметист» подошел к кораблю, насколько позволяло волнение, развернулся лагом, и хорошо говоривший по-английски Ганешин взялся за рупор. Из отрывистых слов, заглушаемых плеском волн в борта и подсвистом ветра, советские моряки быстро уяснили себе трагическую суть происшедшего. Батисфера — стальной шар, недавно построенный для изучения больших глубин,— с успехом сделала несколько спусков. При последнем спуске оборвался подъемный канат вместе с электрическим кабелем, и стальной шар остался на глубине около трех тысяч метров — наибольшей, на какую он был рассчитан. Батисфера снабжена парафиновым поплавком и должна всплыть самостоятельно при обрыве кабеля, как только прекратится ток, питающий электромагниты. Магниты перестают притягивать тяжелый железный груз, и батисфера всплывает. Но на этот раз не всплыла. В ней два человека: инженер, построивший батисферу, Джон Милльс, и ученый-зоолог Норман Нурс. Запас воздуха — на шестьдесят часов. Уже сорок восемь часов идут безуспешные попытки нащупать батисферу и зацепить гаками за специально сделанные на ней скобы. Если шар цел и исследователи в нем живы, им осталось воздуха только на двенадцать — пятнадцать часов...

Советские моряки молча стояли на мостике. Большая грузовая стрела американского судна, вынесенная за борт, кивала своим носом, как будто показывая на волны, поглотившие стальной шар.

— Похоже, их дело труба, Леонид Степанович,— тихо сказал Щитов.— Разве нащупаешь на трех километрах в открытом море! Без берегов пленговаться не на что... Да, не хотел бы я быть там...

Ганешин, не отвечая, хмурился, поглядывая на «Риковери».

— Федор Григорьевич, дайте мне шлюпку,— неожиданно сказал он.

Щитов увидел его тяжелый, настойчивый взгляд.

Американцы заметили танцующую на волнах шлюпку и быстро спустили трап. На мостике Ганешина окружили. Его спокойные и решительные глаза, смотревшие из-под

kozyрька военной фуражки, прикрытой желтым капюшоном, притягивали к себе измученных борьбой людей.

— Кто начальник? — негромко спросил Ганешин.

— Я помощник начальника, капитан судна Пенланд, — ответил стоявший против Ганешина американец. — Начальник там. — Пенланд указал на море.

— Разрешите задать несколько вопросов, — продолжал Ганешин. — Извините за краткость, нужно спешить, если мы хотим...

— Вы хотите помочь нам? — звонким голосом спросил кто-то.

— Да. Но не перебивайте меня, — сухо добавил Ганешин, — я говорю с командиром.

— Слушаю вас, — быстро ответил американский капитан.

— Сколько у вас тралящих тросов?

— Два.

— Какой длины трос остался на батисфере?

— В том-то и несчастье, сэр, что канат оборвался около самого места своего прикрепления на шаре. Захватить за него нечего рассчитывать, только за скобы.

— На батисфере есть радио?

— Есть, но не работает, питание было только от кабеля.

— По вашим расчетам, у них воздуха еще на двенадцать часов?

— На двенадцать — пятнадцать. Это все, сколько они могут протянуть при самой жесткой экономии.

— Да, положение очень серьезное. А что вы думаете делать дальше?

— Продолжать теми же средствами — пока ничего не поделаешь. В бухту Макдональд, на Агатту, прилетят два самолета. Утром они будут здесь и привезут усовершенствованные захватные приспособления. В день катастрофы по радио вызвано военное судно, оборудованное тралом-индикатором для отыскания батисферы электромагнитным способом. Оно идет со всей возможной скоростью и может быть здесь завтра. Это, собственно, наша последняя надежда, — заключил капитан Пенланд, зачем-то понижая голос и приближаясь к Ганешину. — Вместе с нами тралили еще два военных судна, сейчас они ушли в бухту Макдональд.

Благодарю вас, капитан. Надеюсь, нам удастся по-

мочь вам. Будьте любезны показать ваши лебедки и подъемные приспособления.

Ганешин с Пенландом спустились на обширную палубу, загроможденную бухтами тросов, с огромной лебедкой в центре. Качающаяся вместе с мачтой электрическая лампа освещала нагромождение самых разнообразных предметов.

— Мне кажется, положение безнадежно, сэр, — быстро сказал капитан Пенланд, едва они удалились от мостика. — Посудите сами: чудовищная глубина, открытое море, никакой возможности ни пеленговать, ни бросить буюк... Я делаю что могу, двое суток не уходил с палубы. Там, на мостике, жена Милльса, гидрохимик нашей экспедиции. Я не хотел при ней высказывать свое мнение.

Ганешин вспомнил стремительный вопрос, почти вскрик на мостике.

— Это она спрашивала меня? — И, получив утвердительный ответ, пожалел о резкости, с которой оборвал говорившую. — Наметим с мостика примерный район нахождения батисферы, и я буду благодарен вам за полную информацию... Еще вопрос, капитан, — помолчав, сказал Ганешин, в то время как они осторожно пробирались по заваленной палубе, — зачем вашим исследователям понадобилось опускаться здесь, в открытом море?

— Видите ли, здесь одно из редких мест, оно изобилует крутыми скалами, и коренные породы совершенно обнажены от наносов. Одной из задач наших исследований является изучение коренных пород в глубинах океана. Только пока что-то не получается.

Ганешин ничего не ответил. Он легко взбежал по ступенькам на мостик:

— Сейчас мы примемся искать, поставим буюк...

— Как — буюк? — сразу послышалось несколько голосов.

— Увидите! — Ганешин скупно улыбнулся и поднял руку, но был остановлен маленькой рукой, притронувшейся к его рукаву.

Моряк обернулся и увидел огромные, сильно блестящие глаза, смотревшие с мучительным напряжением.

— Сэр капитан, скажите мне прямо: есть надежда спасти их? Вы сможете это сделать?

Ганешин серьезно ответил:

— Если батисфера цела, надежда есть.

— Боже мой!.. — воскликнула американка.

Но Ганешин мягко перебил:

— Простите меня, время не ждет, — и обратился ко всем стоявшим на мостике: — Советское гидрографическое судно «Аметист» немедленно примет меры для спасения. Это, разумеется, не исключает вашей работы, но сейчас, если вы согласны довериться нам, я прошу на время отойти от места погружения батисферы. Я располагаю приборами, крайне важными для настоящего случая, однако основной прибор находится во Владивостоке. Я вызову скоростной самолет. Раньше чем через пять-шесть часов он не сможет прибыть — слишком велико расстояние. За это время попытаемся найти батисферу и отметить ее место буйком, что сильно облегчит спасательную работу по прибытии самолета, когда времени у нас будет всего семь часов. Поднимать батисферу придется вам, у нас нет таких мощных лебедок и тросов. Всё. Дайте сигнал нашему судну, чтобы погасили прожектор, и зажгите свой. Я возвращаюсь на «Аметист».

В прожекторе «Риковери» невидимый раньше за ослепительным сиянием «Аметист» вдруг показался во всем своем белоснежном великолепии. Острый очерк корпуса, легкость надстроек сочетались с мощью отогнутых назад труб — признаком силы машины.

— Это гидрографическое судно? — вскричал капитан Пенланд. — Да это лебедь!

Действительно, белый, блестящий огнями корабль подходил на громадного лебедя, распростершегося на воде перед взлетом.

— Это военное гидрографическое судно, — подчеркнул Ганешин, поднес руку к козырьку и пошел с мостика.

Его шлюпка быстро понеслась по широкому световому коридору. Американские моряки молча смотрели ей вслед, слегка озадаченные как появлением Ганешина, так и его уверенными распоряжениями.

— Это, должно быть, важное лицо у русских, сэр, — проговорил наконец помощник капитана. — И если он сумеет спасти батисферу...

— Не знаю, спасет ли, — ответил Пенланд. — Но вы посмотрите на их корабль!

Прежнее молчание воцарилось на «Риковери», только настроение было уже другим. Безотчетно верилось, что

белый прекрасный корабль, так неожиданно выплывший из океанской ночи, и этот человек с умными, упрямыми глазами, дружески протянувший руку помощи, действительно сумеют помочь.

Между тем Ганешин, не теряя времени, вместе с Щитовым направился в радиорубку. Взыл умформер, замелькали огоньки неоновых ламп, над тысячами километров океана понеслись условные позывные. Долго-долго стучал ключ, пока радист не повернул к офицерам вспотевшее лицо:

— Владивосток отвечает.

— Ну, сейчас решится судьба тех двух бедняг,— обернулся к Щитову Ганешин.— Если удастся вызвать командующего... А вдруг он в отъезде?

Ключ стучал, умолкал, в ответ слышался характерный треск морзе, снова радист работал ключом, и снова Ганешин напряженно прислушивался к скачущему сухому языку аппарата. Ждал и покачивающийся рядом корабль, и те двое, запертые в стальном гробу на дне океана, и уже загоревшийся желанием спасти американцев экипаж «Аметиста»...

В штабе сообщили, что адмирал в море, на своем корабле. В безмерную даль полетели позывные мощного нового линкора. Где-то в пространстве они нашли антенны грозного корабля.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Ганешин.

Ключ коротко, точно и ясно простучал просьбу и замолк. Несколькими минутами напряженного ожидания — и в треске тире и точек моряки услышали: «Даю распоряжение, желаю успеха».

Теперь все было просто.

Щитов повел свой корабль на противоположный край района предполагаемого нахождения батисферы.

— Приготовить глубоководный буй, две тысячи семьсот метров! — скомандовал помощник.

Мгновенно зацепили как и вывалили за борт тускло блестящий снаряд, похожий на авиационную бомбу. Матрос дернул лишь, как выложил, и снаряд почти без всплеска исчез в зеленоватой черноте моря. Через четверть часа и пятьдесят секунд, по секундомеру помощника, над волнами в свете прожектора «Аметиста» выскочил слегка дымящийся предмет, раскрылся, подобно зонту, и маленький белый купол лег на воду. Советский корабль проси-

гналил «американцу» просьбу держаться на плавучем якорю и застопорить машину.

— Я хочу избежать малейшего резонанса их винтов, — пояснил Ганешин мичману, становясь сам у эхолота и неторопливо поворачивая различные верньеры регулировки.

— Разрешите спросить... — робко начал мичман. — Неужели вы думаете эхолотом нащупать батисферу?

— Конечно. Разве вы не знаете, что еще довоенные чувствительные эхолоты обнаруживали потонувшие корабли? Например, хьюзовский эхолот так прямо и вычертил эхографом контур «Лузитании», даже вышло расположение надстроек. И это на глубине в пятьдесят фатомов... Размеры батисферы, сообщенные мне американцами, конечно, несравнимы с «Лузитанией»: шар три метра, сверху грибовидный поплавок двухметровой высоты. Но ведь наш эхолот гораздо чувствительнее и излучает поляризованно...

— А... глубина? — осторожно возразил мичман.

— А точность регулировки? — в тон ему ответил шутливо Ганешин и снова склонился над шкалой, заглядывая в таблицы океанографических разрезов.

Американцы, непрерывно следившие за советским кораблем, видели, как он то появлялся в полосе света, то снова исчезал, показывая красный или зеленый огонь.

— Смотрите, они ставят буйки! — оживленно заговорил помощник, когда на втором повороте «Аметиста» перед носом «РикOVERи» закачался белый грибок.

— Очевидно, изобрели буй для глубин. Такие штуки давно употреблялись в подводной войне, и тут все дело в прочности линия. Они добились этой прочности, вот и всё. Очень просто.

— Все вещи просты, когда знаешь, как их сделать! — буркнул помощник в ответ своему капитану.

Час за часом белый корабль бороздил небольшую площадь моря между четырьмя накрест поставленными буйками. Ветер стих, поверхность воды стала маслянистой, гладкой. У запертых в батисфере осталось воздуха на десять часов. Снова тяжелая безнадежность нависла над американским кораблем. Но все собравшиеся на мостике и на палубе не отрывали глаз от «Аметиста», как будто самое их горячее желание могло помочь ему в поисках. Вот «Аметист», показав зеленый огонь, опять повернулся к «РикOVERи» и пошел у самого левого края обозначенной

буйками площади. Советский корабль все приближался, острый нос его выростал, еще сотня метров — и опять безнадешный поворот к северу. Вдруг едва внятный шум машины на «Аметисте» прекратился. В безмолвии ночи было слышно даже, как прозвенел телеграф, донесся громкий голос капитана, отдавшего какую-то команду. В незнакомой плавности русской речи было понятно одно слово: «буй».

— Нашли... они нашли! — вскрикнула, вся затрепетав, жена инженера Милльса.

На американском судне заспорили, и это как нельзя лучше показывало оживление смертельно уставших людей. Но тут, поднимая, как на крыльях, и обещающая так много, уже знакомый им голос с «Аметиста» спокойно сообщил в мегафон:

— Батисфера найдена!

Полсотни человек на палубе «Риковери» ответили радостным криком.

В штурманской рубке Ганешин набивал трубку, полужакрыв перенапряженные глаза. За четыре часа поисков лента эхографа покрылась серией кривых, сменявших одна другую, но ни один выступ не нарушал гладкой линии скального профиля. Корабль двигался очень медленно, однообразие получаемых результатов усыпляло внимание, и нужно было все время поддерживать бдительность волей. Недалеко от очередного поворота перо эхографа, до сих пор шедшее плавно, подскочило, и крошечная дужка едва приподнялась над ровной линией.

— Есть! — радостно вскрикнул Ганешин.

Помощник стрелой метнулся к мостику. Звякнул два раза телеграф — «стоп» и «назад». Щитов прокричал:

— Буй, две тысячи восемьсот метров!

И тяжелая бомба рухнула с левого борта.

— Ура, повезло! — поздравил изобретателя Щитов, зайдя несколько минут спустя в рубку.

— Ну, не очень, — устало отозвался Ганешин, — четыре часа крутились... Времени осталось мало, но нужно ждать. Я тут на диване поваляюсь, пока самолет...

В дверях появился помощник:

— Американцы спрашивают: может быть, им начать попытку зацепить батисферу сейчас же?

Щитов посмотрел на Ганешина. Тот, не открывая глаз, ответил:

— Конечно. В таком положении нельзя пренебрегать ни одним шансом.

«Аметист» уступил свое место у буя американскому судну. Отойдя на несколько кабельтовых, он плавно покачивался, будто отдыхая. И в самом деле, уставшие моряки разошлись по каютам, оба командира устроились в рубке. Только вахтенные смотрели в сторону американского судна. Там слышался лязг лебедок, свист нара и скрежет тросов: американцы снова действовали, зараженные удачей советских моряков.

Ганешин и Щитов проснулись одновременно от шума самолетов.

— Нет, не наш,— определил Щитов.

Светало. Сырость и холод забирались под одежду, подбодряя невыспавшегося капитана. С мостика море казалось необычайно оживленным: у бортов «Риковери» ныряли, качаясь, два самолета, а немного поодаль стояли два военных судна — длинный серый высоконосый крейсер и приземистый сторожевой корабль.

— Население увеличивается,— усмехнулся Ганешин.— Сейчас должны быть и паши. Проедусь-ка я к американцам, посмотрю, что и как...

На этот раз еще при подходе шлюпки с борта «Риковери» раздались приветственные крики. Однако лица встретивших Ганешина людей были серы и невеселы. В течение трех часов работы захватить батисферу так и не удалось, не удалось даже ни разу зацепить ее тросом. Для спасения находившихся в глубине океана осталось семь часов.

— Судно с тралом-индикатором еще не пришло,— говорил капитан Пенланд Ганешину,— но оно сейчас уже менее нужно после вашего замечательного вмешательства. Как захватить батисферу на этой проклятой, невысказанной глубине? Тросы, должно быть, отклоняются... возможно, какое-нибудь течение в глубоких слоях воды. Бук ведь тоже не дает точного места...

— Может отклоняться,— поддержал Ганешин, покосившись на приближавшуюся к нему жену Милльса.

Он повернулся к молодой женщине, приложив руку к фуражке. Глаза американки под страдальчески сдвинутыми бровями встретили его взгляд с такой надеждой, что Ганешин нахмурился.

— Мы работали все это время...— Слезы и боль зву-

чали в словах молодой женщины.— Но ужасная глубина сильнее нас. Теперь я надеюсь только на ваше вмешательство...— Она тяжело перевела дыхание.— Когда же вы ждете ваш самолет?

Ганешин поднял руку, чтобы взглянуть на часы, и вдруг громко и весело сказал:

— Самолет? Он здесь!

Все подняли вверх головы. Самолет, вначале неслышный за грохотом работающей лебедки, снижался, потрясая небо и море ревом моторов. «Пикирует для скорости», — сообразил Ганешин.

Узкая машина, несшая высокие крылья, взбила водяную пыль, повернулась и вскоре, смиренная и безмолвная, покачивалась возле «Аметиста». Утренний туман, словно испуганный самолетом, расходился. Высоко вознесся голубой небосвод. Солнце заиграло на тяжелых, маслянистых волнах, осветило белоснежный корпус «Аметиста», засверкало сотнями огоньков на медных, ослепительно надраенных частях. Ганешин перевел взгляд с самолета на «Аметист» и, улыбаясь, сказал американцам:

— Сейчас мы увидим батисферу.

Женщина, подавив восклицание, сделала шаг к Ганешину. Тот, угадывая ее мысли, добавил:

— Если хотите, я с большим удовольствием... Сейчас поедем.

Ганешин попросил капитана Пенланда подождать установки телевизора, а после нахождения батисферы немедленно сближаться с советским кораблем и действовать по его сигналам.

В это время на «Аметисте» механик, размахивая ключом, держал речь к машинистам и монтерам.

— От скорости установки привезенной машины, — говорил он, — зависит спасение людей, у которых на шесть часов воздуха. И еще: если мы их спасем — это будет чудо, сделанное руками советских моряков.

— Еще бы не чудо! Я водолазом работал, понимаю, что значит с трех километров такую козявку достать, — ответил один из машинистов. — Справимся, я так думаю...

Капитан Щитов не удивился появлению гостьи. Ее пригласили в рубку, и Щитов немедленно прикомандировал к ней мичмана, владевшего английским языком. Жена инженера Миллса рассеянно слушала его объяснения и часто поглядывала в окно рубки, откуда можно было видеть

кипевшую на палубе работу: там свинчивали какие-то станины, тащили провода, выгружали из самолета ящики.

На минуту в рубку заглянул Ганешин. Молодая женщина сейчас же бросилась ему навстречу:

— О, простите меня, но ваш прибор, кажется, очень сложен. Его могут не успеть собрать, ведь... — И она молча показала на большие часы, ввинченные в переборку.

— Есть шесть с половиной часов в нашем распоряжении, — ответил Ганешин. — Прибор действительно сложен, но наши моряки, если захотят, сделают эту — не скрою — невероятно трудную работу. А они хотят... Верьте нашим морякам, миссис Милльс, вы можете им довериться.

Для молодой женщины снова потянулось мучительное ожидание. Если бы она могла помочь в приготовлении этого таинственного аппарата... Страшный рев оглушил ее. Для натянутых нервов молодой женщины это было слишком.

— Боже мой, что это такое? — В изнеможении она прислонилась к переборке.

— Гудок. Он у нас в самом деле очень силен, — деловито пояснил мичман. — Это «Аметист» дает сигнал, что аппарат готов и поиски начинаются.

Мичман не ошибся. Сейчас же явился Щитов и пригласил жену Милльса вниз. Телевизор был временно установлен в темной лаборатории. Глубоководная часть аппарата раскачивалась на вынесенной за борт стреле, огромная катушка троса и кабеля была вставлена в лебедку. Корабль медленно шел к буйку, обозначавшему место батисферы.

— Опускать? — обратился Щитов к показавшемуся на палубе Ганешину.

— Пожалуй, пора.

— А ты не боишься?

— Чего?

— Ну, мало ли чего... Аппарат только что собран, наскоро установлен — вдруг откажет! Я и то волнуюсь...

— Нет, много раз испробован, испытан. Спускай смело, побыстрее...

Телевизор быстро скрылся в волнах, а кабель сбегал еще долго через счетчик катушки, пока чудесный «глаз» не достиг наконец нужной глубины. Трос присоединили к амортизатору, смягчавшему качку судна, и в тот же мо-

мент в темноте лаборатории Ганешин включил ток. Жена Милльса, вне себя от волнения, смотрела на овальную пластинку экрана, которая вдруг из черной превратилась в прозрачную, пронизанную голубоватым сиянием. Ганешин бросал непонятные американке отрывистые слова Шитову, от него команда передавалась на палубу, к лебедке.

Как только телевизор был установлен на высоте пятнадцати метров над дном, Ганешин стал нажимать две белые кнопки справа от экрана. Там, внизу, маленькие винты заработали, поворачивая аппарат. В голубом свете экрана показалась черная тень, и сразу стало понятным, что эта светящаяся голубизна — прозрачная глубинная вода, в которой тончайшая муть осадка носилась роем крошечных серебристых точек, отражая и рассеивая свет. Вид океанского дна в экране телевизора был необычен. Человек, попавший на другую планету, наверно, был бы так же поражен и не способен понимать видимое. Один Ганешин, освоившийся с видом океанских глубин при прежних испытаниях своего «глаза», осторожно направлял аппарат. Черный, слегка клубящийся от мути горб слева был плоским выступом скалистого дна. Дальше к северу дно чуть-чуть понижалось, потому что красноватый отсвет дна впереди исчезал, отрезанный тем же серебристым голубым сиянием.

Манипулируя разными рычажками, Ганешин менял границу резкого изображения, одновременно медленно поворачивая прибор, и соответственно менялось изображение на экране. Сначала вдали возникла черная стена, которая приобретала красный оттенок под усиленным светом прожектора, затем в ней начали выделяться подробности: косая огромная трещина, выпуклый выступ... Но тут телевизор повернулся, и мрачные скалы утонули в сияющей голубизне прежнего освещения. В глубине экрана показались туманные острые зубцы, они стали резче, но, приближаясь и становясь отчетливее, терялись своим основанием в сине-черной темноте заднего плана.

— Предел освещения, — пояснил Ганешин, — около километра.

Высокие зубцы подводной каменистой гряды смотрели грозно и мрачно, едва выделяясь среди вечной тьмы и холода подводного мира. Телевизор обошел полный круг — везде простиралось бугристое скальное дно, прикрытое слоем ила, блестящего в лучах осветителя, как алюми-

ниевая пудра. Вид океанских глубин вызывал ощущение чего-то враждебного, таившегося в глубочайшем мраке, окружавшем поле зрения телевизора. Это был чуждый земной поверхности грозный мир безмолвия, тьмы и холода, неподвижный, неизменный, лишенный надежды и красоты.

Батисферы нигде не было видно. «Неужели промахнулись бум так сильно? — мелькнуло в голове Ганешина. — На полкилометра! Ясно же, она должна лежать в этой впадине!» Ганешин стал наклонять объективы аппарата вниз. Смутное темное пятно появилось с края рамки. Ганешин быстро повернул рычажок. Пятно передвинулось в середину, приблизилось и вытянулось. Неясные края его стали резкими. Черный цвет опять стал казаться красным... Молодая женщина за спиной Ганешина слабо вскрикнула, сейчас же зажав рот рукой. Яйцеобразный аппарат, наклонившись, стоял в центре рамки, казавшейся теперь прозрачным стеклом. Четкость изображения была настолько велика, что ясно виден был свисавший сверху кусок оборванного троса, толстые петли спасательных скоб и отсвет на круглом иллюминаторе, который смотрел на моряков, как блестящий гранатово-красный загадочный глаз.

— Иллюминаторы у батисферы со всех четырех сторон, значит, они уже видят нас, — объяснил Ганешин жене Милльса. — Сейчас самое главное — посмотрим, живы ли... — Ганешин поспешно поправился: — ...попробуем поговорить с ними.

Он щелкнул чем-то и положил длинные пальцы на кнопку. Соответственно движениям пальцев экран гас и вспыхивал снова. Присутствующие сообразили, что, гася и вновь зажигая осветитель, Ганешин посылал в окно батисферы световые сигналы морзе. Много раз повторив один и тот же вопрос, Ганешин выключил свет и замер в ожидании ответа перед погасшим экраном. Все собравшиеся в тесной каюте затаили дыхание, сдерживая волнение решающей минуты. Она прошла — экран оставался черным. Медлительно и зловеще потянулась вторая минута, и тут в темноте экрана возник яркий бирюзовый огонек, исчез, вспыхнул ярче и разлился широким синим кругом — безмолвный ответ, пронесенный светом со дна океана.

— Живы! Передайте на «Риковери», пусть подходят, зацеплять батисферу! — радостно кричал Ганешин.

В это время синий свет замигал подобно сигнальному фонарю.— Они говорят...— обернулся Ганешин к жене Милльса, но услышал вздох и мягкое падение тела.

— Отнесите в рубку, врача к ней! — обратился Щитов к подбежавшим людям.— Не выдержала, бедняжка. Почти трое суток... Ну, что там? — обратился он к Ганешину.

— Передают, что оба живы, экономят кислород как могут, но больше двух часов не протянут. Батисфера в порядке, не отделился груз...— читал мелькавшие на экране вспышки Ганешин.— «Не можем понять, как...» Не поймете, подождите,— вслух отозвался моряк и услышал гудок американского судна.

Спуск тросов с захватами уже начался. Синий круг на экране погас, и сейчас же замигал прожектор телевизора. Ганешин передал запертым в батисфере людям о принимаемых мерах к спасению.

Еще час прошел в непрерывном наблюдении в окно телевизора. Свистки, крики в мегафон, шум машины американского судна, шипенье пара и грохот лебедок разносились над морем. А людям в батисфере оставался еще час жизни — шестьдесят минут, — когда уже почти шестьдесят часов усилия сотни людей оставались безрезультатными.

Незаметно и внезапно подошла победа. Огромные хrapцы, опускавшиеся с «Риковери» по указаниям Ганешина, ухватили за боковую скобу, громко рявкнул гудок «Аметиста», и в тот же миг машинист на лебедке «Риковери» переставил муфту на обратный ход. Медленно вышла слабина громадного, в руку толщиной, троса, барабан закрипел от напряжения: гибкий стальной канат, сплетенный из двухсот двадцати двух проволок, вместе с батисферой весил шестьдесят тонн — в три раза больше допустимой рабочей нагрузки.

Трос выдержал. В голубом сиянии экрана телевизора батисфера качнулась, выпрямилась, дернулась вверх и медленно начала подниматься. Ганешин, вращая объективы, некоторое время следил за ней, пока она не скрылась, выключил ток, зажег свет в лаборатории и, постояв немного, чтобы привыкли глаза, вышел на палубу. Телевизор был более не нужен. Все внимание сосредоточилось теперь на лебедке «Риковери», медленно извлекавшей из глубины непомерную тяжесть. Капитан Пенланд неотрывно смотрел на аккуратно ложившиеся на барабан витки, вычисляя в уме скорость подъема — сорок минут

оставалось до рокового срока. «Не успеем, задохнутся...»

Взяв на свои плечи смертельный риск, Пенланд приказал ускорить подъем. В напряженном молчании лебедка застучала чаще, барабан стал вращаться быстрее. Прошло еще несколько минут. Острый свист пара рассек вдруг однообразный шум лебедки. Лебедка сделала несколько быстрых оборотов; мгновенно побледневший машинист перебросил рычаг на «стоп». «Трос!..» — испуганно выкрикнул кто-то. Ужас приковал людей на обоих судах к месту и заставил одним движением вытянуть шеи, вглядываясь за борт. Пенланд мгновенно вспотел, во рту пересохло, мысли разбежались. Он не мог командовать, да и не знал, что скомандовать. Но тут из медленного колыхания волн быстро выскочил огромный голубой яйцообразный предмет, исчез в столбе брызг и через секунду плавно закачался в белом кольце пены.

Это внезапно отделился груз батисферы, она рванулась кверху, и храпцы автоматически раскрылись, освободив аппарат от тяжести троса. Люди разразились победными кликами, сейчас же покрытыми могучим ревом четырех гудков. Суда бросали в простор океана весть о новой победе человеческого разума и воли.

Ганешин стоял, расставив ноги, и пристально смотрел на спасенную им батисферу. Щитов положил свою тяжелую руку на его плечо:

— Леонид Степанович, адмирал запрашивает о результатах.

— Сейчас иду. Ты распорядись поднимать телевизор... А как наша гостья?

— Я отправил ее назад, там она нужнее, — улыбнулся Щитов. — Она так и смотрела во все стороны, видимо искала тебя — благодарить.

Ганешин слабо махнул рукой и направился в радиорубку. Батисферу уже буксировали к «Риковери».

Выходя из радиорубки, Ганешин снова увидел Щитова.

— Я тебе вот что хочу сказать, — строго и серьезно произнес Щитов, — насчет твоего телевизора. Я его напрасно ругал... — Дальнейшие слова его были заглушены ревом моторов нашего самолета, взмывшего в высоту.

Ганешин крепко пожал протянутую ему руку приятеля.

— Что дальше будем делать? — спросил Щитов.

— Как — что? — удивился Ганешин. — Закончим подъем телевизора и пойдем своей дорогой.

— А разве ты к ним не поедешь? — с недоумением воскликнул капитан. — Я и шлюпку приказал не поднимать.

— Нет, не поеду.

— Вот диво! Разве не интересно посмотреть на спасенных, расспросить? Они ведь тоже изучают дно...

— Конечно, интересно, но, понимаешь... — Ганешин шутливо сморщился: — Ведь будут благодарить... Жена инженера смотрела такими глазами... А мы сейчас дадим ход и удерем.

На судне американской экспедиции были заняты подъемом и открыванием батисферы и не заметили, как советский корабль быстро поднял шлюпку и телевизор. «Аметист» запросил о здоровье спасенных, получил ответ, что «слабы, но вне опасности», развернулся и начал набирать ход. Американцы с недоумением смотрели на действия «Аметиста» и только тогда, когда на фалах нашего судна взвился сигнал традиционного прощания, поняли, в чем дело. Сигнальщик с «Риковери» отчаянно замахал флажками, но «Аметист» увеличил ход, и только мощный гудок и махавшие бескозырками матросы посылали дружеский прощальный привет. Спасенные исследователи, офицеры и матросы, как один человек, смотрели вслед белому кораблю, становившемуся все меньше и меньше в солнечной дали. Внезапно гулкий грохот орудий раскатился над зелеными волнами: крейсер дал салют удаляющемуся «Аметисту». Опять и опять гремели орудия. В ответ на «Аметисте» взвились звезды и полосы Америки.

Советское судно как ни в чем не бывало шумело винтами, рассекая тихоокеанские волны. Ганешин наблюдал за уборкой телевизора, мечтая о мягкой койке: спасение американской батисферы далось ему недаром. С мостика послышался голос Щитова:

— Леонид Степанович, иди-ка, вызывают американцы. — В словах капитана звучала дружеская насмешка. — Техника тебя все равно достанет, даже из глубины океана.

Американцы вызывали «Аметист» по имени, без позывных, и название драгоценного камня настойчиво звучало в эфире. Радиоаппарат выстукивал любезные слова благодарности, просьбу сообщить фамилию командира, руководившего спасением, восхищение беспримерной ра-

ботой русских моряков, чудесным изобретением. В сухое потрескивание радио с «Риковери» вдруг вмешалось резкое щелканье позывных «Аметиста», характерное для мощной радиостанции нового линкора. Радист простучал ответ, и Ганешин выслушал четкие сигналы, славшие привет американской экспедиции и поздравления личному составу «Аметиста». Особенное удовольствие адмирал выражал Ганешину. Ответив командующему, Ганешин приказал радисту:

— Передайте на «Риковери» начальнику американской океанографической экспедиции Милльсу: «Командующий советским Тихоокеанским флотом только что передал вам поздравление со спасением и пожелания дальнейших успехов в вашей отважной работе».

Через пять минут Ганешин крепко спал у себя в каюте.

* * *

Осенний владивостокский дождь лил нескончаемыми потоками, хлестал в высокое окно кабинета Ганешина. Моряк перечитывал, собираясь отвечать, письмо от обоих спасенных им полтора месяца назад американских ученых. Догадливые люди направили письмо на имя командующего с просьбой передать Ганешину, разыскать которого не составило для адмирала затруднения.

«Только тот, кто провел в безнадежности и отчаянии шестьдесят часов на недоступном дне океана, может понять, что сделали вы, — писали ученые. — Несколько часов изо всех сил мы пытались отделить с помощью винтового пресса присосавшийся груз, задыхаясь и обливаясь потом в ледящем холоде батисферы. Нельзя передать, что пережили мы, уже впадая в тупое безразличие перед лицом неотвратимой судьбы, когда увидели свет в иллюминаторах и поняли ваши сигналы. С этой незабываемой минуты мы живем с твердой верой в безграничную силу человека, в его светлое будущее, в то, что нет одиночества даже в самых смелых, еще не понятых миром исканиях...»

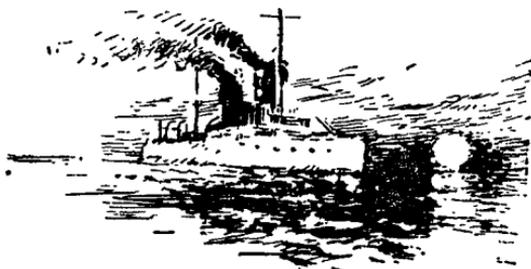
Перечитав письмо, Ганешин начал писать ответ. «На вопрос, как я достиг таких результатов в завоевании океанских глубин, мне трудно ответить. Пожалуй, главное здесь было в точной направленности поставленных задач и, конечно, в огромных материальных возможностях. Первое дал мне наш старый ученый, который несколько лет

назад призывал нас, моряков, помочь науке найти «глаза» и «руки», которые могли бы достать океанское дно. Он же показал нам, на что способен человек в борьбе с морем, рассказав о замечательном атолле Факаофо. Второе дала мне родная страна.

Я только развил идею, отказавшись пока от необходимости опускать человека в пучины океана и заменив его прибором, не нуждающимся в воздухе и не боящимся страшного давления. Так возник мой телевизор — «глаз» человека, опущенный на дно, таковы будут мои бурильные приборы для взятия коренных пород со дна океана — эти протянутые на дно «руки». Вспомните глубоководных животных. Некоторые из них обладают глазами на длинных стебельках; вот что натолкнуло меня на мысль использовать телевизор...»

Ганешин писал еще некоторое время, задумался, потом быстро закончил: «Поэтому я считаю, что ваша благодарность должна быть направлена не мне лично, а моей стране, моему народу. Ибо что такое я и вообще любой человек без родины без поддержки большого числа людей, — самый умный и выдающийся останется лишь мечтателем и фантазером. А поддержка, помощь правительства, огромного коллектива флота, разных людей, от ученого до слесаря, — всего, одним словом, что является для меня моей Родиной, — привели к тем достижениям, которые показали вам почти сверхъестественным могуществом. И это только начало, мы будем продолжать...»

Ганешин кончил письмо, встал и подошел к окну. По стеклам струилась вода, сквозь которую, будто очень далекий, виднелся поросший дубами скалистый мыс.

БУХТА РАДУЖНЫХ СТРУЙ

Покинув библиотеку, профессор Кондрашев поднялся на следующий этаж и направился в свою лабораторию. Длинный коридор со множеством белых дверей по обеим сторонам был полуосвещен и тих. Лишь несколько сотрудников задержались в институте, оканчивая срочную работу.

Профессор прошел к столу, втиснутому между двумя химическими стойками, и устало опустился в кресло. Газовые горелки едва слышно шипели, колба и стаканы сияли химической чистотой, наводящей трепет на непосвященных. Безупречность помещения, приспособленного к размышлениям и опытам, успокаивала, и горьковатый осадок в душе профессора после прочитанного отзыва о своей работе исчез. Он еще раз мысленно перебрал основные положения своей последней опубликованной книги, стараясь беспристрастно оценить сделанные ему критические замечания.

В этой книге профессор Кондрашев отстаивал необходимость широкого изучения скрытых свойств различных растений, в особенности древних форм растений, являю-

щихся пережитками, реликтами еще более древних эпох существования Земли. Подобные растения, живущие сейчас в тропических и субтропических странах, могут оказаться носителями очень важных и ценных свойств, выработавшихся в приспособлении к иным условиям существования десятки миллионов лет назад. В качестве примера профессор приводил растения, обладающие очень ценной древесиной и являющиеся пережитками древнетретичной эпохи (шестьдесят миллионов лет назад): у нас, в Закавказье, — самшит и «железняк», в южных странах — тик, гринхирт, черное африканское дерево, японское гингко с его еще не изученными целебными свойствами, существовавшие более ста миллионов лет назад.

Эта работа профессора Кондрашева подверглась резкой критике со стороны авторитетных ученых, и сейчас в угрюмом молчании профессор признался себе, что его критики во многом правы. Положения работы основывались больше на горячем убеждении, а фактического материала, требуемого железными законами научного мышления, увы, было маловато.

В то же время профессор Кондрашев был уверен в правильности своих положений. Да, больше убедительных фактов... Вот если бы иметь в руках доказательства действительного существования «дерева жизни» средних веков! В шестнадцатом и даже семнадцатом веках еще было известно это дерево, обладавшее чудесными, необъяснимыми свойствами. Чаши или бокалы, сделанные из него, превращали налитую в них воду в чудесный голубой или огненно-золотистый напиток, излечивавший многие болезни. Происхождение этого дерева и вид растения оставались неясными. Тайной дерева владели иезуиты, дарившие волшебные деревянные чаши королям, добываясь от них пожертвований и привилегий.

Дерево это в старинных сочинениях Монардеса, изданных в Севилье в 1754 году, а также у Атаназиуса Кирхеиуса называется по-латыни «лигнум вите» или «лигнум нефритикум», что по-русски значит «дерево жизни» или «почечное дерево».

По одним сведениям, оно происходило из Мексики, по другим — с Филиппинских островов. Действительно, у ацтеков было известно чудесное целебное дерево, под названием «коатль» («змеиная вода»). Профессор вспомнил опубликованные опыты с чашей из почечного дерева, про-

деланные знаменитым Бойлем, описавшим явления голубого свечения налитой в чашу воды и тогда же отметившим, что это не краска, а какое-то еще необъяснимое физическое явление.

— Можно, Константин Аркадьевич? — раздался знакомый женский голос, и в двери мелькнули светлые кудряшки и вздернутый носик Жени Пановой.

Способный научный работник и в то же время хорошенькая женщина, Панова имела успех не только у молодежи, но и у более почтенных по возрасту сотрудников института. Профессор Кондрашев, сам не зная по каким обстоятельствам, пользовался ее особой симпатией.

— Послушайте, дорогой Константин Аркадьевич, не огорчайтесь... Я знаю, чем вы опечалены... Но, мне кажется, вы слишком обгоняете тот уровень науки, который определяется наличным фактическим материалом.

— Я знаю сам, что нетерпелив! — буркнул Кондрашев, слегка задетый замечанием и недовольный вмешательством. — Вы-то можете ждать, но мне уже маловато времени осталось. А чудес, внезапных открытий в мире не бывает. Только один медленный труд познания, подчас тоскливый...

Желая переменить разговор, Панова вытащила из сумочки два билета.

— Константин Аркадьевич, поедемте в Филармонию. Там сегодня Чайковский — моя любимая «Березка». Вы ее тоже любите. А Сергей Семенович нас подвезет, он сейчас едет. Я и побежала за вами... — Она дружески улыбнулась.

В девять часов они были в Филармонии. Скрипки пели о русской беспредельной природе, о покое медленных и широких рек, обрамленных темными лесами, под низко стелющимися хмурыми облаками, о трепетании свежей, как радостное обещание, зелени стройных берез... И Кондрашев, смирившись в своем нетерпении, думал о неотвратимой безудержности знания, которое все шире и дальше распространяется по бескрайним равнинам неизвестного, захватывая все большие массы людей...

— Я всегда убегаю слушать музыку, если на душе нелегко, — шепнула Панова.

Профессор улыбнулся и уже с удовольствием посмотрел на нее. В антракте, когда они шли по коридору, из встречного потока людей выделился загорелый человек в

морской форме. Кондрашев заметил необычный загар его энергичного лица и весело блестящие глаза. Моряк — вернее, морской летчик, судя по крыльям, нашитым на его рукаве, — увидев Панову, мгновенно очутился перед ними, восклицая:

— Женя, Женя!

Девушка вспыхнула и рванулась к нему, но тут же сдержалась, подала ему обе руки:

— Борис! Откуда ты взялся?

Профессор почувствовал себя лишним и направился в курительную. Он успел докурить папиросу, прежде чем Панова с летчиком разыскали его.

— Познакомьтесь, это Борис Андреевич, мой большой, большой друг. И знаете, Константин Аркадьевич, он летал очень далеко, только что вернулся и видел нечто необычайное. Как бы чудо, которое вы сегодня отрицали, действительно не случилось... Но это замечательно — разыскать меня здесь!.. Всего три часа, как приехал... — торопясь и несколько бессвязно говорила девушка.

Профессор с удовольствием пожал руку моряку, приятный вид которого... да, он безусловно производил приятное впечатление.

Они обменялись обычными при первом знакомстве незначительными словами, но девушка нетерпеливо перебила:

— Борис, вы не понимаете... если есть у нас хоть один человек, который может объяснить ваше необыкновенное открытие, то это только Константин Аркадьевич!

Все трое оказались у профессора на квартире, и здесь летчик подробно и обстоятельно рассказал о своем путешествии. Уже начало рассказа заставило профессора радостно настроиться.

Всего два с половиной месяца назад молодой, но уже занимающий крупный командный пост морской летчик Борис Андреевич Сергиевский получил очень важное задание. Позднее, когда станет возможным предать огласке то, что мы сейчас должны хранить в тайне, подобные предприятия войдут в историю как примеры беззаветного мужества исполнителей и мудрой дальновидности руководства.

Борис Андреевич был назначен в дальний беспосадоч-

ный полет для доставки ценного груза, от скорости прибытия которого зависело многое в сложных судьбах войны с фашистами.

Мутный день соответствовал унылой картине окружающего. Низенькие дома поселка терялись среди больших темных елей. Повсюду торчали свежеспиленные пни. Беспросветные облака застилали все кругом и, осаждаясь, расплывались у самых верхушек леса редкими бесформенными клячьями. Остро пахло лесной прелью, под ногами хлюпала размокшая болотистая почва, и с неприятной бесшумной податливостью оседал толстый слой мха. Шаги приобретали четкость лишь на грязно-серой ленте бетонной дорожки, испещренной там и сям радужными кольцами масляных пятен.

Сергиевский с радостью окинул взглядом свою машину, уже вырубившую на старт. Самолет был высотный, пассажирского типа, по бокам его толстого фюзеляжа виднелись небольшие окна. Спереди фюзеляж заканчивался сплошным металлическим конусом, в верхней части перерезанным застекленной полосой. Длинные приподнятые крылья несли каждое по два мотора, защищенных широкими кольцами полированного дюрала. Их трехлопастные винты медленно вращались. Позади резко выделялся очень высокий руль. В своем обнаженном серебряном сверкании самолет был вызывающе красив, подобный дерзкому альбатросу.

Командование аэродрома явилось на проводы. Сергиевский оглянулся на торжественные и серьезные лица провожающих и с улыбкой посмотрел на часы. Все было готово. Последние, такие жадные затяжки — и папирса полетела в лужу. Сергиевский решительно подошел к самолету.

Тревожное напряжение долгой и тщательной подготовки отошло, настало время действовать. Облегченно вздохнув, летчик бросил взгляд на хмурое небо. Там, за тучами, на огромной высоте, на которой он поведет своего альбатроса, сияет яркое летнее солнце...

Несколько четких команд, и герметические двери захлопнулись, мягко зашипел проверяемый радиостом крау уравнивателя воздушного давления, затем все потонуло в оглушительном реве тысячесильных моторов.

Двадцатитонный серебряный альбатрос легко оторвался от земли, повинуясь едва заметному движению руки пи-

лота, и почти мгновенно исчез в непроницаемой облачной мгле. Гирогоризонт в матовой серой панели автопилота показал крутой наклон; стрелки альтиметров неуклонно ползли вверх. Застывший окна туман вдруг начал розоветь, перешел в палевую дымку, и наконец голубой яркий свет хлынул через наклонные стекла. Прорбитая толща облаков осталась под самолетом. Верхушки хаотических нагромождений облаков по белизне не уступали горному снегу, глубокие впадины и «провалы» тускло серели. На высоте семи тысяч метров Сергиевский лег на курс, перевел моторы на крейсерские обороты и включил автопилот.

Второй летчик, Емельянов, занимавший правое сиденье, снял наушники и, хмурия высокий залысый лоб, пытался ослабить слишком тугую пружину. Сидевший позади Емельянова штурман неторопливо шелестел справочником.

Сергиевский откинулся в мягком кресле, изредка взглядывая на приборы. Перед самолетом лежали тысячи миль пути над океаном, прежде чем снова ляжет под его крыльями чужая, но гостеприимная земля. Часы над просветом центрального стекла показывали восемь. Еще полчаса — и начнется опасный район. Там, в синеве безмятежного неба, рыскают немецкие воздушные хищники. Хотя высотный альбатрос и был оборудован четырьмя пулеметами, все же встреча с проворными «мессерами» представляла грозную опасность...

Сергиевский думал не о себе, а о драгоценном грузе, лежавшем за его спиной в кабине. Между тем товарищи Сергиевского спокойно занимались своими обязанностями, не разговаривая и даже не обмениваясь жестами. Все словно молчаливо условились, что до того, как опасный район останется позади, рассуждать, собственно, не о чем. Наиболее озабоченный вид был у механика, сосредоточенно следившего за бесчисленными стрелками своих приборов.

Серебряный альбатрос несся с огромной скоростью. Успокоительно и ровно гудели моторы. Толстый слой облаков по-прежнему висел между землей и самолетом. Изредка в нем темнели глубокие провалы с рваными краями. В них мелькала далекая и безразличная к людям в самолете земля, с высоты полета казавшаяся плоским темным полем без всяких подробностей.

Так прошел час, кончался второй. Самолет находился уже глубоко внутри опасного района, размеры которого были, увы, слишком велики. Стрелки до боли в глазах вглядывались в чистую синь неба и белизну облаков. В двадцать минут одиннадцатого Сергиевский резко выпрямился в кресле, твердо сжав штурвал:

— Внимание! Три неприятельских самолета!

Далеко впереди, перед кудрявившимся белым облачным скатом, возникли три маленькие черные черточки. Властная воля к борьбе соединила в одно целое маленькую группу людей, наглухо замкнутых в просторной кабине. Емельянов, смотревший в бинокль, вдруг громко и презрительно сказал:

— Эти нам не страшны, Борис!

Снова тысячи сил и тысячи оборотов сотрясли самолет. Метнулась направо стрелка указателя скорости подъема, спидометр качнулся налево. Самолеты врага приблизились, расходясь в стороны. Сергиевский наконец прекратил подъем, и машина устремилась вперед с прежней скоростью, оставив внизу мрачных преследователей, напрасно пытавшихся достичь ее потолка.

Белая равнина облаков, сгладившаяся и оставшаяся далеко внизу, разорвалась на гигантские пухлые куски. Под ними тусклым оловянным листом лежало море, а налево такой же, только более темного оттенка, полосой с причудливыми вырезами виднелась земля.

Все дальше и дальше уходил самолет, пересекая опасную зону. Курс был изменен. Взяв к югу, Сергиевский увеличил скорость. Еще немного — и самолет углубится в океан, оставив за собой район действий противника. Беспредельная гладь океана как бы остановила летящий самолет своим подавляющим однообразием. Волны с семикилометровой высоты не были заметны, матовая блестящая поверхность воды казалась выпуклой. Впереди виднелся облачный фронт, суливший перемену в спокойной обстановке полета. Однако перемена наступила раньше.

Число пройденных километров перевалило за три тысячи, когда в воздухе снова возникли угрожающие черные точки, а далеко-далеко внизу показались крошечные силуэты военных судов. Два вражеских самолета, задрав носы, начали набирать высоту, а третий держался поодаль впереди, у изогнутого края плотного длинного

облака. Время словно прекратило свой размеренный бег.

Все последовавшее произошло как бы в одну секунду невероятного напряжения. Тупые хлопки пулеметных очередей, хлестнувших самолет поперек фюзеляжа, едва донеслись сквозь шум моторов. Сергиевский наклонил машину и резко бросил ее влево. Одновременно заревели пулеметы обеих турелей. Еще поворот — на миг в окне мелькнул «мессершмитт», углом падающий вниз; затем альбатрос понесся с нарастающим ревом вниз в пологом пике, быстро сближаясь с третьим вражеским самолетом. Снова взревели пулеметы — мимо лица Сергиевского пролетело что-то горячее, брызнули во все стороны осколки, — и альбатрос нырнул в густую белесую мглу.

Сергиевский почувствовал почти твердую струю холодного воздуха, бившую в лицо, и понял, что в носу кабины пробоина. Самолет продолжал мчаться в непроницаемом облаке, моторы по-прежнему тянули свою победную песнь. Вот, вызывая тревогу, блеснул яркий солнечный свет, но навстречу снова надвигалась облачная стена. Еще и еще вспыхивало и исчезало сияние солнца, пока самолет окончательно не зарылся вглубь многокилометровой толщи облаков, шедших с запада высоко над океаном. Ровный полет сменился ныряющим потряхиванием: воздух был неспокоен и словно старался сбросить многотонную тяжесть корабля.

Сжавшееся от напряжения тело Сергиевского ослабело. Он выровнял самолет, бросил взгляд на гирокомпас и застыл от изумления: вся верхняя часть стойки с приборами представляла собой нагромождение истерзанного металла. Сергиевский обернулся. Поток бронебойных и разрывных пуль, разбив переднюю часть кабины, пронесся, видимо, дальше — между пилотами — и ударил в основание стойки турели, где была смонтирована радиоустановка. Радист лежал на разбитом аппарате, прижав руку к щеке. Механик, не обращая внимания на выступившую на плече кровь, с сосредоточенным видом тушил слабо горевшие обломки, а второй пилот Емельянов хмуро ощупывал руку сквозь разорванный рукав комбинезона. Уже стучало в ушах и не хватало дыхания — давление в пробитой кабине упало, сравнившись с разреженным высотным воздухом, и без кислородных аппаратов долго удержаться на этой высоте было нельзя.

Пока товарищи забивали широкую пробоину в носу самолета и перевязывали раненых, Сергиевский, убедившись, что толщина облаков достигает такой высоты, на которой самолет с пробитой кабиной держаться не может, начал снижаться.

Положение самолета было тяжелым вследствие гибели основных ведущих приборов и повреждения радиоустановки. Без солнца лететь над лишенным ориентиров океаном было почти все равно, что лететь слепым полетом. Пока налаживали уцелевший магнитный компас, Сергиевский мечтал о птичьем чувстве направления. Каким особым чутьем руководятся птицы при своих долгих полетах в дождь и туман над морем? Выработается ли это чувство у человека, тоже ставшего птицей?

Магнитный компас, несмотря на очевидно изменившуюся после такого сотрясения и смещения девиацию, все же давал, хотя бы в пределах четверти горизонта, ту линию направления, без которой самое совершенное искусство слепого полета становится опасной и неверной игрой...

Вокруг темнело. Начинался шторм. Вот по окнам заструилась вода; потоки ее хлестали по самолету, легкая пена тумана уступила место мутной, серой водяной пелене. Емельянов с штурманом, отчаявшись привести в порядок радиоустановку, принялись извлекать и налаживать аварийную. Механик, балансируя на правом кресле, пытался исправить не работавшие, но уцелевшие приборы.

Тьма сгущалась. Самолет вздрагивал от резких толчков. На высоте двухсот метров окна посветлели: машина выходила из облаков. Еще пятьдесят метров — и внизу показались извилистые белые гребни волн. Океан продолжал бушевать. Под угрюмо нависшими тучами, в узкой щели между облаками и громадными волнами, самолет, подобно настоящему буревестнику, прокладывая свой путь со стремительной силой. Машину бросало и покачивало, обломки и незакрепленные вещи перекатывались по кабине.

Порывы ветра, заглушаемые гулом моторов, с яростной силой набрасывались на самолет и бессильно скользили по гладким, полированным, заметно вибрировавшим крыльям. Замечательная конструкция самолета позволяла ему садиться и на воду; но вынужденный спуск в бе-

зумное метание вздыбленных вод был гибельным даже и для летающей лодки. Впрочем, летчиков занимали сейчас совсем другие мысли: сложные расчеты возможных ошибок ненадежного магнитного компаса, дрейф воздушного корабля, расход горючего...

Сергиевский передал управление Емельянову (рана второго пилота была пустяковой), а сам вместе с штурманом склонился над развернутыми картами. Аварийная радиоустановка почему-то никак не хотела действовать, и серьезно раненный радист не мог помочь летчикам. День угасал, туман над океаном густел, а все еще ни один радиопеленг не зазвучал в наушниках.

— Давайте английскую карту 2927! — распорядился Сергиевский.

Зубчатые голубые, красные линии штормов и пассатов перекрещивались со стрелками на квадратной сетке карты. Вычисления были недостаточно точны — слишком мало давали показания уцелевших навигационных приборов. Однако гостеприимный берег — там, далеко впереди, — простирался на тысячи миль. Отклониться настолько сильно на юг и на север, чтобы миновать его, было невозможно. Взвесив все, Сергиевский успокоился.

Две лампочки в потолке кабины ярко освещали разбитые щитки приборов. Океан скрылся, отступив в темноту, в которой лишь угадывалось его опасное присутствие. Уже тысячи километров водной пустыни остались позади, но внизу по-прежнему были одни волны, только волны — вечное дыхание необъятной массы воды.

Полет продолжался более полусуток, и далекая цель, несмотря на задержку самолета в бою и штормовые условия полета, должна была значительно придвинуться.

Время ползло медленно, гораздо медленнее, чем стрелки указателей расхода горючего. Больше трех тонн бензина еще находилось в баках самолета, но это было уже много меньше половины первоначального запаса. Расход горючего был чересчур высок: встречный ветер мешал самолету двигаться с нужной скоростью.

Сергиевский пытался успокоить себя разумными рассуждениями, что все равно ничего не поделаешь — нужно лететь и лететь, а там видно будет. Погода не благоприятствовала определению места самолета: область циклона осталась позади, но высокие облака закрывали звезды. Ночь тянулась бесконечно, времени для тревожных мыслей

оставалось утомительно много. Девятнадцать часов полета — и все еще никаких признаков береговых огней!

Теперь было ясно, что не только шторм задержал самолет, но еще и отклонение от нужного курса. Сергиевский повернул немного к северу, пытаясь выправить предполагаемое отклонение к югу.

Безупречные моторы работали, как в первый час полета, хотя сделали уже три с половиной миллиона оборотов. Оставалось всего полтонны бензина, а берега все нет.

Рассвет наступил быстро. Солнечный багрянец залил половину океана позади самолета. Прозрачное утро, казалось, несло надежду и радость. А стрелки бензиномеров всё ползли и ползли налево, к грозной для пилота цифре — белому кружку нуля с толстой чертой, подчеркивающей страшный символ: горючего больше нет!

Отсутствие земли казалось невероятным и тем не менее было совершенной реальностью. Еще немного — и могучая сила моторов погаснет, бешено крутящиеся воздушные винты остановятся, и воздушный корабль беспомощно рухнет в волны. Волны словно ждали своей добычи — плавно и мерно вздымались они из глубин океана, застывая на миг перед тем, как сникнуть, будто пытаясь достать низко летевший над ними самолет.

Появление солнца дало возможность определиться.

— Двадцать семь градусов широты! — воскликнул Сергиевский. — Мы взяли порядочно к югу... Самое важное для нас долгота, а с ней-то хуже — примерно семьдесят девять западной... Ну, товарищи, должна быть видна земля.

Пилот набрал высоту. Действительно, едва заметная, похожая на неподвижный гребешок высокой волны темная полоска возникла на горизонте. К ней жадно устремились взгляды воспаленных, усталых глаз. Емельянов поднял бинокль, и Сергиевский увидел, как летчик облегченно вздохнул. Полоска темнела и утолщалась. Вот ее верхний край стал неровным — обнаружили закругленные вершины гор или холмов. Еще двадцать минут — и белая пена прибоя стала отчетливо видна. Моторы, черпая последние литры бензина, гулко ревели, набирая высоту для решающей минуты вынужденного спуска. Сесть на воду у берега было нельзя — мощные волны бились о тупые выступы темных камней; крутясь в провалах и трещинах, отбегали назад извивы пенящихся струй.

Выше полосы прибоя берег вздымался гранеными уступами, с густым зеленым ковром по распахнутым вверх склонам ущелий и неглубоких долин. Здесь тоже ничто не указывало на возможность благополучной посадки. За прибрежными горами местность понижалась и, насколько хватал глаз, была покрыта сплошным лесом. Местами блестили на солнце зеркальные пятна болотной воды. Направо, в отблесках моря, очень далеко на севере, выступал узкий мыс, на котором угадывалось белое возвышение, сделанное человеческими руками, — возможно, башня маяка.

Сергиевский заметил уже ясно вырисовывавшиеся на берегу деревья. Это были пальмы. Стрелки бензиномеров трепетали на нуле, — товарищи Сергиевского изо всех сил качали ручные насосы, не отрывая взгляда от своего командира. Слева берег заворачивал внутрь суши и отклонялся на запад. Самолет перелетел гребнистый и длинный, покрытый пальмами мыс, и в этот момент неожиданно наступила тишина. Моторы остановились. Только крайний левый еще издал несколько стреляющих вспышек, перед крыльями замахали лопасти пропеллеров, словно предупреждая о том, что больше держать корабль в воздухе они не могут.

— Прыгать по очереди через левую дверь. Емельянов, распорядись! — приказал Сергиевский, толкнул штурвал вперед и повел тяжелую машину вниз по пологой линии, стараясь протянуть спуск как можно дольше и в то же время избежать роковой потери скорости.

В грозной тишине спускался самолет. Он покачнулся. Справа взвились вверх зеленые выступы гор. Еще немного — и блестящий металл красивой птицы сомнется, разлетится на бесформенные куски вместе с исковерканными трупами летчиков. Но экипаж самолета безмолвствовал, затаив дыхание, не решаясь расстаться с прекрасной машиной и надеясь на искусство пилота. А Сергиевский, отдав приказ, уже не думал о людях, весь уйдя в полное надежды усилие сохранить самолет и его груз. Две-три секунды — земля приближалась... Но тут пилот заметил небольшую спокойную бухту, загражденную лесистыми выступами берега от ударов прибоя. Решение вспыхнуло мгновенно: поворот, еще бóльший наклон самолета вниз — и земля помчалась навстречу...

Сергиевский резко рванул штурвал на себя, осадив огромную машину, как послушного коня. Не выпуская

шасси, самолет задел низкий лесок на выступе берега в грохоте ударов и треске ломающихся деревьев. Обессиленная серебряная птица смяла деревья, как траву, тяжело плюхнулась в воду бухты и скользнула по ней среди брызг. Пробежав полторы сотни метров, она остановилась совсем близко от высокого противоположного берега. В последнюю секунду движения Сергиевский еще успел выпустить шасси, чтобы использовать малейшую возможность задержать инерцию тяжелого корабля. Маневр удался: огромная машина легла на прозрачную голубоватую воду, слегка накренившись на правое крыло.

Самолет еще покачивался и вздрагивал, когда летчики выбрались на крыло. Гнетущая тяжесть ответственности свалилась с души Сергиевского. Он расправил плечи, радуясь ослепительному солнцу, ласковой воде и буйной тропической зелени. Глубина воды под самолетом не превышала трех метров, колеса шасси уперлись в плотный песок постепенно подымавшегося дна. Герметическая кабина не пропускала воды, а носовая пробоина находилась выше уровня осадки самолета.

— С прибытием, товарищи! — весело сказал Сергиевский. — Правда, не совсем к месту назначения, но это не беда. Могло быть и хуже. А сейчас мы где-то во Флориде...

Зной, причудливые формы незнакомых растений и без пояснений говорили о далеком юге.

Все происшедшее за последние сутки казалось быстро промелькнувшим сном.

— Ну, Робинзоны, еще раз осмотрим самолет и поспим немного. Рекомендую раздеться, не то сваримся в комбинезонах.

Посоветовавшись с механиком и вторым пилотом, Сергиевский решил после отдыха подпереть хвостовую часть и правое крыло какими-нибудь стойками для обеспечения полной безопасности машины от увязания в грунте во время отлива.

Полдненное солнце нагрело самолет, ослепительно отражаясь от его полированной поверхности. Летчики вылезли, отдуваясь, наружу. Раненому радисту стало лучше, и он был удобно устроен на сквозняке, между двумя вынутыми окнами.

Летчики разложили складную резиновую лодку, готовясь отправиться на берег за подпорками для машины.

Сергиевский оставил одного из стрелков дежурить в самолете и, поднявшись на верхнюю часть левого крыла, оглядел бухту, выбирая наиболее подходящие деревья.

Гладкая вода бухты имела сердцевидный контур. В середине берегового выступа возвышалась крутая скала с тонкими, изогнутыми пальмами. Направо когтеобразный мыс порос перистыми деревьями, сплошь покрытыми белыми цветами. Мыс пересекала широкая дорога, проложенная самолетом. Обломанные вершины, вывороченные с корнем деревья и нагроможденные у края воды свежерасщепленные стволы привлекли внимание Сергиевского. «Много материала для стоек наготовили», — усмехнувшись, подумал летчик. Некоторые обломки деревьев были отброшены далеко в глубь бухты — такова была сила удара самолета, прочность его корпуса.

— Да, если бы не этот пружинящий забор... — вслух сказал сам себе Сергиевский и, не докончив мысли, поглядел на противоположный берег бухты, о который неминуемо бы разлетелась вдребезги длиннокрылая машина.

Погрузившись в лодку, летчики медленно двинулись по зеркальной воде, нехотя морщившейся вокруг. Там, где в прозрачной воде громоздились расщепленные обломки деревьев, придавленные сверху целым лесным завалом, летчиков поразила невероятная, незабываемая картина.

Ровный плотный песок на дне давал однотонную, казавшуюся бурой поверхность сквозь голубеющую воду. Над ней во всех направлениях в пронизывающих воду солнечных лучах изгибались и двигались, переплетались и перемешивались струи глубочайшего синего и огненно-золотистого цвета.

Небольшой песчаный бугорок на дне, под грудой обломанных стволов был окаймлен светло-синим полукольцом, заполненным клубами искрящегося золота и чистой сини. Временами между золотом и синью мелькали извивы алых, пылающе-пурпурных и изумрудно-зеленых струй. Сказочная симфония сверкающих красок переливалась, отсвечивала, клубилась и струилась, приковывая взгляд своим почти гипнотическим очарованием.

Ошеломленные невиданным зрелищем, летчики долго не могли отвести взгляда, пока наконец Сергиевский ре-

шительным толчком не ввел лодку прямо в клубящееся золото. Налево два обломка, отброшенные в глубину бухты и воткнувшиеся в дно, стояли почти вертикально, и вокруг них извивались те же струи золота с синью, только более узкие и прозрачные.

Сладкое благоухание таинственных деревьев распространялось в воздухе, усиливая впечатление чудесного. Вода в этом уголке бухты опалесцировала слабыми, как бы разведенными во много раз, но такими же безупречно чистыми красками золота, сини и пурпура.

Сергиевский и его товарищи вошли в мелкую воду у берега и принялись выбирать подходящие для стоек обломки деревьев. Стволы не были толстыми — всего шесть-семь сантиметров в диаметре, — с очень плотной и тяжелой древесиной. Сердцевина дерева была темно-бурого цвета и окаймлялась почти белым наружным слоем.

Механик, найдя расщепленный пополам ствол, погрузил его для опыта в воду. Сначала — первые две-три минуты — в воде медленно распространилось едва заметное голубое опалесцирующее облачко, затем от ствола начали отделяться маленькие радужные струйки.

Так вот разгадка чудесных красок в воде бухты — присутствие расщепленной древесины загадочного дерева! Сергиевский внимательно смотрел на берег, стараясь запомнить очертания деревьев. Ничего особенного не было в их раскидистых ветвях, перистых листьях и гроздьях белых цветов.

Вдруг откуда-то из-за мыса донесся слабый, но отчетливый шум, который нельзя было спутать ни с каким другим звуком, — мотор! Далекое гуденье было ровным и сильным, несомненно приближавшимся к бухте.

— К самолету! Скорее! — скомандовал Сергиевский.

С левого крыла, приподнявшегося над водой, виднелись волны, размеренно и непрерывно катившиеся на берег. Обогнув длинный восточный мыс, серый моторный катер неожиданно рассек плавные волны белым пенящимся бурюном. Нос, высоко поднявшийся над водой, слабо покачивался, под ним лежала черная тень, а металлические части орудийной и прожекторной установок горели туманными огоньками.

Катер повернул, моторы стихли, и маленькое судно подлетело к самолету. На носу его выросли крупные фигуры моряков береговой охраны в белых куртках и широ-

ких трусах, казавшихся легкомысленным нарушением необходимой суровости военной формы.

Переговоры не затянулись, и катер исчез также быстро, как появился, а спустя некоторое время два куцых гидросамолета тяжело опустились на воду большой бухты, в километре к западу от бухты «радужных струй». Раненый и часть груза были взяты на гидросамолеты, в баки советской машины влило две тонны бензина. Оставалось ждать прибытия двух судов, для того чтобы во время отлива отбуксировать самолет из маленькой бухты через узкий проход между рифами.

Короткие сумерки сменились густой темнотой. Сергиевский спохватился, что нужно взять с собой образец волшебного дерева, иначе все виденное в бухте скоро покажется невероятным сном. В ожидании восхода луны летчик поднялся на крыло самолета и увидел отчетливое голубое сияние, распространившееся в воде вокруг стоек, подпиравших крыло и хвост самолета. Удивленный новым проявлением чудес бухты, пилот поглядел в сторону сокрушенного самолетом леса. Окруженное темной водой, яркое голубое пятно горело там, где днем сверкали извивы радужных струй.

Сергиевский опустился в лодку и поплыл к светящемуся пятну. Вокруг расщепленных стволов вода казалась облаком светящегося голубого газа, бросавшим серебристый отблеск на лицо и руки Сергиевского. Света, испускаемого водой, было достаточно, для того чтобы ориентироваться, и летчик быстро отобрал несколько кусков древесины, не забыв прихватить и ветки с листьями и цветами.

Во время работы по буксировке самолета из бухты Сергиевскому было не до расспросов, а потом, когда бухта «радужных струй» осталась позади, летчику уже не удалось узнать ничего вразумительного. Дерево, о котором он рассказывал, было знакомо местным жителям под названием сладкого дерева. Оно встречалось здесь редко, и никто не слышал о чудесных свойствах его древесины.

Медленно и осторожно, вместе с отливом, серебряный корабль был выведен на простор спокойного моря, и рев моторов потряс безмятежный тропический берег.

Альбатрос покинул навсегда чудесную бухту и вскоре перенес обратно через океан всю маленькую группу людей, удостоенных судьбой увидеть одно из неизвестных чудес природы.

Профессор Кондрашев повернулся на высоком стуле к входившему в лабораторию Сергиевскому и молча протянул ему стойку с пробирками, на дне которых лежали маленькие кусочки волшебного дерева, привезенного летчиком.

В воде переливались и блестели струйки и облачка огненно-желтого и синего цветов, иногда переходившие в зеленовато-желтые или сверкающе голубые тона.

— Похоже на вашу бухту? — вопросительно улыбнулся профессор.

— Не совсем, — серьезно ответил летчик. — Там краски и свечение были куда ярче.

— А, конечно, — спохватился Кондрашев, — ведь в бухте вода-то морская! — и капнул в пробирки по несколько капель какого-то раствора.

Синь тотчас сгустилась и из прозрачной стала почти непроницаемой для глаза, а желтые облачка показались отлитыми из червонного золота.

— Оказывается, — пояснил профессор, — добавление в пресную воду небольшого количества щелочей резко усиливает способность дерева окрашивать воду. Впрочем, это не краска, а какое-то особое вещество, еще не разгаданное наукой. Его способность светиться и опалесцировать может оказаться весьма ценной. Дерево мне удалось определить — оно сродни обыкновенным серым орехам, но является очень древним представителем этой группы и называется эйзенгартия. Эйзенгартия существовала не менее шестидесяти миллионов лет назад. Сейчас это кустарник, широко распространенный на юге Соединенных Штатов и не обладающий никакими чудесными свойствами — очевидно, выродившийся в неблагоприятных условиях жизни. И вот оказывается, что в южной Мексике, на Юкатане, и очень редко там, где вы были, эта же самая эйзенгартия сохранилась в виде небольшого дерева, так же, как в древние эпохи своего существования. Это дерево обладает особыми, уже знакомыми вам свойствами. Именно оно и представляет собою «коатль» ацтеков, или «дерево жизни» средневековых ученых. Вам, дорогой, принадлежит честь открытия — вернее, возобновления открытия этого ценного растения.

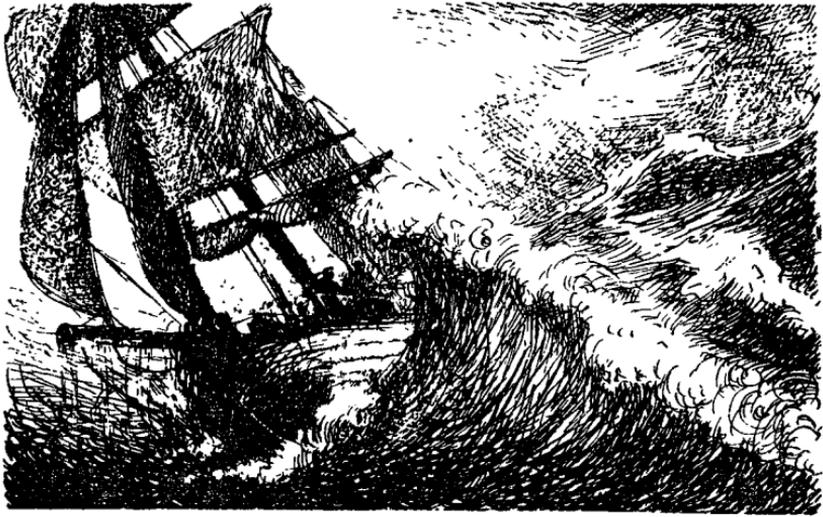
Профессор встал и торжественно извлек из стеклянного

шкафчика небольшой бокал из темной древесины эйзенгартии.

— Вам, — продолжал он, наливая в бокал чистую воду из колбы, — по праву надлежит первому выпить волшебный напиток, сохранявший здоровье средневековых владык...

Вода в темном бокале казалась зеркальцем глубочайшей синевы. Сергиевский, смущенно улыбаясь, принял бокал из рук профессора и, не колеблясь, осушил до дна.

ПОСЛЕДНИЙ МАРСЕЛЬ

Корабль умирал. Море, несколько часов тому назад покорно несшее его на себе, теперь врвалось в него с глухим плеском. Горячее сердце судна остыло и смолкло, в машинном отделении воцарилась гробовая тишина.

Лишенный хода корабль тяжело качался с борта на борт, уваливался под ветер, рывком бросался к ветру и опять продолжал свое неравномерное вращение.

Нос корабля поднялся, высоко выставив над волнами красные скулы и ржавое закругление форштевня. На палубе, заваленной обломками, битым стеклом, обрывками тросов, не видно было людей. День, вначале солнечный и веселый, кончился туманом, липнувшим к волнам и, казалось, душившим даже ветер. Туман густел и обтекал корабль, охватывая его не спеша, как заранее обреченную жертву.

Семь часов назад «Котлас» был вполне исправным транспортом, совершавшим свой шестой рейс из Америки

в СССР. Вместе с десятком более крупных пароходов под командованием военных судов «Котлас» благополучно проделал большую часть пути, несмотря на два налета немецких бомбардировщиков.

Если бы корабль мог говорить, он рассказал бы, как в солнечной синеве погожего осеннего дня появились фашистские бомбардировщики и завязался бой. «Котлас», один из «малышей» каравана, шел в числе концевых кораблей. Грязно-серый «юнкерс», круживший вначале над головными крупными кораблями, неожиданно отвернул и, задрвав хвост, ринулся на «Котлас». Зенитка бесстрашно встретила ревущее чудовище, но «Котласу» не повезло. Одна бомба, сокрушив гакаборт, разорвалась под кормовым подзором, подбросив судно так, что исковерканный руль на секунду повис в воздухе; другая — через полуют проникла в заднее отделение кормового трюма. «Котлас», потеряв руль и винты, под угрозой затопления топок стравил пар.

Громкое шипенье, как тяжелый вздох, разнеслось вокруг, оповещая караван об аварии одного корабля. Начальник конвоя не счел себя вправе из-за этого задерживать весь караван. «Котлас» был взят на буксир кораблем охранения, раненых перевезли на другое судно, и дым от многочисленных труб закрыл горизонт впереди: караван, развивая ход, двинулся своим путем.

В течение пяти часов оба оставшихся корабля шли спокойно, надеясь вскоре увидеть эсминец, который начальник конвоя обещал выслать навстречу, едва караван минует опасную зону. Но задул свирепый норд-вест, ветер развел волну, буксир оборвался. Вся команда «Котласа», не исключая кочегаров и машинистов (кроме тех, которые во тьме трюмов боролись с проникновением воды через разбитый рецесс и туннель гребного вала), была на палубе, выбирая тяжелый перлинь буксира. Отчаянными усилиями обрыв буксира удалось ликвидировать. Но перлинь лопнул вторично, и почти у самой кормы буксирующего корабля. В довершение всего, появился вражеский разведчик.

Не успели моряки «Котласа» полностью выбрать буксир, как вызванные разведчиком бомбардировщики атаковали из-за облаков оба судна. Сторожевик получил две пробоины и, приняв сотни две тонн воды, осел носом. Бомбардировщики старались уничтожить корабль охранения,

справедливо полагая, что без него беспомощный «Котлас» все равно не уйдет. Израсходовав тяжелые бомбы, фашисты бросили на палубу «Котласа» лишь несколько осколочных, а затем долго секли оба корабля пулеметными очередями. При этом погибли капитан «Котласа», боцман и несколько моряков: некоторые были ранены.

Самолеты исчезли, но поврежденный ими сторожевик больше не мог буксировать: он сам оказался в опасном положении. Оставалось одно — уходить, пока сторожевик еще не потерял возможности двигаться своим ходом. Командир сторожевого корабля предложил затопить «Котлас», но старпом парохода, заменивший убитого капитана, отказался. Вместе с ним решили остаться все не получившие ранения моряки с «Котласа». Они хотели продолжать борьбу за живучесть гибнущего корабля, надеясь на скорый приход эсминца конвоя.

Сторожевик ушел, взяв на борт раненых с «Котласа». Море было пустынным, и таким же пустым, покинутым казался «Котлас», медленно дрейфовавший на зюйд-зюйд-ост. Рация на нем больше не работала, паровые донки не могли откачивать воду, свет отсутствовал. В сущности, это был лишь холодный труп корабля, еле державшийся на воде. Но с ним оставались шесть моряков.

Один из них, высокий, худощавый, осматривал рубку. Это был старпом «Котласа» Ильин. Углы его рта опустились, на щеках обозначились длинные вертикальные морщины, отчего лицо стало напряженным и жестким. Туман — прежде друг, скрывавший корабль от врага, — сейчас был грозной опасностью. Найти «Котлас» в обширной зоне тумана для шедшего на помощь корабля конвоя было непосильной задачей. Дать радио Ильин не мог: для гудков не было пара. Оставалось бить в колокол, рискуя приманить подводную лодку или рейдер врага.

Старпом задумался. Скоро ночь, норд-вест, по-видимому, установился надолго. Холодный ветер, пролетая над теплыми струями Гольфстрима, подхватывает насыщенный водой воздух и гонит его сюда, сгущая в туман. Дрейф несомненный, и этот дрейф несет «Котлас» к вражеским берегам. До них далеко, но и осенняя ночь длинна, и если вовремя не придет помощь... Ильин сжал зубами мундштук давно погасшей трубки, представив себе растаявший поутру туман и «Котлас» в виду вражеского берега.

Волна плеснула, слабо звякнула дверца шпигата. Этот звук напомнил старпому картину недавних похорон погибших в бою товарищей и капитана «Котласа». Ильин любил капитана, и мало кто на судне знал о задушевной дружбе, связывавшей обоих. У старпома снова защемило сердце, как в тот момент, когда он наклонился над смертельно раненым капитаном. В последний раз заглянул он в глаза друга, которые вдруг потеряли обычную серьезность и смотрели на старпома по-детски открыто и ясно. Побелевшие губы разжались. Ильин уловил слабый шепот: «...вам... Вы сохраните для...» Старпом так и не узнал, говорил ли капитан о корабле или о своей заветной тетради.

Капитан уже несколько лет писал записки по истории русского флота.

«История русского флота,— не раз говорил капитан Ильину,— для меня делится на три части. Одна — это военный флот, имеющий большую официальную историю. Вторая — торговый флот, такой истории не имеющий. Длинная цепочка тянулась от царствующего дома (тут капитан пускал крепкое морское слово) до хозяев. Кому здесь было историю писать? Однако русский торговый флот рос и развивался, давал замечательных моряков, и тут он никому, кроме как русскому народу, не обязан. О нем вы прочтете в разных произведениях, учебных и литературных. Но уж совсем никакой истории не имеют те русские моряки, которые не нашли себе места в царской России и вынуждены были уйти на чужие корабли. Об этих подчас замечательных моряках ничего не известно, истории своей они никакой не имеют. Пробел этот я пытаюсь заполнить. Ведь я — из старинного моряцкого рода и многое знаю такое...»

Все это Ильин вспомнил сейчас, стоя на исковерканной палубе «Котласа».

* * *

Два керосиновых фонаря, качаясь и копя, бессильны разогнать душный мрак. Вода выше пояса. С каждым размахом судна тяжелая масса воды грозно и глухо ударяет в переборки. Эта черная, кажущаяся неимоверно глубокой вода — самый неумолимый, опасный враг.

— Ух, холодище! — послышался ясный молодой голос откуда-то из темноты.

— Ничего, Витя, сейчас погреемся! — отозвался другой, хрипловатый голос. — А ну, Титаренко, давай ее сюда.

— Не подпереть, выдавливает...

— А богатырь наш где?

— Курганов, на подмогу!

— Не могу, мы тут с механиком...

— Стой! Вот попало... Давай жми, дер-жи-и-и! Эх, проклятая!..

— Выдавило опять? — спросил сверху Ильин. — Сейчас я спущусь... Заводи под стрингер... Стой!.. Так, бей!

Удары молота, всплески воды, резкие окрики наполняли темное и тесное помещение.

— Фу! — отдуваясь, сплюнул кто-то. — Нахлебался...

— Вкусна трюмная водичка? — подшутил над ним другой голос.

— Как будто всё, Матвей Николаевич? — негромко спросил Ильин.

— Всё пока, — ответил второй механик, Головин, беспрерывно отплеываясь.

— С туннелем справились, — продолжал старпом. — А в машинном?

— Там ничего не сделаешь! — И невидимый в своем углу механик махнул рукой, появившейся в свете фонаря. — Гребной вал согнут, сальники протекают, ахтерпик разбит, рецесс разбит, коридор поврежден — давить все равно будет...

— Да, тут подкрепить нечем, — согласился старпом.

Насквозь промокшие моряки вылезли на палубу, где их сразу до дрожи в теле прохватило холодным ветром. Солнце село, но было еще достаточно светло, чтобы видеть, насколько плотен туман — даже шпиль на приподнятом носу «Котласа» расплывался. Пятеро мокрых, дрожащих людей посмотрели на Ильина, и на лицах их был написан один и тот же вопрос. Молодое, красивое лицо третьего помощника казалось растерянным, механик зло закусил губу, а гигант-кочегар угрюмо хмурился. Ильин предложил всем поскорее переодеться и подкрепиться, а затем поочередно дежурить у судового колокола, уцелевшего на покривившейся стойке. Это было единственное средство дать знать о себе — звонить в колокол. Делать это надо осторожно, все время прислушиваясь, и чуть

что — прекратить и звать всех наверх. «А там — как судьба!» — заключил Ильин и, сопровождаемый своим немногочисленным экипажем, направился в каюту.

* * *

— Прибавляется? — отрывисто спросил механик.

— Еще фут.

— Порядочно, даже чересчур! — Механик вопросительно посмотрел на старпома.

— Запускайте, — распорядился Ильин. — Бензина мало, но другого выхода нет.

Механик поманил рукой кочегара, и оба исчезли в темноте. Скоро к размеренным ударам колокола прибавилось пыхтение мотора. Механик кончил регулировку, любовно погладил по гладкому зеленому цилиндру бензиновой помпы:

— Выручай, милая!

Слегка сконфузившись, он посмотрел на стоявшего с фонарем кочегара. Но кочегар прислушивался к звуку мощной струи воды, лившейся за борт, и одобрительно кивнул:

— Маленькая, да удаленькая! Эх, хватило бы бензина!.. — Кочегар замолчал и совсем другим тоном закончил: — Пойдемте, Матвей Николаевич.

Темная, беспросветная ночь, нависшая над кораблем, тянулась медленно. Моряки собрались в каюте старпома, поближе к выходу. Сменялись дежурные у колокола — входили заочневшие, отогреваясь приготовленной на столе стопкой. Много раз старпом и механик спускались в трюмы измерить уровень воды. И по мере того как шло время, приближаясь к рассвету, все меньше оставалось надежды на спасение корабля. Приток воды усиливался. Глухой стон переборки и скрип упоров говорил о возрастающем давлении воды. Если еще в помпе кончится бензин... Моряки старались не раздумывать, скрашивали тяжелое ожидание шутками и рассказами, но под конец все замолчали. В тишину едва освещенной каюты зловеще и настойчиво доносились редкие удары колокола, словно твердившие упрямо: «Нет, нет...» Минуты тишины, нарушаемой слабым тархтеньем помпы, и снова: «Нет, нет...»

Кочегар вдруг смущенно улыбнулся:

— Спой-ка нам, Витя...

Остальные поддерживали его.

Третий помощник, Виктор Метелицын, не заставил себя упрашивать. Юное лицо его порозовело и стало мечтательным, едва только пальцы коснулись гитары, которую он принес из своей каюты. Высокий, сильный голос запел всем знакомую песню. Метелицын пел, склонившись слегка набок и подняв красивое лицо к тускло светящему фонарю. Мрак каюты, квадрат белой скатерти на столе, и снаружи, в открытую дверь, — настойчивые удары колокола, которые уже не казались зловещими, а как бы аккомпанировали песне... Надолго запомнил этот предрассветный час каждый из четырех моряков, слушавших молодого помощника.

Ты, родина, долго страдала,
Сынов своих верных любя.
Ты долго меня ожидала...

Голос певца оборвался. Последняя высокая нота еще звучала в гитарной струне, когда, словно подчиняясь певцу, внезапно замолчал и колокол. Ильин быстро выбежал к дежурившему матросу Чегодаеву.

— Мотор, Антон Петрович! — прошептал матрос.

Едва различимый рокот почудился Ильину. Моряки долго стояли в безмолвии ночи. Потом снова запустили остановленную было помпу.

Близился рассвет, но туман не пропускал лучей солнца, и контуры судна всплывали из сумерек рассвета очень медленно. Ильин вместе с молодым помощником упорно старался определить скорость дрейфа корабля, пока после долгих расчетов не убедился, что судно за ночь сильно отнесло к зюйд-осту и приблизило к вражеским берегам. Исчезла последняя надежда на помощь: слишком много воды принял «Котлас», чтобы долго держаться на поверхности, и слишком далеко отнесло его.

Под испытующим взглядом товарищей старпом сохранял спокойствие. Он не хотел сообщать печальные вести, прежде чем люди не подкрепятся, и с бодрым видом председательствовал за столом, чудом державшим тарелки на своей наклонной плоскости. Дневной свет после полной тревог ночи, казалось, обещал скорое появление помощи. Моряки повеселели.

Вдруг Головин изменился в лице и, с грохотом двинув

стулом, бросился на палубу. Все замолчали, быстро поняв, в чем дело: остановилась помпа. Это значило, что бочка бензина, присоединенная шлангом к баку мотора, опустела и, следовательно, до гибели «Котласа» остались считанные часы.

— Пойдемте, друзья, на палубу, на простор, посоветуемся! — Эти непривычные в устах строгого старпома слова подчеркивали наступление критического момента.

Из-за крена на палубе было трудно стоять. Пятеро моряков уперлись спинами в переднюю стенку рубки, защищавшую их от ветра, и выжидательно смотрели на Ильина. Тот, сгорбившись и расставив ноги, чтобы противостоять качке, обдумывал те простые и грозные слова, которые сейчас должен был сказать товарищам. Волны заливали корму и набегали на палубу со стороны накрененного борта. Изредка корабль вздрагивал, будто по его большому телу пробегала судорога, и тогда глухо звякал маленький колокол.

— Друзья, надежды сохранить корабль больше нет, — начал тихо, не поднимая головы старпом. — Через час «Котлас» пойдет ко дну. Мы отнесены ветром и течением к берегам Норвегии, захваченной немцами. Шлюпки разбиты. Есть спасательные плоты, но продержаться на них долго мы не сможем, а подобрать... подобрать нас могут только враги. Значит, плен. Если выживем, прибудем к берегу — тоже плен... или...

Старпом открыто взглянул на побледневших товарищей.

Механик зябко вздрогнул. Ему представился клочок грязной земли, обнесенной колючей проволокой, и за ней — толпа измученных, исхудалых людей с погасшими глазами... «Нет, никогда!» Словно отвечая ему, Метелицын закричал:

— Только не плен! — и сжал рукой тяжелый револьвер.

Шестеро моряков стояли лицом к лицу с невыносимой для мужественных людей судьбой — погибнуть без борьбы.

— Не нужно, — отстранил револьвер помощника кочегар Курганов. — Я думаю так, — кочегар ударил своим огромным кулаком по стенке рубки, — в плен нам нельзя, а так умирать тоже неладно. Надо прибиваться к берегу. Высадимся и будем биться... Я уж себя меньше чем за

десяток не продам. А патроны кончатся — с этим всегда успеем... — Курганов показал на револьвер.

Словно горячим ветром пахнуло на моряков от слов кочегара. Смерть в бою не казалась тяжелой. Метелицын поспешно спрятал револьвер. Ильин крепко пожал руку кочегару.

Туман рассеивался, видимость улучшалась.

— Сцепим оба плота, — распорядился старпом, — иначе нас быстро унесет в разные стороны. Что приготовили? — обратился он к Метелицыну.

— Воду, галеты, шоколад, вино... — перечислял помощник.

— Водку, спирт. А колбаса есть?

— Есть.

— Еще один автомат возьмите в каюте капитана. Револьверы у троих, одну винтовку в запас, патроны грузите все. Компас, фонарь, журнал и карты района на всякий случай... Да сапоги не забудьте подвязать накрепко!

Старпом критически осмотрел, как принайтовлены к плотам тючки, и поспешил в капитанскую каюту. Он бережно завернул толстую черную тетрадь в клеенку и бегом вернулся на палубу. Возраставший крен судна заставлял торопиться: вода с правого борта подступала уже к центральной надстройке, корма скрылась в волнах. Тетрадь капитана Ильин засунул вместе с картами и журналом в жестяной ящик.

Скользя по мокрой наклонной палубе, моряки перетаскивали оба сцепленных вместе плота ближе к корме, надели спасательные нагрудники и торопливо выпили по стакану водки. Кочегар, старпом и рулевой вооружились веслами, чтобы отвести плот подальше от тонущего корабля.

Решительная минута приближалась, но моряки невольно задерживались на палубе. Внутри корабля раздался глухой, похожий на тяжелый вздох шум. Корпус содрогнулся и начал заметно оседать.

— Пора! — резко скомандовал старпом.

Моряки выпрямились, обводя взглядом палубу, прощаясь с родным кораблем. Их ждали одиночество и полная неизвестность. Ильин нахмурился и, схватившись за петлю леера, потянул плот через фальшборт. Волны приняли моряков в свои ледяные объятия. Плоты отошли.

— Ну и вода!.. — через силу выговорил механик.

Никто не ответил. Все смотрели в сторону «Котласа».

Для всякого представляющего себе гибель судна лишь по картинкам обычно рисуется уходящий носом в воду корабль с вертящимися в воздухе винтами и развевающимся на корме флагом. Но страшно самому видеть тонущее судно, особенно когда оно тонет кормой. Корабль словно падает навзничь, в судорогах поднимая высоко нос, затем медленно переворачивается, показывая ослизлое, обросшее днище, безобразное, подобное разложившемуся трупу, и медленно исчезает в волнах. Такое зрелище представало перед моряками «Котласа», уносимыми ветром и течением в даль моря.

* * *

Никто из них не мог сказать, сколько прошло времени -- может быть, всего несколько часов, может быть, несколько суток: в сознании моряков перестали существовать обычные человеческие представления. Только воля еще жила в этих полумертвых телах. Это она заставляла людей поднимать голову над захлестывавшими волнами и держаться за леера продетыми по локоть в петли руками: кисти рук, опухшие и сведенные, не могли больше служить морякам.

Инстинктивное ощущение близости берега проникло в слабеющее сознание старшего помощника. Ильин поднял тяжелую голову и некоторое время боролся с плававшими в глазах черными пятнами. Наконец ему удалось разглядеть, что берег совсем близко. Редкий на море, возле берега туман становился гуще. В глубине скалистого коридора — фиорда, — черные ворота которого привлекли внимание Ильина, туман стоял плотной сизой стеной.

— Берег! Берег! — хрипло прокричал кочегар.

Моряки зашевелились, собирая остатки сил. Ильин достал заветную бутылку со спиртом. Девяностопятиградусная жидкость вливалась в горло, и в глазах моряков появился живой, осмысленный блеск. Ильин настолько пришел в себя, что сказал кочегару:

— Хорош сейчас наш десант!

— Спрятаться надо на берегу, пока в себя придем, — отозвался Курганов.

Крутые темно-серые стены фиорда надвигались и выростали, всплывая из тумана. Теперь моряков относило налево, за скалистый мыс или остров, за которым фиорд раз-

ветвялся, выдвигая посередине скалистый клин. От клина шла полоса ровной земли, поросшей деревьями, осенняя листва которых едва краснела сквозь туман. Дальше ничего не было видно, а близ устья фиорда, на обрывистом каменном мысу, выступали четыре белых домика, гуськом спускавшихся по пологому склону.

Против мыса волны начали швырять плоты. С большим трудом морякам удалось обогнуть мыс, и они очутились на спокойной темной воде, в белесой мгле густого тумана. Отвесные скалы отошли, образовав полукруглую бухту. Ближний берег бухты представлял нагромождение огромных камней, разделенных узкими протоками. Меж этих камней виднелись две высокие мачты парусного судна, а дальше сквозь туман смутно рисовался целый лес мачт.

Ильин тихо щелкнул языком от неожиданности. Моряки на своем плоту осторожно продвигались по протоку, надежно скрытые высящимися с обеих сторон черными камнями. Узкий просвет пересекся бушпритом судна, чьи мачты моряки заметили при входе в бухту. Напряженно вытянув шею, все шестеро старались разглядеть это судно. Что-то в его внешнем облике говорило о том, что судно давно не ходило в море: рангоут был убран, швы конопатки виднелись четкими серыми линиями на черном борту.

Тихо причалив к тупому носу парусника, моряки внимательно прислушались. Ни одного звука не доносилось с палубы или изнутри. Судно, очевидно, было пусто. Старпом молча кивнул. Товарищи поняли его без слов. По узкой полосе воды между левым бортом судна и каменистым обрывом люди быстро добрались до руля, надеясь по нему подняться на судно, и увидели свисавший по срезанной прямо корме парусника штормтрап.

Уцепившись за руль, было не трудно подняться по трапу, но оказалось, что у моряков не хватает на это сил. Наконец кочегар отчаянным усилием подтолкнул вверх старпома и, скрипя зубами от напряжения, взобрался сам с леером на шею. На палубе у обоих все поплыло перед глазами. Ильин упал, но кочегар устоял и принялся разматывать лить, чтобы помочь взобраться на палубу остальным.

Вдруг где-то внизу заскрипели доски под тяжелыми шагами — на палубе выросла огромная фигура в синей рубашке, высоких морских сапогах и... остановилась в изумлении. Ветер трепал светлые, как солома, волосы и узкую

золотистую бороду, которой обросло крупное, смелое лицо неизвестного. Курганов выпрямился — два светловолосых гиганта стояли друг против друга. Ильин тоже поднялся и стал рядом с кочегаром.

Высокий норвежец пытливо разглядывал незнакомую форму и сказал что-то, показав в сторону моря. Ильин и Курганов переглянулись, затем старпом решительно ответил по-английски:

— Русские моряки... спаслись с потонувшего судна.

— Рашен, рашен... — забормотал норвежец, заметно взволнованный. Он обвел рукой вокруг фиорда и добавил, коверкая английские слова: — Немцы везде, будут хватать... — и сжал в кулак раскрытую ладонь.

Кочегар тряхнул головой и сделал вид, что прицеливается из винтовки. Норвежец опять внимательно посмотрел на моряков — едва заметный насмешливый огонек зажегся в его спокойных глазах. Тут из-за борта появилась голова Метелицына. Беспокойство за товарищей придало силы оставшимся на плоту, и они принялись карабкаться на парусник. Норвежец невольно попятился, но кочегар просто, по-товарищески взял его за руку и подвел к борту. Норвежец опять забеспокоился и произнес несколько слов, из которых одно было английское: «прятать». С его помощью моряки подняли на борт плоты, а затем красно-речивой мимикой норвежец дал понять, что скоро подует ветер из фиорда, прогонит туман, поэтому с палубы все должно быть немедленно убрано.

Плоты спустили в трюм. Норвежец зажег фонарь и повел неожиданных гостей вниз, в носовую часть парусника. Согнувшись в три погибели, он нырнул в низенькую дверцу небольшого помещения, вроде кладовой или шкиперской, и подвесил фонарь к потолку, энергично топоча тяжелыми сапожищами. По его знаку, моряки очутились за массивной переборкой, в маленькой каюте, заваленной старыми парусами, которые были постелены норвежцем на пол.

В потолок выходил шпор бушприта, охваченный железными стяжками и обрамленный массивными дубовыми балками. Соответственно наклонному положению бушприта потолок каюты поднимался по направлению к носу, а к выходу понижался так, что можно было войти, только сильно согнувшись. Неподвижный воздух, пропитанный запахом смолы, лежалой парусины и дуба, показался мо-

рякам жарким, их исхлестанные водой и ветром лица загорелись. Хозяин опустился на колени и возобновил жестикуляцию, часто повторяя по-английски: «Не отворять! Не отворять!» Ильин объяснил товарищам, что норвежец, по-видимому, собирается уйти и просит, чтобы русские не отворяли, если кто-нибудь взойдет на судно. Когда он вернется, он постучит к ним так: кулак норвежца стукнул по полу дважды двойными ударами, как бьют склянки. Ильин бросил норвежцу: «Иес», и тот быстро вышел, заботливо прикрыв дверь.

Моряки некоторое время молча переглядывались. Тепло помещения приятно охватывало их, туманя рассудок. Клонило ко сну.

— А не пошел ли наш друг за фрицами? — тревожно спросил механик, выразив общее недоверие, возникшее у моряков при поспешном уходе хозяина.

Только кочегар энергично запротестовал:

— Я первый его встретил и заглянул, можно сказать, в самую душу, когда раздумывал, треснуть ли его по башке. Нет, он моряк и смелый человек, не будет он за фашистов, которые его родину поганят. Верить ему можно.

Старпом поддержал кочегара:

— Деваться сейчас все равно некуда, оружие у нас с собой, норвежец о нем не знает. Скоро ночь. Забаррикадуемся покрепче и, если начнут дверь ломать, обязательно услышим. Зато как следует отдохнем, а там... утро вечера мудренее.

Все согласились со старшим помощником. Надежно заклинив крепкую дверь болтом и найденной тут же свайкой, моряки принялись стаскивать с себя и выкручивать мокрую одежду. Невыразимое ощущение тепла, покоя и слабости овладевало измученными людьми, но у них все же хватило энергии развязать тюк с оружием. Автоматы и винтовки были аккуратно вытерты и положены по три с каждой стороны. Моряки укрылись несколькими слоями парусины и, прижавшись друг к другу голыми телами, почти мгновенно забылись крепчайшим сном.

Глухо, будто издалека, Ильин услышал сквозь сон неясный шум, затем в дверь постучали. Старпом, откинув парус, разким движением сел. Сон слетел. Морщась от боли во всех мышцах, Ильин разбудил товарищей. Между тем за дверью радалось настойчивое «тук-тук-тук-тук» — условные удары хозяина.

С револьвером в руке, согнувшись, старпом двинулся к двери, а за ним, выставив плоские штыки, выстроились остальные. Едва открылась дверь, моряки увидели тусклый дневной свет, падавший через люк сверху. За дверью знакомый голос норвежца сказал кому-то несколько слов на своем языке. Кряхтя и цепляясь спиной за низкую притолоку, в каюту пролез седобородый старик, почти такого же роста, как сам хозяин, который следовал за ним, и тотчас притворил дверь.

Оба пришельца изумленно рассматривали необычайную картину. В низкой, душной кладовой, под потолком, завешанным мокрой одеждой, слабый свет фонаря едва освещал шестерых совершенно голых людей, сжимавших в руках оружие. Старик сурово улыбнулся и что-то сказал хозяину. Тот обратился к морякам, по-прежнему коверкая английские слова:

— Вот. Старый моряк. Он может. Немцев нет. Наверху сторожит еще человек.

Старик шагнул вперед, бесстрашно отстранил автомат кочегара и, с облегчением выпрямив спину, сел. Хозяин потрогал одежду моряков, покачал головой, быстро собрал ее в тюк и вышел наружу.

Моряки уселись против старика, все еще не выпуская из рук оружия. Старый норвежец осмотрел каждого острым, глубоко сидящими глазами, поскреб пальцем густую бороду и заговорил по-английски. Все, даже не знавшие языка, внимательно слушали. Хозяин тихо вошел и опустился на пол, присоединившись к слушателям. Старик подмигнул морякам и закурил вонючую трубку. Тут только моряки вспомнили, как давно не курили. Нашелся обрывок бумаги, две невероятной величины самокрутки пошли по рукам, а Ильин бережно извлек из кобуры револьвера свою верную трубку. Моряки наслаждались. Только не куривший Курганов кашлял и чертыхался да изредка вторил ему тоже не куривший хозяин.

Старпом начал переводить товарищам слова старика:

— Мы попали в фискевер (рыбачий порт). Имеется здесь отряд береговой охраны немцев, но морская база — в соседнем фиорде. Этот парусник стоит уже давно здесь, приведен из Кумагсфьюра; шкипер бежал к англичанам, команда тоже разбежалась. В бухте около шестидесяти рыбачьих моторных судов. На ловлю не ходят — не хотят снабжать немцев, а немцы иначе не разрешают выходить в

море, да и горячего нет. Наш хозяин живет здесь потому, что немцы выселили его с братом из дома на той стороне фиорда — дом понадобился для береговой охраны. Вот и облюбывал он этот парусник: помещение просторное, и ненавистных фашистов не видит. Оказывается, хозяин-то наш бегал вечером в поселок, рыбаки собрали совет: что с нами делать? Старик спросил меня, что мы сами думаем. Я сказал: «Биться с немцами. Каждый моряк стоит десяти немцев, так за шестьдесят мы ручаемся». Он ответил, что тут их больше чем шестьсот. Но шутки в сторону. Рыбаки решили, что если дело до боя дойдет, немцы на сто километров кругом всех перебьют или загонят в тюрьму — решат, что спрятали парашютный десант. Рыбаки предлагают помочь нам бежать, и как можно скорее. Из бухты ни одно моторное судно не выйдет, горячего нет. Кроме того, от мотора шум. Лучше всего на этом же паруснике, на котором мы находимся: он стоит очень удачно, у самого входа в бухту.

В это время года всегда туманы, когда ветер с моря. К вечеру ветер меняется — дует из фиорда на запад — и сгоняет туман в море. Если мы успеем выйти сразу, вместе с туманом, успех обеспечен. Парусник идет бесшумно, и за ночь мы сможем отойти далеко от берега, в зону, где патрулируют английские суда. Перед вечером, в тумане, придут на судно рыбаки из поселка — поставят реи и привяжут паруса. Конечно, судно большое, морское, справиться нам с парусами будет очень трудно. Кроме того, и опасно — оснастка старая. Но другого выхода нет — провести нас в горы к партизанам они не берутся: нет умелого человека. А молодцы! Слово не расходится с делом: этой ночью, пока мы спали, они доставили сюда два бочонка с водой, продукты, хотя у самих есть нечего, — принесли творогу, соленой рыбы, ячменного хлеба. Вот люди! А проспали мы, оказывается, больше двенадцати часов, — закончил старпом. — Ну как? Я думаю, дело стоящее?

— Ясно, стоящее! — хором отозвались моряки.

— Да, — обратился Ильин к старику по-английски, — исчезновение большого судна немцы ведь заметят?

— Это наше дело, — ответил старик. — Целая ночь. Приведем старую большую шхуну и затопим здесь, чтобы мачты торчали.

Хозяин принес высушенную у печки одежду и котел с горячим кофе.

— Товарищ старпом, — вдруг сказал Курганов, — вы у него спросите, — кочегар кивнул на хозяина, — может быть, он с нами? Чего ему тут с немцами? Парень хороший.

Старик с насмешливым огоньком в глазах перевел вопрос старпома хозяину. Тот улыбнулся и быстро заговорил по-норвежски.

— Он говорит — нельзя, семья пропадет. Его брат отвез обе семьи — свою и его — в Рерос, там дядя в лесничестве работает. Зимой и он туда.

— Жаль, подходящий человек, — ответил кочегар. — Ну, фамилию его и адрес запишите, хорошо бы встретиться после войны... А куда это мы попали?

— Черт, не могу разобрать название поселка, они его так произносят... — смущенно сознался Ильин. — А район называется Лоппхавет, между большими островами Серё и Арнё. Это, значит, на северо-восток от Тромсе.

Моряки крепко жали руки норвежцам. Потом старпом, выполняя общее желание, написал на двух листках бумаги фамилии и адреса советских моряков и вручил их обоим норвежцам. Старик тщательно сложил записку и долго засовывал ее куда-то за кушак, бросив несколько отрывистых слов.

— Он говорит, что это нужно хорошо спрятать, — перевел старпом, — если увидят немцы, то смерть ему.

Норвежцы ушли. Моряки, возбужденные событиями, оживленно обсуждали дальнейший план действий.

— Что я говорил! — торжествовал Курганов.

— погоди радоваться, — буркнул Титаренко. — Это, может быть, все липа, чтобы полегче нас взять...

— А ты не каркай, ворона! — с сердцем оборвал кочегар. — Не может фашистская сволочь всех людей испохабить. Есть еще люди... В себя веришь, а другие, думаешь, хуже тебя?

Растерявшийся от неожиданного красноречия кочегара рулевой замолчал. Ильин, приказав товарищам не появляться на палубе, решил осмотреть судно, а главное, состояние рулевого привода, и осторожно поднялся по скрипучим ступенькам наверх. Деревянный колпак, прикрывавший люк с носа, не давал возможности видеть море; зато фиорд был весь как на ладони.

Узкий язык почти черной воды вползал далеко внутрь обрывистых гор. Суровые, изборозжденные трещинами уте-

сы наступали на берега. Разбросанные вдоль берега домишки робко прижимались к подножию скал. Немного дальше, на каменной площадке, возвышалась странная постройка. Балюстрада из коротких столбиков поддерживала несколько чешуйчатых деревянных крыш, громоздившихся одна на другой. Казалось, что на один дом насажен другой, меньший, а на этом точно таким же способом сидел еще меньший, с четырехгранной крышей, оканчивающейся заостренной башенкой с высоким шпилем. Здание украшали железные флюгера в виде голов драконов с раскрытой пастью и высунутым тонким языком.

Удивленный странной архитектурой, Ильин долго всматривался, пока не различил небольшие кресты. Повидимому, это была старинная норвежская церковь. Дерево почернело от времени, и угловатая, устремленная вверх форма здания резко выделялась на фоне серых обнаженных скал. Драконьи головы смотрели мрачно и угрожающе. Темные ели окружали церковь, а позади уже садились на горы белесые хмурые облака. Ильин ощутил вдруг печаль, исходившую от этой полной холодного покоя обители севера.

Прячась за борт, он вылез на палубу. Высота мачт ему, привыкшему к парходам, вначале показалась несоразмерной. Фок-мачта имела поперечные реи и, следовательно, прямые паруса, бизань вооружена гиком и гафелем — судно было бригантиной. По обе стороны люка, только что покинутого Ильиным, стояли две лебедки для марса-фалов и брам-фалов. «Марсели разрезные, с лебедками — может быть, справимся», — отметил в уме старпом, торопясь припомнить свою парусную практику, которую когда-то проходил в мореходных классах. Сложные перекрещивания тросов, то взвивавшихся высоко и казавшихся тонкой паутинкой, то спадавших с мачты вниз — на борта, на палубу, на бушприт, на другую мачту, — казались совершенно неспостижимыми. А ему, начальнику, предстояло управлять этим судном, командовать.

Ильин поморщился и посмотрел на море. Левее бушприта, вдоль черной тени скал фиорда, море в отдалении преграждалось цепью куполообразных, близко расположенных островов. Они походили на костяшки исполинского подводного кулака, выступавшие на поверхность моря. «Обогнем мыс, держать правее, только миль через десять ложиться на чистый вест», — продолжал соображать стар-

пом. Оснастка судна все еще не давала ему покоя. «Будь это шхунка... да что угодно, лишь бы поменьше и с косою парусностью...» Он перегнулся через борт и прочитал надпись на носу: «Свольвер».

Предсказание старика-норвежца сбылось совершенно точно. Перед вечером фиорд заполнился густейшим туманом, еще более непроницаемым, чем вчера. Моряки вылезли наверх и вдруг схватились за винтовки: на палубе одна за другой стали вырастать человеческие фигуры. Скоро судно было полно людей. Норвежцы неторопливо, но не теряя ни одной лишней минуты, обтягивали такелаж, вытаскивали, разворачивали и поднимали паруса, улыбаясь русским морякам. Управлял коренастый старик, негромко покрикивавший на работавших.

— Это старый капитан, — объяснил Ильину приходивший утром знаток английского языка.

Опасная работа близилась к концу. Коренастый капитан подошел к Ильину, пожал руку:

— Я Оксхольм. Все готово. Паруса поставил левентик к ветру, который сейчас. Подует из фиорда — для такого положения рей будет бакштаг. Когда ветер рванет из фиорда, брасовать рей некогда будет: расклепывайте якорные цепи — и пошли. Да, еще: бом-брамселя, бом-кливера — этих парусов не ставим. Они перепрели. Стаксели тоже не все. Вместо крьюс-стенгги-стакселя мы поставили штормовой апсель.

— Спасибо, — ответил Ильин, когда сообразил, что нет бом-брамселя — паруса, находящегося на той самой ужасной высоте, которая поразила его в первый момент, и облегченно вздохнул.

Ветер стих, слабо хлопавшие паруса повисли, время бегства подходило. Норвежцы, вытирая пот, по-прежнему молча, по-дружески пожимали советским морякам руки или хлопали по плечу и исчезали за бортом. Курганов обнял хозяина парусника, повторяя ему свою фамилию, пока тот не произнес почти чисто: «Кургановфф».

— Ветра и счастья! — донесся из-за борта голос капитана Оксхольма. — О, ветер есть, расклепывайте цепь. Гуд бай!

Паруса, уходившие в туман над головами моряков, расправили складки. Ветер из фиорда тихо зашипел в снастях. Времени оставалось немного. Кочегар вооружился заранее приготовленными инструментами и стал выби-

вать шпильку, расклепывая верхнюю смычку якорной цепи; механик взялся за другую. Туман заглушал удары, но все же они разносились по бухте. С грохотом, заставившим моряков вздрогнуть, якорная цепь упала в воду, за ней другая. Едва заметный толчок прошел по судну; медленно, почти нечувствительно оно двинулось. С увеличением скорости стал наконец действовать руль, и вовремя: даже в таком тумане можно было различить впереди смутные контуры скалистого мыса.

— Лево руля! — тихо скомандовал Ильин, не снимая руки со штурвала.

Тупой, тяжелый нос едва слышно плескал о воду: волнение сделалось попутным, бушприт быстро метнулся налево. Титаренко, закусив губу, завертел штурвалом в обратную сторону.

— Уваливается, одерживай! — шепнул Ильин, вглядываясь в серую стену тумана, протыкаемую бушпритом судна.

К счастью, выход из фиорда был широк. Миновав мыс, Ильин повернул к северу, взяв к ветру. В густом тумане судно бесшумно шло в открытый океан, покидая норвежский берег, где совершенно неожиданно для себя советские моряки получили товарищескую поддержку стольких людей. Предсказание старого капитана сбывалось — бригантина не встретила никого.

Через час она опять легла в бакштаг на вест и пошла заметно скорее. Старпом собрал свою немногочисленную команду, объявил, что парусную науку придется изучать на ходу, и предложил пока ознакомиться с оснасткой бригантины.

— Раскиньте мозгами, соображайте, как управиться в случае надобности. Шлюпочные паруса всем вам знакомы, теперь постигайте настоящие. Вот, кстати, судно увальчиво, значит, надо...

— ...уменьшить парусность на фок-мачте, — быстро ответил Метелицын.

— Правильно! Хотя и невыгодно, а придется брамсель убрать: мало парусов у нас на бизани — получается неуравновешенная парусность. За это дело всем нам нужно браться, а я от руля отойти не могу, пока Титаренко не приспособится.

— Мы вчетвером, — отозвался механик.

И моряки бросились к лебедкам.

Бригантина ушла далеко в открытое море и сильно качалась на крупной волне. Метелицын первым достиг са-линга и, стараясь не смотреть вниз, полез по вантам, добирался до верхнего брам-рея. Палуба исчезала в тумане, мачта уходила далеко вниз, а брам-стенга казалась чересчур тонкой. Было слышно, как она потрескивает в эзельгофте.

С каждым креном судна мачта описывала в воздухе дугу. Когда бригантина ныряла носом, мачта словно проваливалась под Метелицыным, и он судорожно цеплялся за перекладыны вант. Еще хуже показалось молодому моряку при подъеме судна на волну — огромная мачта ринулась на него, словно желая ударить, ноги ушли вперед, и он повис над палубой спиной вниз. На лбу Метелицына выступил пот, слегка мутило на непривычной высоте. Но он быстро освоился и смог рассмотреть проводку снастей — гитовых, топенантов и горденей.

Общими усилиями на кофель-планках у бортов судна были разысканы ходовые концы этих снастей — правых и левых. Навалившись животами на парус и упершись ногами в зыбкие, качающиеся, как люлька, перты, «паровые мореходы» сумели справиться с непривычной задачей. Несмотря на темноту, брамсель был убран.

Ветер сильно засвежел и начал заходить, но экипаж бригантины уже немного освоился со снастями. Реи обра-сопили как нужно, парусность уравнилась, и старое судно бежало по морю со скоростью десяти узлов. Единственно, что смущало моряков, — это сильный скрип и треск, исходивший откуда-то из глубины судна.

— Всегда это так у парусников? — недоумевал Метелицын, обращаясь к старпому. — Ребята беспокоятся, как бы не развалилась наша посудина.

— Не знаю. По-моему, тоже что-то неладно. Вода в трюме не прибывает?

— Течет понемножку, но это что за течь: двумя пом-пами покачали — и сухо.

— Спускаюсь-ка я сам, — решил Ильин, — а вы здесь побудьте.

Взяв оставленный норвежцами фонарь, старпом спустился в трюм, ступая по покрытым водою шатким доскам, проложенным поверх балласта. Громкий треск наполнял душное пространство трюма, подавляя шум моря, бывшего в деревянные борта. Походив по трюму, старпом уяснил

себе, что треск издается почти всем корпусом бригаантини, а раздирающий уши скрип идет от мачт судна. Ильин постоял и вернулся на палубу.

— Неладно, конечно,— ответил он на вопрос помощника.— Черт его знает, посудина расхлябалась, да и наш стоячий такелаж, наверно, следовало бы еще раз обтянуть. Мачты пошатываются в гнездах.

— Ночь, как уголь, где уж тут этим заниматься с единственным фонарем!

— Попробуйте все-таки.

— Сейчас приступим.

— Фонарь прихватите!

— А разве он вам у компаса не нужен?

— Ох, морячок! — рассмеялся Ильин.— Па компас-то и не посмотрел! Из котелка спирт давно уже выпит или высох. Куда ветер — туда и мы, только бы скорее уйти. И не все ли равно — вест, зюйд-вест или норд-вест? Свидание с англичанами у нас, к сожалению, не назначено. Вы бы, наверно, хотели, по всем морским правилам, в бейдевинд, с переменной галсов? А как вы, дружок, вчетвером с такой парусностью управитесь? То-то. Карманный светящийся компасишко есть, и ладно... Черт, как курить хочется...

Ночь шла для Ильина и рулевого в чутком выслушивании звучания ветра в парусах. Едва только шум ветра становился сильнее и звонче, оба моряка уже знали, что судно бросилось к ветру. Возросшее сопротивление штурвального колеса немедленно сигнализировало о том же. Для остальных четверых ночь прошла в непрерывной возне со снастями. Руки моряков, привычные к работе совсем другого рода, болели, а на ладонях образовались волдыри.

Утром судно встретилось с сильным волнением. Ветер стал слабее, но громадные волны росли, бросая бригаантину, как щепку. Ход судна сделался неровным, паруса во время судорожных нырков тяжело хлопали. Треск и скрип усилились; казалось, что доски палубы вибрируют и гнутся под ногами.

— Развалится наша посудина, честное слово!.. Вот вода стала прибывать заметнее,— ворчал механик.

— Чего вы боитесь, Матвей Николаевич? — неуверенно возразил Метелицын.— Пока прем здорово...

— «Марсофлот» этот мне не по душе, не понимаю я в этом деле. А когда не понимаешь, чувствуешь себя нелад-

но... как и вы, милый Витя. — И механик снисходительно потрепал по плечу Метелицына.

Тот вспыхнул и открыл рот, чтобы возразить, но тут раздался резкий, сухой треск и оглушительные хлопки — разорванный сразу в нескольких местах фок бил по мачте и штагам. Огромные доскутья парусины завивались вокруг снастей, колотя бросившихся к парусу моряков. Чего-то годав получил такой удар по лицу, что свалился на палубу.

— Ножом, ножом режьте гордени! — закричал снизу старпом.

Совет пришелся кстати. Из-под рея взмыли белые ковры-самолеты, цепляясь за штаги, словно не желая расставаться с судном, и полетели, кружась и скрываясь, за встававшими перед парусником валами.

Новые парусные матросы во главе с «боцманом» Метелицыным смущенно предстали перед старпомом.

— Тут вы ни при чем, — хмуро сказал он, — паруса, видно, сильно подопрели.

За три часа скачки по волнам бригаantina потеряла еще три паруса — бизань-гаф-топсель, форстаксель и верхний марсель: то лопались снасти, то разрывалась перегнившая парусина. А волны все росли, наваливаясь на судно, тормозя и без того замедлившийся ход.

— Как бы не было шторма! — кричал старпом своему помощнику сквозь треск и скрип мачт и снастей. — Жаль, барометра у нас нет. Давайте задраим люки крепче, заложим румпельтали.

— А с парусами как? — тревожно спросил Метелицын.

— С парусами?.. — протянул старпом. — Сейчас. Давайте сообразим... Больше половины парусов уже нет, но нужно, нужно...

— Бизань бы убрать, — осторожно подсказал помощник.

— Бизань-то само собой. Тогда у нас на бизань-мачте останется один этот косой парус, который ходит по бизань-штагу, как его тот парусный спец называл — апсель. Он сказал, что это специально штормовой. Кливера, конечно, придется убрать, но на фок-мачте у нас остался единственный парус и здоровенный нижний марсель. Придется оставить, только глухие рифы взять. Да, еще, кажется, спускают на палубу верхние реи и гафель — вот это надо сделать. Пожалуй, и всё. Начинайте с парусов. Вы думаете

те, еще что-нибудь? — спросил Ильин, глядя на замывшего помощника.

— Нет, что вы, Антон Петрович, но... как этот марсель глухо зарифить и что значит — глухо?

Ильин разъяснил Метелицыну, сам удивляясь, как могли так долго храниться в памяти все эти подробности прямого парусного вооружения. А моряки уже возились у бортов, подтягивая риф-тали и гордени, затем полезли на рей. Площадь огромного паруса сильно уменьшилась. Моряки тянули еще и, уменьшив ее до предела, стали привязывать риф-сезни.

— Поплывать так месяца два — лихими парусниками стали бы! — сказал Ильин Титаренко, вернувшемуся к рулю после короткого отдыха.

Украинец утвердительно кивнул, следя за гигантским, отблескивавшим сталью валом, который грозно вздымался справа.

Сложив свои крылья, бригантина походила теперь на большую растрепанную птицу. Небо закрывала густая облачность. Ветер то ослабевал, то налетал порывами, неся издалека как бы хор глухих воплей, в которые изредка врывались пронзительные звуки труб.

Голос приближающегося шторма обладал тягостным и зловещим очарованием. Исполинская мощь его готова была обрушиться на старую бригантину, метавшуюся на волнах, и шестеро моряков почувствовали себя такими же одинокими, как тогда, когда покидали свой тонущий «Котлас».

Море неистовствовало. Огромные, сплошь покрытые пеной валы вздымались на десятиметровую высоту. Ветер с ревом обламывал гребни, и пена, похожая на разлохмаченные седые космы, летела по ветру. Казалось, каждый из исполинских валов, вставая из моря, простирает свои длинные руки навстречу судну. Все звуки моря слились в непрерывный тяжелый гром, которому вторил рев ветра.

Бригантина под единственным уцелевшим марселем неслась на фордевинд. Скрип судна, голоса людей потонули в оглушительном грохоте шторма. Мачты, казалось, бесшумно раскачивались и гнулись в своих гнездах, угрожая обрушиться на палубу. Бушприт то устремлялся вниз, намереваясь вонзиться в крутую стену воды над глубоким ущельем между двумя волнами, то пытался проткнуть побуревшие облака. На палубе крутилась и неслась вспенен-

ная вода, водопадом низвергаясь со шканцев. Иногда передняя половина судна исчезала, отрезанная стеной пены, хлеставшей поперек палубы, или гигантский вал опрокидывался своей вершиной, догнав убегающий парусник. Тогда, цепляясь изо всех сил за поручни, согнувшись и задерживая дыхание, моряки чувствовали, как оседает под ними судно, придавленное многотонной тяжестью, и наконец резко, будто собрав все силы, выпрямляется, сбрасывая с себя цепкие щупальцы моря, которые, извиваясь и ненясь, устремляются обратно за борт.

Старпом вместе с Титаренко, обливаясь потом под мокрой насквозь одеждой, крепко держали штурвальное колесо. Штурвал сопротивлялся, и малейшая неверность руля грозила немедленной гибелью. Ильин старался угадывать в неистовом танце волн ту линию, стремясь по которой судно, как балансирующий над пропастью человек, могло надеяться сохранить свое существование.

Остальные моряки, изнемогая от усталости, беспрерывно качали помпы: вода в трюме — из разошедшихся швов — быстро прибывала. Никто не испытывал страха: слишком яростна была борьба за жизнь.

* * *

В просторной кают-компании английского крейсера «Фирлесс» ярко горел свет. Большинство свободных офицеров собрались здесь, расположившись в удобных кожаных креслах. Качка изматывала, не давая возможности чем-нибудь заняться или спать.

— Ужасная вещь, джентльмены, быть сейчас в море! Наше патрулирование совпало с началом осенних штормов, — сказал молодой лейтенант своему соседу.

— Ничего, скоро уйдем в базу, — откликнулся тот, не раскрывая глаз.

— Свиное море, — продолжал лейтенант. — Я понимаю теперь, отчего норвежцы слынут лучшими моряками в мире!

— Где это вы слышали, Нойес? — насмешливо и небрежно спросил другой офицер. — Лучшие моряки мы, англичане.

Офицеры заспорили. Настроение несколько оживилось. В кают-компанию, протирая глаза платком, вошел еще один офицер, красное лицо которого говорило о том, что

он только что с палубы. Несколько голосов наперебой приветствовали вошедшего:

— Наконец, Кеттеринг! Сменились?

— Мы скучали без ваших старинных рассказов...

— Что наверху?

— Бал сатаны, — отвечал Кеттеринг на последний вопрос. — Сейчас сам капитан на мостике. Будем поворачивать на фордевинд.

— Отлично! — обрадовался кто-то.

— А мы тут спорили, сэр, — почтительно обратился к Кеттерингу лейтенант Нойес. — Ждем вашего просвещенного заключения.

— О чем спор?

— Какие моряки лучшие в мире.

— И что вы решили?

— Мнения разошлись, — вмешался заспоривший с Нойесом офицер. — Я утверждаю, что мы, англичане, Нойес — что норвежцы, Уотсон — что японцы, а Кольвер клянется, что лучше турок нет и не было моряков.

— Спор интересен, — улыбнулся Кеттеринг, — но я боюсь спешить с заключением. Могу рассказать вам одну небольшую историю, происшедшую больше века назад. Потом мы обсудим все доказательства в пользу той или другой нации. Идет?

Офицеры согласились. Кеттеринг уселся поплотнее в кресле, расставив длинные ноги, и зажег трубку. Помолчав, он начал:

— Вы знаете, что я работал до войны в архиве Адмиралтейства по поручению Парусного клуба. В числе других документов я обнаружил интересный рапорт полковника индийских колониальных войск Чеверленджа и сублейтенанта флота его величества Губерта о причинах гибели трехмачтового корабля Ост-Индской компании «Фэйри-Дрэгн» в тысяча восемьсот семнадцатом году. Этот корабль попал в большой циклон в Индийском океане. Шквал налетел так внезапно, что рангоут корабля был сильно поврежден, груз сместился в трюмах вследствие крена. Только опытность искусного капитана и героическая работа матросов вывели «Фэйри-Дрэгн» из крайне опасного положения. К несчастью, шквал был предвестником страшного циклона, противостоять которому поврежденный корабль в конце концов уже не смог... Черт! — прервал свой рассказ Кеттеринг.

Крейсер повалился на борт, резко выпрямился и метнулся в противоположную сторону.

— Слава богу, повернули... Когда разбитый корабль уже погружался в океан, — возобновил Кеттеринг рассказ, — с него заметили бриг неизвестной национальности, шедший тоже на фордевинд и догонявший тонущий «Фэйри-Дрэгн». Неуклюжий, широкий корпус судна временами весь исчезал в колоссальных волнах, виднелись только верхушки его двух мачт. Судно шло под единственным парусом, не соответствующим силе циклона, — нижним марселем. Пораженные благополучным состоянием судна, моряки тонущего корабля дали сигнал бедствия. Неизвестный бриг стал осторожно приближаться к «Фэйри-Дрэгну», но тут «Фэйри-Дрэгн» пошел ко дну...

В кают-компанию быстро вошел старший офицер в штормовой одежде, с которой еще стекала вода, на ходу бросив стюарду:

— Виски!

— Что-нибудь случилось, сэр? — тревожно спросили офицеры, приподнимаясь в креслах.

— Ничего. В море парусник неизвестной национальности, под одним марселем, идет на фордевинд, как и мы.

— Что такое, сэр? — вскочил Кеттеринг. — Уж не черное ли двухмачтовое судно?

Теперь настала очередь старшего офицера изумиться:

— Вы угадали, Кеттеринг! Будь я проклят, если знаю, каким образом. Ему плохо приходится. Я сигнализировал — не ответили, только зажгли, кажется, фальшфейер, на секунду что-то вспыхнуло. Помочь сейчас невозможно, однако мы идем одним курсом, и шторм начинает стихать. Сигнализировали, чтобы держались около нас, но близко не подходили, а то потопим. Не немецкая ли это ловушка?

Старший офицер выпил свое виски и вышел. За ним направился к выходу Кеттеринг.

— Стоп! Рассказ — на самом интересном месте! — кричали ему.

— Обязательно доскажу, только взгляну на судно, — ответил Кеттеринг уже из-за двери.

Следом за ним стали подниматься и другие офицеры.

Шторм утих. Красные лучи заходящего солнца кое-где пробивались сквозь тучи. Багряные отблески змеились на мокрой палубе.

Только что был окончен трудный маневр подъема спасательной шлюпки. Люди, собравшиеся на палубе, почтительно расступились перед шестью русскими моряками, которых старший офицер повел переодеваться.

Спустя некоторое время офицеры обступили Кеттеринга, вернувшегося от командира:

— Ну, что русские?

— Спят, — улынулся Кеттеринг и коротко рассказал удивительную историю шестерых моряков с «Котласа».

— Вот это история! — воскликнул лейтенант Нойес. — Шесть «паровых» моряков — и справились с таким парусником! А мы считали русских сухопутной нацией.

Долгое молчание, отметившее подвиг русских, нарушил высокий офицер:

— Кеттеринг, а конец вашего рассказа? Он так удивительно совпал с появлением судна, что я готов думать...

— Вы не ошиблись, — быстро ответил Кеттеринг. — Судьба уже досказала за меня. Тот бриг, называвшийся «Ниор», был французским судном, но команда была русская, и вел бриг после смерти капитана-француза русский помощник. Русские моряки показали тогда изумительное искусство. Им удалось спасти часть экипажа «Фэйри-Дрэгн», в том числе и авторов рапорта, и благополучно справиться с циклоном, несмотря на грубую оснастку и неуклюжий вид брига. Начиная этот рассказ, я хотел показать вам, что есть нация, морские способности которой часто недооцениваются...

— Полно, Кеттеринг! — перебил высокий офицер. — Неужели вы решаетесь ставить русских рядом с англичанами? Мы создали всю культуру мореплавания, науку о море, все флотские традиции... Как же может быть, чтобы континентальный народ оказался настолько способным к морскому искусству?

— Мне кажется, тут дело в особых свойствах русского народа. Из всех европейских наций русская сформировалась на самой обширной территории, притом с суровым климатом. Этот выносливый народ получил от судьбы награду — способности, сила которых, мне кажется, в том,

что русские всегда стремятся найти корень вещей, добраться до основных причин всякого явления. Можно сказать, что они видят природу глубже нас. Так и с морским искусством: русский очень скоро понимает язык моря и ветра и справляется даже там, где пасует вековой опыт.

— Но... — начал высокий офицер.

— Но, — перебил Кеттеринг, — подумайте-ка над нашей встречей! У нас еще много времени, чтобы закончить спор до возвращения в Англию.

На рассвете «Фирлесс» оставил пароход, шедший из Англии в СССР, и шестеро советских моряков продолжили свой отдых уже на пути к родине.

...Осеннее солнце клонилось к закату, когда Ильин вышел из штурманской рубки. Он знал, что до места встречи с конвоем осталось всего два часа ходу. Старпом вошел в коридор и остановился. Толпа сгрудилась у приотворенной двери, из которой доносился прекрасный тенор Метелицына. Он пел ту самую песню, которая так захватила Ильина в темной каюте тонувшего «Котласа». Только в голосе Метелицына не было теперь звенящей печали:

Ты, родина, долго страдала,
Сынов своих верных любя.
Ты долго меня ожидала —
И, видишь, приплыл к тебе я!

Ильин тихо вышел на палубу. Далеко впереди, в ясном небе, проступала светлая полоса — отблеск близких полярных льдов. Там — поворот на восток.

АДСКОЕ ПЛАМЯ

Тяжелые грузовики раскачивались и глухо урчали в знойной пыли. Массивные баллоны с хрустом давили поросли колючек. Горячий ветер задувал под тенты, сохли и трескались губы людей, скучившихся на дне кузова, под надзором конвойных с автоматами.

Машины бросало из стороны в сторону на кочковатых песках, головы усталых людей вяло мотались. Лязгали и гремели замки бортов, назойливо колотились на ветру распахнутые брезентовые стенки, шестерни передач тянули безнадежно унылую песню.

На сотни миль вокруг простиралась Большая Песчаная пустыня северо-западной Австралии. Машины пробирались к какой-то неведомой цели, скрывшейся за серой пылевой завесой тусклого горизонта. Озлобленные тяжелой дорогой и жарой, водители упрямо гнали, форсируя моторы, не обращая внимания на рытвины и бугры

бездорожья и не церемонясь с живым грузом, плотно забитым в раскаленные железные кузова.

Ауробиндо сидел среди товарищей по несчастью в предпоследней машине, прижатый к горизонтальному ребру борта. Это ребро, точно осатанелый враг, непрерывно толкало его в наболевшее плечо. Но мысли индуса были далеко. В тысячный раз перебирал он в памяти все, что привело его к этой участи. В тысячный раз спрашивал он себя, не допустил ли ошибки, согласившись променять тюрьму на родине, в Южной Африке, на работу здесь, в три раза сокращавшую срок его заключения.

Около двух месяцев прошло со времени суда, который, несмотря на благоприятные показания многих свидетелей, знавших Ауробиндо с пеленок, несмотря на умелую защиту опытных адвокатов, приговорил его к трем годам тюремного заключения. Ведь он был индус, и его защитники тоже были индусы...

В тюрьме, в тишине одиночной камеры, он мог без конца предаваться своим мыслям. Индус не думал о мести при воспоминании о подлом предательстве, бросившем его в тюрьму, опозорившем его имя, повергшем в отчаяние его родных. Ауробиндо понял, что жизнь столкнула его с огромной и безжалостной системой, составлявшей основу благополучия другого, обладавшего властью и силой, государства. Те подлецы были только частичками, неотвратимо включенными в ход всей машины... Он думал бороться с произволом властей оружием интеллигентного человека — противопоставить их уму и знаниям, их воле и философии свой ум и свою философию. А они в мгновение ока применили к нему грубую силу, обошлись с ним, как с низким преступником. С глубокой печалью Ауробиндо прощался со своими юношескими мечтаниями. Он думал идти по жизни бесстрастным, чистым и далеким от всей ее мелочности, тоски и убожества, постепенно совершенствуя себя в духе великих установлений Веданты. Отстраняясь от всего недостойного, не преследуя никаких личных целей, кроме самовоспитания, он думал быть неуязвимым для ударов судьбы. Но вся его жизнь сломилась от первого серьезного столкновения с судьбой, подобно вот этой веточке кустарника, только что вдавленной в песок тяжелым колесом автомобиля.

«Легко быть хорошим среди хороших, много труднее быть хорошим среди плохих», — так говорил новый его

друг, зулус Инценга. Ауробиндо встретился с зулусом, тоже студентом, только другого, Блумфонтейнского университета, в тюрьме, в которую тот попал по столь же подлому обвинению, как и он сам. Инценга сообщил ему, что среди заключенных производится набор на тяжелые работы в Австралийской пустыне, где белые не могут работать из-за жары, а цветные рабочие бегут вследствие трудных условий. За год работы там осужденным не за слишком тяжкие преступления засчитываются три года заключения. Зулус советовал Ауробиндо рискнуть и отработать год, зато быстро покинуть тюрьму и вернуться к жизни. Индус согласился и оказался вместе с двумя сотнями подобных ему заключенных — негров, индусов, малайцев — в Австралии. Но сейчас, несмотря на то что неунывающий Инценга находился за несколько десятков метров от него, в другом грузовике, Ауробиндо терзался сомнениями. Тупое существование изнуренного рабочего скота среди таких же отупевших товарищей было очень тягостно нервному индусу. Ауробиндо начинал мечтать о покое тюремной камеры, где он мог хотя бы спокойно размышлять, погружаясь в философскую флегму. Но как только он начинал думать о сроке, то сразу ощущал прилив сил, угасавшая в душе надежда возрождалась снова...

Грузовик повернулся, солнце позолотило запыленные складки брезента, остро напомнив индусу складки занавесей в его родном доме. На мгновение Ауробиндо унесся мыслями в тот далекий и недоступный ему мир.

Ауробиндо шел, гордо неся голову в белоснежном тюрбане. Прямые улицы Йоганнесбурга были полны тяжелого зноя. Запах разогретого асфальта смешивался с перегаром бензина. Прохожие, редкие в этот час январского солнцепека, укрывались под рядами белых навесов, затенявших витрины магазинов.

В подъезде большого дома прятался пожилой газетчик, хрипло и вяло выкрикивавший последние новости. Ауробиндо, поравнявшись с ним, был выведен из задумчивости.

«Мэлан отстаивает свои позиции в комитете ЮНО с прямотой и твердостью истинного британца... Мы не позволим вмешиваться в наши внутренние дела... Долой коммунистическую пропаганду и слезливое сочувствие

индусам!..» — хрипел газетчик, обмахиваясь пачкой свежих листов.

Молодой индус поспешил взять газету, стараясь не замечать лукавой grimасы старого пропойцы.

Худшие опасения оправдались. Ни полные истинно человеческой гуманности выступления лидеров Советского Союза, ни заявления делегатов Индии не имели результатов. Реакционеры в правительстве Южно-Африканского Союза продолжали неистовствовать, а Совет Безопасности не хотел вмешиваться... Смутное ощущение надвигающегося несчастья легло на душу Ауробиндо. Мысли индуса перенеслись к своим соплеменникам. Как по-разному воспринимают они полосу притеснений здесь, в этой стране, ставшей для многих второй родиной!.. Ауробиндо и не знал никакой другой родины. Да разве в Ориссе, где родился его отец, индусы в лучшем положении? Он вспомнил молодого Ананд-Наду с обогатительной фабрики Де Бирса, посещавшего вечерние курсы, где преподавали студенты-добровольцы. Ауробиндо нередко беседовал с ним, отдавая должную дань силе его ума. Теперь Ананд-Наду в тюрьме, и с ним несколько сот индусов — тех, которые думали серьезно бороться с притеснениями... Вот и весь их короткий путь. Разве не более прав он, последователь Веданты, носящий имя величайшего философа Индии Ауробиндо Гоша? Внутренний путь усовершенствования — вот та единственная дорога, которая приведет его к торжеству над угнетателями, над их грубой силой и животными инстинктами. И все же он не мог не думать о тех, в тюрьме, без чувства невольного уважения. Много других покорно склонилось перед неизбежной судьбой. Одни — с отчаянием, другие, богатые, — с надеждой на продажность чиновников и судей. Но его путь — ни тот, ни другой.

Молодой индус незаметно дошел до своего дома. Длинный проход подворотни встретил его приятным полумраком. Домашние отсутствовали, и Ауробиндо быстро прошел в свою комнату, выходящую в глубину двора. За приоткрытой дверью слышались легкие шаги. Голос сестры окликнул его. Девушка быстро вошла, чем-то встревоженная, с гневными словами:

— Ты знаешь, Ауробиндо? Это становится нестерпимым!.. Отца вызвали в полицию и угрожали, что вышлют отсюда. Им не нравится, что ты студент, скоро уже бу-

дешь врачом. Ищут, к чему бы придраться... Будь осторожен! — Девушка подняла опущенную руку брата и прижала к своей щеке.

Ауробиндо повернулся к сестре и ласково посмотрел на нее. Черные глаза из-под длинных ресниц ответили ему преданным взглядом. Бронзовое лицо сестры, как всегда, обрадовало Ауробиндо своей нежной красотой, часто свойственной дочерям индусского народа. Ауробиндо нежно коснулся иссиня-черных волос, прикрытых голубой шелковой кисеей, и стал уверять сестру, что ему ничего не угрожает. Если бы он знал, что через два дня будет увезен в полицейском автомобиле как тяжкий преступник!..

На северной окраине пустыни Джибсона протянулась унылая гряда холмов красного песчаника. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралось скопище бесчисленных бугров песка, поросших пучками редкой и высокой, невероятно колючей травы — спинифекса. Резкий ветер почти не колебал ее жестко торчащих вверх серых побегов, но зато наполнял воздух тучами пыли, сквозь которую даже свет ослепительного солнца казался красноватым. Этот красноватый свет, красные пятна голого песка между редкими пучками спинифекса, красные скалы на склонах холмов подчеркивали безжизненность пустыни, казалось затравившейся на краю света. Высокие заросли малли-скреба — эвкалиптового кустарника — тянулись полосами среди песчаниковых гряд, но лишь усиливали безотрадное впечатление мертвым сизо-зеленым цветом своей жесткой, повернутой ребром к небу листвы.

На востоке горизонт был яснее, и там, очень далеко, едва выступала среди песчаного моря в призрачной голубой дымке острая вершина горы Разрушения. Но на западе в багровой дымке пыльного воздуха виднелись неожиданно четкие контуры каких-то построек, стальных вышек. Ночью зрелище было еще более поразительно. В непроглядной тьме горели, как большие звезды, яркие огни сторожевых вышек, разливалось общее сияние освещенных зданий, мастерских, строительных площадок...

Зулус Инценга, тщательно подбирая все крошки драгоценного табака, набивал самодельную трубку. Оба товарища лежали рядом, на самом краю деревянного помоста, под низкой крышей без стен — месте ночного отды-

ха сотни рабочих. Сильные электрические лампочки на высоких столбах бросали резкий свет в глубину мрака пустынной ночи. Где-то направо, у колючей ограды, слышались ленивые шаги часового. Почему-то на всей территории строительства было много охраны, хотя бежать из лагеря в окружающую пустыню было то же самое, что попросту повеситься.

Слабое дуновение ветра чуть обвевало обнаженные тела — индус и зулус были в одних набедренных повязках. Черная кожа и бронзовая одинаково отблескивали в свете сторожевых фонарей, падавшем на край помоста. Ауробиндо растирал свои руки — они превратились в мозолистые, грубые лапы с исковерканными ногтями. Когда-то, бесконечно давно, он мечтал о тончайших операциях нервной хирургии. Представив себе такую операцию, производимую своими лапами, он горько улыбнулся. Инценга раскурил трубку и, как бы угадав мысли индуса, сказал:

— Забавно подумать, что тут вот, в этой безлюдной пустыне, лежат два студента, девять месяцев работавшие землекопами и каменщиками. Должно быть, мир очень богат медиками и гидрогеологами... — Зулус невесело рассмеялся. — И как зависит человек от своей жизненной обстановки!.. Вот мы с тобой в Австралии — такой интересной стране, когда-то называвшейся раем для белого человека. А что мы видели здесь, кроме пустыни? Даже высадить нас сумели в самом унылом порту... Где-то растут исполинские леса пятисотфутовых эвкалиптов, расстилаются цветущие просторы голубых трав, плавают черные лебеди... А как интересна Австралия для людей нашей науки — гидрогеологии! Огромные бассейны подземных напорных вод, очень древних по своему происхождению, — таковы и наши артезианы здесь, в этом гиблом месте. Большинство этих вод горячие — Австралийский материк таинственным образом более горяч в своих глубинах, чем все другие материки мира... Да, обо всем этом нужно сейчас забыть, — оборвал зулус, — иначе не выдержишь и того, что осталось!

Они замолчали, припоминая все испытанное ими за двести семьдесят дней отупляющего рабского труда. Они строили дорогу через пустыню, вырубали ужасные колючие кустарники акаций — мультга-скреб, — протянувшиеся бесконечными милями под безжалостным солнцем. Дроби-

ли щебень, ломали камни, вертелись, дрожа и задыхаясь от усталости, у ненасытной пасти машины, изготовлявшей бетон, и копали, копали и копали песок и затвердевшую красную глину, трещиноватую скальную почву... Тянули провода, ставили столбы, возводили стены и крыши...

Ауробиндо невольно повернул голову налево, туда, где слышался ровный, монотонный гул электростанции и разливалось в темноте сияние электрических ламп.

Там возвышались огромные массивы бетона, покрытые толстыми стальными плитами, — странные и чудовищные постройки неизвестного назначения. Поодаль вытянулись разборные белые дома — жилища только что приехавших сюда серьезных людей в безукоризненно белых костюмах, которым, казалось бы, вовсе не место в этой глухой, безлюдной пустыне. Окруженные рвом, стояли низкие здания без окон, как бы наглухо замкнувшиеся от окружающего мира. Они намекали на недобрую и таинственную работу, которая должна была происходить внутри, работу, прятанную от света дня и человеческих глаз.

Инценга и Ауробиндо давно уже пытались разгадать назначение этих таинственных построек, так поспешно возведенных в удаленном от всего мира и неудобном для жизни месте. Они понимали, что только соображения величайшей тайны и в то же время опасности могли заставить государство, взвешивающее каждый грош при экономике, хромающей на обе ноги после войны, проводить такую работу в сердце пустыни.

Зулус высказал предположение, что деньги, возможно, были даны другой страной, не обедневшей, а разбогатевшей от страшной войны. Это предположение, по-видимому, оправдывалось: Ауробиндо слышал обрывки разговоров недавно приехавших незнакомцев — их речь с характерным американским произношением.

Если бы оба осужденных студента принимали участие во внутренней отделке загадочных зданий, площадок и туннелей, то они смогли бы лучше понять их назначение. Однако, как только здания были вчерне закончены, цветные рабочие потеряли всякое право доступа в расположение городка. Теперь дела здесь больше не было. Позавчера большинство рабочих отправились на запад, к уединенной морской бухте у края бесплодных песков. Там, как узнали от партии прибывших оттуда арестантов, выстроились высокие мачты радиовышек.

Осужденным студентам оставалось около трех месяцев каторжного труда. Самое страшное было уже позади, и они с честью вышли из испытания. Когда-нибудь, много позднее, они смогут рассказать, чего стоило им быть безупречными рабами, терпеливыми и молча сносящими любой произвол начальствующих над ними людей, чтобы неосторожной вспышкой не свести на нет все усилия, сделанные для скорейшего освобождения.

Ауробиндо и Инценга остались людьми, но этого нельзя было сказать про всех заключенных. Лишь небольшое количество удержалось на моральной и духовной высоте. Это были по большей части скоро освобождавшиеся. Другие, срок терпения которых был гораздо большим, надламывались психически или теряли голову от отчаяния, пытались бессильно бунтовать. Проступки их неизбежно удлинляли сроки их заключения, и не было никакого выхода из мрачной бездны.

Ведущий инженер строительства приказал отобрать сорок лучших рабочих в какую-то отдаленную поездку на море. Ауробиндо и Инценга попали в их число, избежали переброски на железнодорожное строительство и получили три дня неожиданного отдыха. Завтра они должны были покинуть опустевший лагерь и направиться на грузовиках на «Восьмидесятимильное побережье», где предстояла посадка на судно.

Инценга давно докурил свою трубку. Больше табака не было, и зулус меланхолично сосал пустой чубук. Два дня товарищи почти непрерывно спали, и теперь освободившийся от тумана усталости мозг требовал деятельности. Зулус потянулся и сел, поджав под себя ноги.

— Я подслушал кое-что из разговора двух приехавших инженеров. Третьего дня меня послали вымыть их машину... — задумчиво начал Инценга.

— Неужели они разговаривали при тебе? — усомнился Ауробиндо.

— Да, это было так. Инженеры, американцы, не могли представить себе, что грязный и невежественный негр сможет понять что-либо из их разговора. Они не виноваты, ха-ха-ха! — рассмеялся зулус. — Откуда могли они знать, что этот негр едва не получил университетского диплома и только заботами их просвещенных сородичей вернулся к прежнему дикому состоянию! Англичане безусловно правы...

— В чем? — нетерпеливо спросил Ауробиндо.

— С дикарями им спокойнее. Легче чувствовать себя белыми богами, непогрешимыми и непонятными...

— Довольно шутить! Что же именно ты услышал от этих богов?

— Один сказал: «Вот мы и кончили здесь раньше срока». А другой ответил: «Осталась только мишень на Русалочьих рифах...»

— Мишень? — воскликнул Ауробиндо.

— Тише! Да, именно мишень, я не ослышался. Но что это за Русалочьи рифы?

— Не знаю. Какие-нибудь мелкие островки в океане...

Зулус снова схватился за пустую трубку, ожесточенно грызя мундштук. Энергичное лицо его напряглось, твердые челюсти сжались.

— Тебе действительно удалось услышать нечто весьма важное, — сказал Ауробиндо после раздумья.

Инценга не отвечал, возбужденно раздувая ноздри. Он старался восстановить общую картину всего строительства по тем кусочкам его, в которых сам принимал участие, по отрывочным сообщениям других заключенных, попадавших в его отряд из соседних отделений. Огромные выемки в почве, обделанные в сталь и бетон, продолжавшиеся двумя толстыми стенами, были направлены на северо-запад. Дорога к побережью, пересекавшая пустыню, направлялась на северо-запад... Далеко в пустыню шли двумя параллельными рядами стальные мачты с какими-то антеннами наверху. Они шли на северо-запад и, вероятно, доходили до побережья. Да, все направлялось к северо-западу, по направлению к Русалочьим островам, по направлению к м и ш е н и. Зулус подскочил. Ему показалось, что он разгадал тайну этих странных работ. Поспешно, словно опасаясь, что пойманная догадка ускользнет, Инценга зашептал в ухо индусу свои соображения. Ауробиндо крепко сжал руку товарища:

— Ты прав, мой дорогой. Здесь должны стрелять чем-то в острова. Чем же иным, как не ракетами? Но если отсюда до побережья почти тысяча миль, сколько-то еще до островов, получается необычайный по длине полигон — больше тысячи миль. О таких ракетах я еще не слышал, и это, наверно, атомные ракеты. Ужасную вещь узнали мы! Вот зачем тут, в скрытом от всего мира месте, идет такое дорогое строительство...

— Тсс!.. Кто-то идет,— прошептал зулус, услышав приближающиеся шаги.

Оба бывших студента поспешно растянулись на помосте. Темная фигура медленно прошла в двадцати шагах от края помоста. Это был один из часовых, которые днем и ночью стерегли окрестности строительства. Ауробиндо и Инценга долго молчали. Индус заговорил первым.

— Помнишь годы войны? — зашептал Ауробиндо. — У всех у нас было ожидание больших и хороших иеремей...

Инценга усмехнулся и согласно кивнул.

— Сначала Атлантическая хартия,— продолжал индус,— прекрасные устремления Рузвельта... Затем показавшаяся чудом великая боевая мощь Советского Союза, растоптавшая чудовищную силу расистской коалиции. Все шло к тому, что Советский Союз с Америкой поведут мир к свободе, пресекут произвол и угнетение в колониях, больше того — уничтожат самые колонии... И что же? Вот мы тут свидетелями жестокой насмешки судьбы. Америка стала оплотом подавления колоний и маленьких стран. Советский Союз, оставшийся нашей единственной надеждой, слишком далеко от нас, жителей южных стран. А здесь затеяно серьезное дело. Создают новое оружие против демократии и свободы народов, как в прежней Германии. И мы принимаем в этом участие! — Ауробиндо тоскливо вздохнул.

Инценга слушал печальную речь индуса, и странным образом в нем росла озорная бодрость, словно раскрытие этой вредоносной для человечества затеи придавало особую значимость его дальнейшему существованию. Теперь и близящееся освобождение имело совсем другой, больший смысл.

— О, мы еще многое можем узнать там, на островах! — шепнул он индусу, оставляя без ответа его думы, слишком созвучные его собственным.

Ауробиндо понял все, что стояло за этой короткой фразой. Глаза истинной мудрости человечества должны проникнуть в тайные дела, творимые в этих стенах. Но привычная настороженность индуса и тут не изменила ему.

— Нам нужно быть очень осторожными,— едва слышно сказал он зулусу,— ведь если нас заподозрят хотя бы в небольшом интересе к тому, что мы делаем, все погубло.

— Конечно, конечно,— подхватил Инценга,— и так кто-то сделал большую ошибку, направив сюда нас, обра-

зованных людей. Должно быть, уж слишком велико презрение к нам. Мы для их чиновников всегда только глупые, невежественные цветные.

— И кто-то повторяет эту ошибку, направляя нас туда, на мишень. Впрочем, мы, должно быть, заслужили это старанием и тупостью, которые так усердно соблюдали. Но повторную ошибку легче заметить,— заключил индус.

— Ничего, осталось уже мало времени,— беспечно ответил Инценга.

* * *

За красными песчаными дюнами засветилась синева моря. Ауробиндо вострепнулся. После долгого пребывания в пустыне особенно отраден был запах морского простора, влажный и свежий, обещавший что-то новое и лучшее. И в самом деле, возвращение к морю было для Ауробиндо обещанием скорого освобождения. Так не похоже было оно на его отъезд из Кейптауна в ветреную погоду, в сыром и душном носовом трюме! Тогда море ничего не сулило, кроме тяжких испытаний в далекой стране, кроме позорного и униженного существования.

Все те же красные песчаные дюны шли до самой воды, уходили под нее, и прибрежная вода моря становилась мутной, приобретала суровый серый цвет. Лишь вдали от берега расстилались в своем великолепии сверкающие темно-голубые воды Индийского океана. Ветер шумел среди редких казуарин, древних деревьев с безлистными нитевидными побегам, похожих издавлека на пизкие сосны.

Грузовики остановились. Люди выбрались, отряхивая густую пыль и разминая кости. Сержант, командовавший рабочим отрядом, заговорил о чем-то с офицером, подъехавшим на белой военной машине. Затем партия заключенных рабочих быстро зашагала вниз по дороге к пристани. Едва только привезенные арестанты разместились на грузе, почти целиком заполнявшем все помещение небольшого парохода, как судно сразу же отвалило. По-видимому, с работами на островах очень торопились...

Океан встретил невольных путешественников тяжелой зыбью. Много рабочих, в том числе и Ауробиндо, заболели от качки. Индус валялся, безмолвный и неподвижный, на брезенте, брошенном поверх мешков с цементом, и почти не разговаривал с Инценгой за весь полуторасуточный

переезд. Зулус был бодр и здоров. Целыми часами он сидел, поджав под себя ноги, подле Ауробиндо, тихонько напевая дико звучащие зулусские военные песни. По временам Инценга погружался в глубокую задумчивость или вычерчивал ногтем на брезенте непонятные знаки.

К концу второго дня по суете на палубе арестанты угадали, что подходят к цели. Машина остановилась, и якорная цепь загремела уже в сумерках, когда тусклые лампы трюма стали бросать заметный свет вокруг потемневшего отверстия открытого люка. Рабочий отряд вывели на палубу только утром. Шумели вокруг корабля и бежали к берегу посеревшие волны. Рассвет над рифом вставал во всем своем тропическом могуществе. Первые лучи пробили влажную мутноватую мглу, и внезапно появившееся солнце залило все ярким розовым светом. Легкий туман засеребрился над рифом, и тот засверкал перламутровыми переливами, точно вытянувшаяся вдаль створка чудовищной раковины. Русалочий риф... Да, в этот рассветный час казалось вполне возможным, что в чистой тишине острова, в дымке жемчужного тумана возникнут сказочные зеленоглазые девушки моря... Слева далеко в открытое море уходил широкий мыс — низкая скалистая площадка, выровненная приливами. Белая полоска прибоя виднелась в отдалении двух миль с западной стороны мыса. В глубине небольшой бухты, прямо перед носом судна, вздымалась небольшая гора. Ее обнаженные скалистые склоны спадали в мангровые заросли, темневшие у подошвы. Направо розовела широкая лента прибрежных песков. Арестанты принялись за разгрузку судна. По пояс в воде, шатаясь под ударами волн на ускользавшем из-под ног песке, люди до темноты таскали тяжелые ящики и мешки, железные полосы и большие катушки проводов из баркасов на прибрежный уступ. На следующее утро, еще в предрассветном сумраке, работа возобновилась снова. Так продолжалось три дня, пока наконец последние ящики и бочки с бензином не легли на берегу, перед горой нагроможденных правильными штабелями грузов. За все это время ни одно человеческое существо не приблизилось к месту выгрузки — остров был совершенно безлюден. Первобытная тишина нарушалась только грохотом лебедек да непрерывными воплями ворочавших тяжести людей, которым вторили резкие крики морских птиц и плещущие волны моря.

После неимоверно тяжелой работы в раскаленной пустыне арестанты вздохнули здесь свободнее. Свободой казалось и то, что здесь не было неотступно сопровождавших каждую рабочую группу часовых с автоматами, гранатами и пистолетами. Инценга и Ауробиндо скоро поняли причину такого «доверия» к арестантам.

Обоим друзьям было поручено установить прочный железный столб на самом краю рифа, там, где выровненная волнами плоскость кораллового известняка покрывалась почти на метр водой во время прилива. Партия рабочих притащила бочонок цемента, столб, железные костыли и молот и, оставив зулуса с Ауробиндо, направилась к другому уступу рифа. Друзья упорно долбили камень, меняясь у молота. Столб надо было поставить и зацементировать до прилива, и арестанты спешили изо всех сил.

Скважина подходила к концу. Решив освежиться купаньем, Инценга и Ауробиндо пошли к краю рифа, всего в двухстах футах от столба. Край рифа круто обрывался здесь в прозрачную воду до глубины около двадцати футов. Даже сквозь колыхание волн ясно виднелось серебрищее песчаное дно. Еще не достигнув обрыва, друзья остановились в испуге. На них смотрело много глаз, без всякого выражения, но с пугающей настойчивостью. Косые хвосты, острые спинные плавники, морды конусом, угловатые щелястые рты, наполненные ужасными зубами, — это были акулы.

Ауробиндо знал из географии о поразительном обилии акул в водах Австралии, но реальная картина этого обилия наполнила его ужасом. Гигантские, десятиметровые, свинцово-серые тела хищных рыб сновали взад и вперед.

— Что это за мерзость, во имя всех чертей! — воскликнул оторопевший зулус.

— Так называемые белые акулы, или акулы-людоеды, — самая страшная их порода, — меланхолически отозвался индус. — Вот она, наша стража. Попробуй бежать отсюда на плоту или в шлюпке — перевернут и разорвут в клочья. Плыть нечего думать... Понятно, отчего наши начальники купались только на мелком песочке, у самого берега!..

Две страшные твари высоко подняли из воды огромные морды и пристально следили за людьми, балансируя хвостами. Зулус внезапно преисполнился ярости. Он отломил, пнув ногой, крупный кусок коралла и с силой бросил его

в голову акулы. Камень ударил тварь около глаза, но акула не обратила на него никакого внимания, зато другая, плывшая под водой, в мгновение ока перевернулась и подхватила падающий на дно бесполезный снаряд Инценги.

Зулус злобно плюнул и поплелся назад.

Товарищи работали до самого прилива и, только когда первые всплески его зашумели на рифе, наконец установили столб по отвесу. Оставалось лишь зацементировать. Ауробиндо поспешно откачивал воду из ямки, в то время как зулус размешивал портландский цемент. Внезапный крик вырвался из груди Инценги. Индус поднял голову и увидел незабываемое. Прилив медленно поднимался, и на прибрежной плоскости рифа было уже около четверти метра воды; лишь небольшая выпуклость, где работали друзья, оставалась незатопленным островком. Десятиметровая акула подплыла к обрыву рифа, с хода выскочила на его край, тяжело перевалилась боком и затем поползла, извиваясь всем телом, иногда перекатываясь с боку на бок, по направлению к столбу. Волосы стали дыбом на голове индуса, он схватил товарища за руку и ринулся к берегу. Но было уже поздно. Между берегом и краем рифа поверхность известняка была слегка углублена, всего на каких-нибудь полметра. Для акулы этого оказалось достаточно. Она скатилась в прибрежное углубление и стала двигаться быстрее. Секунда — и она оказалась между берегом и двумя товарищами. Друзья остановились...

Инценга бросился назад, к столбу, схватил молот.

— Бери бур! — крикнул он индусу. — Скорее, скорее, вода все прибывает, нельзя, чтобы тварь плавала свободно!

Ауробиндо оглянулся на море. Там, за набегающими пенящимися волнами, торчали вверх еще шесть конических рыл. Отчаяние придало индусу силы. Плечом к плечу с товарищем он поспешил вперед и вошел по пояс в замутившую воду. Акула, подползая по дну, подобралась близко. Под тяжестью ее тела, одетого прочной шершавой кожей, скрипели и хрустели отростки кораллов. В раскрытую треугольную пасть заплескивали волны. Жаберные щели пульсировали позади головы, хвост бил по воде, и акула извивалась в усилиях схватить обреченную добычу. Инценга выжидал, рассчитывая расстояние...

— Ауробиндо, пасть! — крикнул зулус.

И индус, инстинктивно поняв, что надо делать, воткнул двухметровый стальной бур прямо в глотку страшной рыбы. Акула метнулась, бур вырвался из рук индуса, но в этот момент зулус, подскочивший сбоку, изо всех сил ударил тварь по голове. Двадцатикилограммовый молот на длинной ручке глубоко вмял твердую шкуру в хрящевой череп. Оглушенная рыба забилась, перекатываясь со спины на брюхо, но очень быстро пришла в себя и снова устремилась на людей. Однако товарищи уже миновали опасную зону и быстро выбрались на сушу, где проклинали мерзкую рыбу, пока не подбежали другие рабочие с солдатами. Треск автоматов раздавался в течение нескольких минут, но это мало подействовало на невероятно живучую рыбу. Лишь когда над морем пронеслись бухающие разрывы гранат, с акулой было покончено.

* * *

— Теперь, черти, можете отдохнуть! — весело обратился к рабочим помощник инженера. — Вы славно поработали эти два месяца и получите хорошие отзывы... Завтра придет наш пароход, и мы поедем домой.

Помощник инженера произнес последнее слово с особенным удовольствием. Удачно выполненная работа сулила премию и, может быть, повышение по службе. Помощник инженера удовлетворенно окинул взглядом приготовленное к погрузке, теперь уже ненужное здесь оборудование и зашагал к домику отдать рапорт начальствующему инженеру. Рабочие проводили его взглядами — одни тоже веселыми, другие хмурыми — и разбрелись по берегу в ожидании обеда; большая часть поспешила растянуться в тени нескольких пальм, стоявших у полосы влажного песка. Этим людям возвращение сулило только новую подневольную работу, наверно еще худшую, чем проделанная здесь. В конце концов, здесь было не так уж плохо по сравнению с пустыней. На кормежку начальство, очень торопившееся с выполнением задания, не скупилось: остатки военных запасов были еще велики.

Но для двадцати трех человек возвращение с острова должно было совпасть с освобождением. Конец заключения и впереди — свободный путь к далекому дому, к миру прежних забот и жизненных планов, прежде казавшемуся канувшим в небытие. Инценга и Ауробиндо были в числе счастливых.

Подтрунивая друг над другом, они присоединились к группе, спешившей к голубоватому дымку кухни. Молодость пробивалась в их унылом существовании, подобная ярким зеленым росткам, упрямо завоевывавшим солнечную радость в трещинах серых скал. А оба студента были очень молоды.

Помощник инженера вошел в затененный тентами домик, пропитанный запахом душистого табака. Инженер поднял на него вопросительный взгляд, задержал руку с вечным пером на раскрытой записной книжке.

— Все готово, сэр. Можно радировать, что завтра мы покидаем остров. Если судно не запоздает, то к полудню можем отойти.

— Отлично, Фредди! Я пробуду здесь до конца. Мой катер на подходе...

— Вы возьмете меня с собой, сэр? — взволнованно спросил помощник.

Инженер некоторое время размышлял, крутя автоматическую ручку своими толстыми пальцами.

— Хорошо, — наконец сказал он (и лицо помощника осветилось), — вы заслужили это. Завтра, отправив пароход, мы переедем с вами на риф Клерка. Наблюдательная станция там. Здесь останутся только приборы, автоматические фотоаппараты и радар.

— А в свинцовом блиндаже разве никого не будет, сэр? — осторожно спросил помощник.

— Конечно, нет, — усмехнулся инженер. — В момент выстрела... Блиндаж — для последующих наблюдений за излучением...

Помощник поднял брови в знак понимания и, помолчав, сказал:

— Наши цветные хорошо работали, сэр. Они заслужили отличные отзывы... Особенно удачными оказались один негр и один индус, понятливые молодцы. Я их приспособил даже к топографической работе...

Инженер внезапно встрепенулся, и помощник был встревожен озабоченностью своего патрона.

— Вы имеете в виду Ауробиндо и Инценгу, Фредди? Эти двое, конечно... — Инженер бросил ручку и потянулся за трубкой. — Скажите, вы не замечали у них явного интереса к производимым нами работам? Отвечайте обдумав, это очень важно!

— Нет, сэр... то есть они... — замялся не подготовлен-

ный к вопросу помощник,— они только показались мне способнее всех других. Но за ними ничего не замечено, и агент наблюдения ничего не доносил... Да и что могут они понять в нашей работе, эти цветные! Мозги не доросли... — успокоился помощник.

Инженер порылся в столе, извлек какую-то бумажку и задержал ее в руке.

— Для того мы и набрали цветную рабочую силу, чтобы обеспечить полную секретность,— подтвердил инженер.— Но иногда бывают ошибки. Сюда особенно опасно допустить каких-нибудь таких... понятливых, как эти двое... И я послал запрос в управление лагеря. Вот ответ,— инженер взмахнул бумажкой.— Ауробиндо и Инценга — студенты из южноафриканских университетов.

— Студенты! — ужаснулся помощник.— Но кто же допустил?..

— Кто бы там ни допустил, ошибка налицо. Вот вам ваши понятливые молодцы, Фредди. Вы сами еще очень молоды...

Помощник растерянно молчал.

— Еще полбеды, ведь оба не техники — медик и гидрогеолог,— проворчал инженер, которому стало жаль своего подчиненного,— следовательно, ничего не смыслят в наших делах. Но мы не можем рисковать ничем. Немедленно повидайте агента наблюдения и установите самый тщательный надзор за этими двумя. Хотя бы одно слово, свидетельствующее о понимании нашего дела,— и их придется изолировать.

— Слушаю, сэр! — Помощник заторопился к выходу.

* * *

Пароход ожидался после полудня, но уже на рассвете все было готово, даже палаточный городок свернут и увязан в тюки.

Арестанты лениво лежали на песке, когда помощник инженера вдруг позвал Инценгу и Ауробиндо: техник спохватился, что забыл поставить сигнальный фонарь на северо-западной стороне острова — временный маяк для судов наблюдения. Оба товарища были несколько встревожены тем пристальным вниманием, которое проявлял к ним в последний день молодой помощник, и поэтому вздохнули с облегчением, узнав о задаче. Навьюченные фонарем, батареями, тросом и блоками, они поспешили на

северную сторону рифа. Товарищи скоро достигли мангровой заросли и тут поняли, что им досталось труднейшее дело. Бесчисленные корни, то густо переплетенные, то стоявшие частоколом, уходили глубоко в вонючий черный ил. На дне, под грязью, множество нагроможденных подгнивших столбов и корней образовывало опасные капканы. Товарищи углублялись все дальше в непролазную чащу, где померк дневной свет, и в темноте передвижение стало еще труднее. Балансируя с тяжелым грузом на скользких корнях, срываясь в вязкую топь, Ауробиндо и Инценга продвигались вперед очень медленно. В недрах зарослей пришлось зажечь электрический фонарь будущего маяка, чтобы найти проход. Чьи-то глаза загорелись красными огоньками из-под темного свода корней.

— Это крокодилы, у них глаза горят красным... — пробормотал зулус, вытягиваясь во весь свой шестифутовый рост и высоко поднимая фонарь.

Теперь падение с корней вниз угрожало смертью, но, к счастью, мангровая заросль, достигшая наибольшей густоты в этом месте, скоро окончилась, и товарищи добрались до намеченного мыска. Поспешно обтесав ствол самого высокого из деревьев, друзья прикрепили к нему толстую дюралевую трубку с гнездом для фонаря, установили фотоэлектрический выключатель и соединили контакты батарей. Все было кончено, и можно было идти назад — скорее, как можно скорее: солнце перевалило за полдень. Смутная тревога владела обоими товарищами: ведь пароход должен был уже подойти к острову. Их, конечно, подождут, но мало ли что может случиться!

* * *

Инженер быстро шел по опустевшему берегу.

— Как у вас, Фредди?

— Готово, сэр. Только нет двух рабочих. Знаете, тех, о которых мы вчера говорили. Я отправил их на ту сторону острова для установки временного маяка.

Инженер выставил растопыренные пальцы, как он делал всегда, когда хотел остановить своего помощника, немного подумал и спросил:

— Вы установили сигнал возвращения для отправившихся?

— Да, сэр, четыре гудка. Но они еще не могли окончить работу...

— Так дайте скорее гудки. Удобный случай... — Инженер криво усмехнулся, пряча глаза. — И заодно, поскольку поедете на судно, вот телеграмма, подписанная мной, о готовности острова!

— Но, сэр... — Помощник инженера замялся. — Это станет известно их... их товарищам.

— Оставьте, Фредди! Неужели вы хотите рискнуть своей репутацией, а может быть, и попасть на их место... ради двух цветных преступников? Ошибка не наша, но разве мы тоже не окажемся в ответе, если... Ну, что там говорить! Сама судьба идет нам навстречу, и неумно отказываться. А другим скажите... скажите, что их заберет мой катер. Мы уедем после того, как скроется пароход. Не медлите, Фредди!

Помощник послушно повернулся и побежал к ожидавшейся на берегу шлюпке. Гудок всхлипнул, прервался и сейчас же громко заревел. Четыре раза рев уносился вдоль по пустынному берегу, отражаясь эхом от мрачных скал...

Инценга и Ауробиндо услышали гудки, едва успев установить фонарь. С головы до ног покрытые грязью, измученные, они пробивались назад сквозь громадное болото. Пот струился по их лицам, в глазах мутилось, ноги были изранены. Ауробиндо провалился в скрытую яму и ушел по плечи в черный вонючий ил. Зулус, напрягая последние силы, вытащил товарища и опустился на груды ослизлых корней, нагроможденных вдоль глубокой промоины. Товарищи поняли четыре гудка как сигнал скорого отхода, и все же еще целую вечность боролись они за каждый фут. Топь кончилась внезапно. Едва отдышавшись, Ауробиндо и Инценга прошли по воде, потом побежали, обогнули поворот берега и... замерли. Пароход виднелся маленькой черной лодочкой в нескольких милях от острова. Светлый дымок вился над его трубой — словно судно, издеваясь над оставшимися, махало им платком. Оглушенные случившимся, друзья недоуменно оглядывались и не сразу слышали стук мотора. Большой морской катер нырлял и сверкал зеркальными стеклами в одной миле от берега, направляясь на юг, перпендикулярно курсу парохода. Инценга и Ауробиндо заскакали по берегу, размахивали руками и неистово вопили. За кормой катера поднялся белый бурун. Маленькое судно понеслось тридцатиузловым ходом, не меняя курса. Еще немного, и катер исчез в сияю-

щей синеве, там, где у самого горизонта едва виднелся маленький темный купол — соседний остров Клерка.

* * *

В Австралийской пустыне был предрассветный час. Мрак и тишина еще простирались над разрушенной солнцем, мертвой землей. Но в глухом каземате, за шестиметровой толщей бетона, свинца и стали, разливался яркий голубоватый свет. Четырнадцать человек нетерпеливо толкались в просторном помещении. Все с волнением ждали. Стены, заделанные блестящими черными панелями, были усеяны круглыми стеклами бесчисленных приборов. В центре одной стены против входа матово светилось небольшое квадратное окошечко, затемненное выступающей рамой. Под ним выдвигался широкий уступ. На его наклонной поверхности четырьмя рядами располагались белые шляпки регуляторов и реостатов, кнопки и стрелки. Все сооружение напоминало гигантский радиоприемник. В широком кресле перед центральным окошечком сидел седой человек, нервно приглаживавший волосы. Над ним склонился массивный американец в золотых очках — главный инженер строительства. Стоящие сзади люди представляли виднейших ученых, военных и инженеров двух англосаксонских стран. Среди военных и инженеров явно преобладали американцы, державшиеся очень уверенно, с видом хозяев. Англичане стояли несколько особняком и поглядывали по сторонам с оттенком робости, как будто им не по душе было то дело, ради которого они собрались здесь, в ночной пустыне. На круглом столике рядом с креслом в ящичке красного дерева под толстым стеклом бежала по кругу длинная, тонкая стрелка хронометра. Главный инженер не отрывал от нее глаз.

— Заряжено три боевых гнезда, — полупшепотом объяснял группе из четырех военных ведущий конструктор. — Честь пуска первой ракеты принадлежит... — Конструктор еще более понизил голос и назвал знаменитого физика, лауреата Нобелевской премии и члена Королевского общества. — Вторую ракету выпустит главный инженер, третью — я.

Главный инженер выпрямился:

— Осталось пятьдесят секунд. Сэр, включите экран и доску радиолокаторов...

Свет потух. Ярче выделилось квадратное окошечко

и черное длинное стекло под ним. Стрелки бесчисленных указателей настороженно трепетали, как будто охваченные нервной дрожью.

— Ноль секунд! — прогремел голос главного инженера.

Тонкая рука, бледно выделявшаяся в отблеске освещенных циферблатов, нажала круглую кнопку.

Стрелки приборов прыгнули в разные стороны. Здание содрогнулось, глухой низкий рокот проник через толщу стен. Присутствовавшие замерли. Здание продолжало содрогаться, но тяжкий гул постепенно замирал, удаляясь. Физик, нажавший пусковую кнопку, невольно съежился, представив себе, что творится снаружи, на подъемной площадке ужасной машины. Раздался тихий звонок. На черном стекле осветился маленький квадрат с цифрой «1». Шумный вздох облегчения вырвался из груди главного инженера. Еще звонок — вспыхнул второй квадратик, за ним третий, четвертый... Это сигнализировали локаторы, установленные на столбах, двумя рядами протянутых до побережья. Они точно фиксировали момент прохождения ракеты над ними, когда ее металлический корпус пробивал незримую преграду радиоволн, протянутую на громадной высоте, отвесной плоскостью в небо.

— Она летит, сэры! Летит точно по заданному направлению! — гордо повернулся к присутствующим главный инженер.

Ведущий конструктор в это время возился с вычислительной машиной.

— Сигналы локаторов дают увеличение скорости, — объявил он. — Еще через шесть минут можно будет сказать, какова максимальная. Тогда же установим момент, когда ракета должна достигнуть острова.

— Опыт исключительно удачен! — отозвался главный инженер. — Серия предварительных испытаний с меньшими снарядами обеспечила успех.

Взволнованные военные, ученые и конструкторы придвинулись к столу. Все глаза были устремлены на ленту черного стекла, освещенная часть которой быстро удлинялась. Прошло восемь минут. На самом конце ленты зажглась цифра «92», звонок прозвенел в последний раз, и прибор прекратил работу.

— Ракета над океаном, — объявил конструктор. — Через пять минут следите за локатором самой ракеты.

На экране возникло мутное, дрожащее пятно. Оно слегка двигалось в разные стороны, следуя колебаниям несущейся в бездонной глубине неба ракеты. Немного спустя пятно потемнело, края его обрисовались резче — на экране возник темный плоский холмик, увенчанный пирамидальным возвышением. Если бы в комнате мог присутствовать кто-либо из работавших на далеком острове, он без труда узнал бы очертания горы Русалочьего рифа.

* * *

Мрачные ребра горы заиграли красноватыми отблесками. Инценга и Ауробиндо проснулись. Жестокая тревога не давала им покоя. В надежде, что за ними вернется какое-нибудь судно, товарищи спали на берегу бухты — единственной, куда мог подойти корабль. Но восходящее солнце освещало все такое же пустынное море, без малейшего признака какого-либо судна.

— Нас бросили. И бросили с целью! — гневно заявил зулус. — Нужно спастись самим, пока не поздно: ведь мы на мишени и сами тоже мишень. Должно быть, они заметили что-то... Эх, как глупо, что мы согласились идти устанавливать маяк!

— Если бы не согласились, тогда с нами расправились бы другим способом, — спокойно ответил Ауробиндо. — Но я все-таки думаю, что за нами приедут. Ведь тут установлено много приборов. Кто-нибудь должен наблюдать за ними...

— Наблюдать после обстрела, — мрачно возразил Инценга. — И боюсь, они скоро соберутся стрелять сюда. Вспомни, как торопились наши начальники. Это плохой признак для нас: это значит, что там все готово. Нет, нужно бежать отсюда немедленно! Пойдем опять на северную сторону острова — стрелять ведь будут оттуда. — Зулус показал на юго-восток. — Кажется, с той стороны у них был сторожевой пункт с лодками. А я что-то не видел, чтоб их грузили на пароход. Возможно, они забыли или нарочно оставили их. Еды наберем в поселке из разных отбросов и остатков в домике инженера — вчера мы там нашли достаточно — и переправимся на другой остров.

Ауробиндо колебался. Он очень хорошо помнил заключение с акулой. В глубине души индус надеялся на

скорый приход катера, надеялся, что их оставили по ошибке. Слишком жестоко было бы намеренно оставить их здесь на смерть, их, невинно осужденных и отбывших свой срок, работавших старательно и безупречно.

— Идти на ту сторону нужно, но кому-нибудь одному. И один все узнает. А другой останется здесь на случай прихода катера.

Инценга согласился. Предложение индуса было разумно. Идти на север вызвался зулус — он был великолепным ходоком и бегуном, и путешествие должно было занять у него гораздо меньше времени, чем у индуса. Инценга немедленно пустился в путь, забыв о еде. Он вскарабкался на крутой склон, перевалил через гору и скрылся из глаз. Ауробиндо остался в одиночестве перед пустым морем, на берегу бухты. Солнце, поднявшееся уже высоко, стало жарким. Ауробиндо огляделся и заметил небольшую лощину, заросшую лесом. Лощина врезалась в юго-западный склон горы и уходила в глубь ее, за ребро западного отрога. Там не производилось никаких работ, и индус направился в лощину, надеясь найти тень и собрать каких-нибудь съедобных плодов. Устье лощины оказалось заваленным громадными камнями, и Ауробиндо с трудом перебрался через них. Позади глыб оказалось что-то вроде пещеры, на углубленном дне которой среди замшелых камней стояло небольшое озерцо. Впереди поднимались пологие скаты, поросшие густым кустарником. Ауробиндо забрался в прохладную пещеру, напился и стал на плоский камень, чтобы осмотреться и выбрать направление. Он не беспокоился о катере: стоило ему вскарабкаться на глыбы и выглянуть из-за ребра горы, как сразу же открывался вид на весь берег.

* * *

— Пора! — отрывисто крикнул главный инженер, и рука ученого послушно нажала вторую кнопку.

С невообразимой быстротой радиоволны догнали бешено несущееся стальное чудовище и произвели сложную работу в его механизме. Изображение на экране исчезло, и перед затаившими дыхание зрителями экран засветился ровным матовым светом.

— Ракета упала! — воскликнул главный инженер. — Сейчас поступят сообщения с наблюдательных судов и станций.

Ауробиндо заметил недалеко от себя маленькое дерево с темными круглыми листьями. Меж листьев покачивались мясистые плоды. Индус поднял голову вверх. Немыслимо яркий свет ударил в небо, мгновенно разлился по голубому куполу, погасив солнце. Краски чудесной чистоты и исполинской яркости сменяли друг друга, как несущиеся с быстротой мысли волны. Этот свет, в котором не было ничего земного, знакомого человеку, ударил в глаза Ауробиндо, проник в самую глубину мозга, вонзился в нервы раскаленным острием. Индус упал навзничь назад в пещеру, и в тот же момент громовой свистящий рев потряс все клеточки его тела, погасил сознание. Ауробиндо не видел, как за каменистым мысом взвился столб песка, воды и пара, подобные громадной колонне правильно круглой формы, встал на высоту трех миль над океаном и, как бы ударившись в небо, стал расплываться исполинским грибом. Ножка этого чудовищного гриба, толщиной в две мили, была плотной на вид, хотя по ее поверхности вихрились крутящиеся массы раскаленных газов и пыли. Индус не чувствовал, как над ложиной пронесся вал адского пламени, от дыхания которого испарился кустарник на склонах, треснули скалы и с грохотом обрушились каменные лавины. Неподвижное тело Ауробиндо распростерлось на дне мшистой пещеры, в воде озера.

...Зулус был застигнут взрывом на той стороне горы. Адское пламя не ослепило чернокожего, укрытого зеленым покровом леса. Оно потеряло здесь свою все сжигающую силу, отброшенное в небо склоном горы. Только взрывная волна повалила деревья, сбила Инценгу с ног и осыпала дождем мелких камней. Неимоверный грохот оглушил зулуса, потоки горячей воды хлынули с неба. Счастье благоприятствовало Инценге. Он отделался незначительными царапинами и сильной головной болью. Зулус сразу понял, что в остров попал атомный снаряд, и первая его мысль была о товарище.

Индус находился с другой стороны горы, там, где проявилась вся адская сила атомного взрыва. Опомившись от контузии, под непрекращавшимся горячим дождем зулус повернул обратно. Он читал в описаниях действия атомных бомб о смертоносном остаточном излучении на месте взрыва, но не думал об этом, спеша на помощь своему другу... Не думал он и о том, что мог последовать

второй выстрел. Сильнее всех страхов и чувств сейчас была дружба. Она гнала его вперед, вверх по крутому склону, заставляла пробираться через груды поваленных деревьев, нагромождения остроугольных глыб...

Ауробиндо очнулся от страшной боли, терзавшей его внутренности. Абсолютный мрак и тишина окружали индуса. Ауробиндо не сразу понял, что он ослеп и оглох. Но когда ужасная истина проникла в сознание индуса, дикий, нерассуждающий, животный страх охватил его. Весь мир оказался где-то по ту сторону бытия, а он лежал совершенно беспомощный на дне черной бездны, откуда не было возврата, но не было и смерти. Почва палила снизу его тело, как раскаленная плита, и Ауробиндо пополз. Минуту назад он не мог двигаться сам, но теперь полз вперед и вперед, слепой и обезумевший, сдирая о камни сожженную кожу. Индус стонал и кричал, сам не сознавая этого. Так дополз он до моря. Теплая вода показалась холодной, набегавшие волны окатывали индуса с головой, мокрый песок был райским ложем после раскаленных камней, и мысли Ауробиндо стали проясняться...

Теперь он знал, что стал первой жертвой нового изобретения — атомной ракеты, — и знал, что ему немного осталось жить. Жгучая боль внутри переходила в лихорадку, странно возбуждавшую и обострявшую мысли. Мозг работал четко, с необыкновенной яркостью, быстротой и уверенностью заключений. Мысль Ауробиндо словно хотела вырваться из непроглядной темницы изувеченного тела и подняться на крыльях муки, перед тем как погаснуть навсегда.

Индусу казалось, что за несколько мгновений он просмотрел всю жизнь, побывал в звездных пространствах и вернулся, одаренный нечеловеческой мудростью. И эта мудрость властно приказывала ему во что бы то ни стало открыть людям глаза на тот тупик, куда заводит человечество дикая власть войны и наживы, наука, служащая войне, философия торжествующего капитала... Но кому он сможет передать свои мысли, полные великолепной ясности, мысли, которые помогут людям понять то великое, чего он достиг в момент необычайного взлета и напряжения его мозга, в последние часы жизни! Инценга погиб, а если и спасся, то найдет его уже мертвым. Вокруг него только вода и сожженные адским пламенем скалы. Но гордая мысль, раз взлетевшая, не признавала никаких пре-

пятствий. Индус стал писать на песке свое завещание миру, не сознавая, что всплески волн непрерывно смывают написанные строчки. Призывая к себе человечество, Ауробиндо упорно писал, борясь со смертью, уже всползавшей вверх по его ногам...

Инценга добрался до перевала. Но здесь герой-зулус вынужден был отступить. Дыхание колоссального пожара было нестерпимым. Нечего было и думать пробраться через пепел сгоревшего леса и поля оплавленных камней. Вместо привычного зрелища рифа, с его перламутровой грядой кораллового известняка, с девственно зелеными склонами горы, с поразительно чистой, прозрачной водой, зулус увидел потрясающее разрушение. Серая грязь бухты, дымящиеся, абсолютно мертвые, спаленные камни, тусклый красный свет солнца, едва пробивающегося через завесу дыма и пара...

Острые глаза зулуса различили с высоты на узкой полосе песчаного берега крохотную фигурку. Неумолимый зулус снова пустился в путь, проделывая головокружительный спуск по северному отрогу, и достиг берега. Теперь он мог без труда пройти по мелкой воде до лощины на юго-западном склоне, против которой лежал Ауробиндо. Зулус увидел, что Ауробиндо шевелится, и громко позвал друга, но тот не откликнулся. Зулус подбежал и приподнял товарища, придя в ужас от его истерзанного и опаленного тела. Ауробиндо крепко схватил руки Инценги — он все еще находился в невероятном возбуждении. Зулус тревожно ощупывал индуса, пытался спрашивать. Не получая ответа, Инценга стал кричать Ауробиндо прямо в ухо, пока не убедился, что друг его ослеп и оглох... Ауробиндо поднял руку, как бы призывая к спокойствию, и заговорил, торопясь, пропуская отдельные слова, потому что речь не успевала за полетом мысли. Индус спешил передать товарищу все великие мысли, окрылившие его на пороге смерти, в слепой и безотчетной надежде, что зулус передаст их людям.

Инценга слушал, поддерживая друга за плечи, исполненный мрачного гнева.

* * *

Главный инженер отошел от телефона.

— Прошу внимания, джентльмены! Передали обобщенную сводку всех наблюдательных станций. Ракета не

попала в гору, она взорвалась в двух милях от склона, на отмели. Мы поспешили на секунду... — Инженер помолчал и торжественно закончил: — Сила взрыва, как доносят, колоссальна! Ракета достигла острова. Значит, новое оружие создано. Я счастлив поздравить вас, сэры, с крупной победой нашей науки...

Аплодисменты, восторженные вопли наполнили помещение, прервав инженера. Важные генералы, серьезные ученые, озабоченные инженеры запрыгали, как ребята, обнимаясь и целуясь; неистово били друг друга по спинам и свистели. Можно было подумать, что все эти люди выдающегося ума и знания приветствуют великое, благотворное открытие, несущее счастье человечеству. Главному инженеру с трудом удалось снова заговорить.

— Сэр Халлес считает, что нужно сейчас же выпустить вторую ракету. Погода благоприятна, и мы сможем в первый же день испытаний определить, насколько трудна корректировка прицела... Я приветствую это решение, тем более, — главный инженер широко улыбнулся, — что мне предоставлена честь второго выстрела...

Присутствующие одобрительно загудели.

— Дайте сигнал опасности наверх! — решительно бросил инженер и опустил в кресло перед экраном.

Зазвенели телефоны, раздались отрывистые распоряжения. Синяя лампочка вспыхнула над экраном. Главный инженер подождал у хронометра, затем уверенной рукой нажал кнопку. Снова задрожали толстые стены: там, на пусковой площадке, в оглушительном реве пламенного вихря взвилось в высоту второе чудовище. Сопровождаемое сигнальными звонками и вспышками на доске локаторов, оно помчалось опять к океану из глубины красной пустыни.

Там, на мокром песке у воды, умирал Ауробиндо. Голова его запрокинулась на колене зулуса, и широко открытые глаза вперились в глубину высокого неба, свет которого не мог проникнуть в бездну мрака, окутавшего умирающего. Руки Ауробиндо судорожно цеплялись за товарища.

Далекий грохот наполнил небо и мгновенно растаял вдали. Инценга изумленно осмотрелся. Море перед ним было по-прежнему тихо и пусто, ничто не нарушило грозного покоя опаленных утесов горы.

* * *

— Все наблюдательные станции сообщили, что ракеты нет,— хмуро возвестил главный инженер и с оттенком смущения добавил: — Непонятно, куда она девалась. Локаторы показали ее нормальный полет до девяносто второго номера, а над океаном ракета исчезла. Или она упала недалеко от берега вследствие какой-либо порчи?

— Я предупреждал о необыкновенной трудности точного прицела на такие расстояния,— вдруг проговорил маленький человечек с всклокоченными волосами, скромно стоявший поодаль у стены.

— Э, да ведь мы не дураки! — почти грубо отрезал главный инженер.— Восемьдесят опытов с меньшими моделями...

— Наш старый спор: я говорю, что между малой моделью и настоящей ракетой есть глубокое качественное различие,— перебил человечек.— Ваши прежние опыты...

— Пустое! Мы сейчас всё выясним,— не сдавался главный инженер.— Сам создатель ракеты выпустит третью! Может быть, это я неудачлив, ха-ха!

Стоявший у стены скептически покачал головой, но отвернулся, поймав злобный взгляд главного инженера.

Снова сотряслась земля, раздались звонки локаторов. Сбившиеся в кучу люди затаили дыхание, следя за полетом ракеты. Она вышла на океан, но радарный экран не показал очертаний островной горки. Конструктор закусил губу, брови его сдвигались и раздвигались. Наконец, решившись, он нажал кнопку, обрушивающую снаряд на цель...

* * *

Передовой крейсер «Принцесса Шарлотта» бороздил двадцатиузловым ходом голубую воду. Грозные орудия прицеливались в морскую гладь океана. На траверсе корабля, в полумиле, шел второй крейсер того же класса, а далеко позади виднелся дымок третьего. Капитан-коммодор Чепин, сложив рот в брюзгливые складки, недовольно оглядывал с мостика спокойное море.

Командир корабля вышел из ходовой рубки и приблизился к коммодору, стараясь с высоты своего роста смотреть почтительно на коротконового и толстого старшего начальника.

— Мы радировали миноносцам ваше приказание, сэр. Получено подтверждение приема.

— Хорошо, — угрюмо ответил коммодор, продолжая мерить капитана недовольным взглядом.

— Еще что-нибудь, сэр? — осторожно спросил тот, угадывая желание начальника поговорить.

— Нет! Эта старая калоша нас задерживает! — Коммодор кивнул назад, за корму, на дымок третьего крейсера. — И без того тошно: погнали зачем-то в Австралию встречать дружественную эскадру янки...

— Правда, сэр, — охотно подхватил капитан корабля, — после стоянки на острове Бали... — Лицо моряка приняло мечтательное выражение.

Начальник молчал, и капитан продолжал в том же тоне:

— Этот остров — мечта. Какая природа, какие красивые женщины!.. — Капитан смолк и испуганно покосился на начальника: всей эскадре стал известен его неудачный роман с красивой малайкой.

Коммодор покраснел и рассердился еще больше.

— Мне нет дела до ваших воспоминаний! Я говорю — поднимите сигнал с выговором этому размазне Уорбертону! Больше ход! — рывкнул коммодор, окончательно озлившись.

Капитан поднес руку к козырьку, но не успел повернуться. Случилось что-то невероятное. Вдали, на северо-западе, из моря встала мгновенно и бесшумно исполинская клубящаяся башня. Из башни вылетело гигантское белое облако, взвившееся в небо и одновременно широко раскинувшееся в стороны, как будто кто-то раскрыл невероятной величины белый зонт. Страшный рев, гул, свист — корабль рывком подбросил корму и повалился набок. Ноги коммодора мелькнули через перила мостика — начальник полетел на палубу. Капитан ошалело ринулся вперед, но тут солнце затмилось, новый тупой толчок страшной силы потряс крейсер, и все же корабль выпрямился. Вой и вопли ужаса влились в гремящую кругом мглу, потом целый океан горячей воды хлынул с неба, и все замолкло. Капитан валялся на мостике оглушенный. Медленно, едва соображая, что он жив и цел, капитан поднялся на четвереньки. С палубы внизу несясь пронзительный визг коммодора:

— Эй, сюда! Всех под суд! Сигнальщики! Капитана!

Через несколько минут все опомнились. Коммодор был отнесен в рубку; зенитная артиллерия готова к бою. На

весь мир загремело сильное радио крейсера, оповещающая о чудовищном нападении. Сквозь облака тумана и пара сверкали вспышки выстрелов и доносился грохот орудий — второй крейсер бил по неведомому врагу.

* * *

В недрах бетонного каземата разрастался ученый спор. Третья ракета тоже не попала на остров и не была отмечена наблюдательными станциями. Главный инженер потерял значительную долю своего апломба, но беднягу ожидали еще более крупные неприятности. В разгар спора, когда скромный противник инженера убедил всех в том, что прицельность еще далеко не разрешена конструкторами ракеты, зазвенел телефон.

Конструктор схватил трубку, выругался и внезапно побелел. Отозвав в сторону главного инженера, он принялся, захлебываясь, шептать:

— Эскадра коммодора Чепина... близко... Кажется, утопили концевой корабль... двести миль от цели...

Главный инженер смяк. С минуту он стоял неподвижно, неопределенно вертя рукой, затем упавшим голосом объявил о конце испытаний.

* * *

Инценга осторожно снял голову индуса со своих колен и медленно поднялся, расправляя онемевшие ноги. Он отнес тело друга повыше на берег и стал на колени, прощаясь с верным товарищем.

— Бедный мой Ауробиндо, — тихо сказал чернокожий, — как торопился ты выразить мне свои предсмертные мысли!.. Ты не знал и не узнаешь больше, что то же самое, только гораздо яснее и подробнее, написал далеко на севере, в России, сорок лет назад Ленин...

Рокот мотора оборвал размышления Инценги. Катер шел полным ходом к скалистому мысу. Молниеносная догадка пронеслась в голове чернокожего. Он упал на песок, лежа выждал приближение судна, приподнялся, взмахнул руками, снова упал и пополз к воде, навстречу катеру.

* * *

«Заклученный Инценга, находившийся на острове вместе с другими осужденными в момент разрыва ракеты, подвергся тяжелой контузии, лишившей его слуха и речи.

Кроме того, названный заключенный выказывает признаки поражения других мозговых центров, выражающиеся в частичной потере памяти и аграфии, хотя в остальном жизнеспособен. По всей вероятности, больной должен вскоре погибнуть от биологического действия излучения атомного взрыва, тем более что находившийся вместе с ним другой заключенный умер на острове еще до прихода судна. Вследствие своего состояния заключенный Инценга не представляет никакой опасности в отношении вашего секретного запроса № 32-94-76/2. Инценга может быть освобожден и переведен в гражданскую больницу, пока не сможет вернуться на родину...»

Начальник лагеря отложил заключение врачебной комиссии и подписал лежавшую перед ним бумагу.

* * *

Инценга вышел на палубу и остановился у перил. Свежий ветер озорно и вольно носился над морем, рвал пену с гребней хмурых валов. Сильное тело зулуса переполняла энергия, он нетерпеливо ждал конца пути. Военные песни зулусского народа сами собой рвались из широкой груди, могучие руки крепко держались за поручни. Инценга овладел собой, закурил трубку и стал обдумывать свою речь на Конгрессе защитников мира.

Зулус ехал на съезд друзей человечества, простых людей — черных и белых, желтых и краснокожих. Ехал, чтобы поведать борцам за мир новую злобную затею врагов человечества.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

АЛМАЗНАЯ ТРУБА	5
ПУТЯМИ СТАРЫХ ГОРНЯКОВ	37
ВСТРЕЧА НАД ТУСКАРОРОЙ	66
АТОЛЛ ФАКАОФО	94
БУХТА РАДУЖНЫХ СТРУЙ	127
ПОСЛЕДНИЙ МАРСЕЛЬ	146
АДСКОЕ ПЛАМЯ	175

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Иван Антонович Ефремов

АЛМАЗНАЯ ТРУБА

ИБ № 8331

Ответственный редактор *Л. А. Румянцева*. Художественный редактор *А. Б. Сапрыгина*. Технические редакторы *В. К. Егорова* и *Т. П. Тимошина*.
Корректоры *И. В. Коллова* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 27.08.84. Подписано к печати 15.01.85. А04705. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-стт. 11,34. Уч.-изд. л. 11,09. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5931. Цена 65 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Ефремов И. А.

Е92 Алмазная труба: Рассказы / Рис. М. Рудакова. — М.: Дет. лит., 1985. — 207 с., ил. — (Библиотечная серия).

В пер.: 65 к.

Сборник научно-фантастических рассказов известного советского писателя.

Е $\frac{4803010102-085}{M101(03)85}$ (9) — 85

P2

65 коп.